

К 184436

В. ВЕРЕСАЕВ

**АЛЕКСАНДР
СЕРГЕЕВИЧ
ПУШКИН**

ДЕТГИЗ 1945

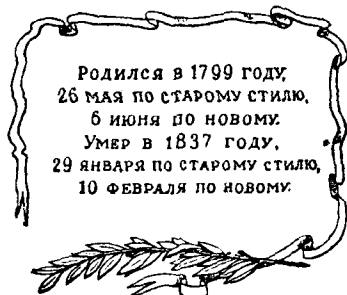

Александр Сергеевич Пушкин

С портрета В. А. Тропинина (1827 г.)

В. ВЕРЕСАЕВ

АЛЕКСАНДР
СЕРГЕЕВИЧ
ПУШКИН

Обложка и титул
Б. БУЛГАКОВА

Тверской бульвар в Москве.

С литографии Кадоля. 1830 г.

Д О М А

По одной из московских улиц, летом, шла дама и с нею — толстый, неповоротливый и молчаливый мальчик. Увалень раздражал мать — так шел он медленно и лениво. Она потеряла терпение, оставила мальчика и пошла вперед. Мальчик преспокойно уселся отдыхать среди улицы. Из раскрытых окон смотрели на него и смеялись. Это задело его. Он сердито сказал:

— Ну, нечего скалить зубы!

Медленно встал и пошел.

Этот мальчик был Саша Пушкин — будущий великий наш поэт Александр Сергеевич Пушкин.

Сергей Львович Пушкин, отец поэта.
Рисунок К. Гампельна. 1824 г.

Отец его, Сергей Львович, происходил из старинного дворянского рода, насчитывавшего шестисотлетнюю давность. Пушкин всю жизнь гордился своим «шестисотлетним дворянством».

Сергей Львович был помещик, и помещик богатый: имел более тысячи десятин в Псковской губернии и около семи тысяч десятин в губернии Нижегородской; во владении его находилось более тысячи «душ» крепостных крестьян. Однако Сергей Львович постоянно нуждался. Он не любил сам заниматься хозяйством, поместьями безотчетно управляли приказчики. Они обирали барина и крестьян. Однажды крестьяне, доведенные притеснениями приказчика до отчаяния, послали к Сергею Львовичу ходяков с жалобой на приказчика. Сергей Львович пришел в великое негодование, что его обеспокоили, затопал на мужиков ногами и прогнал, не выслушав.

Ему было не до того, чтобы заниматься такими скучными вещами, как хозяйство, отчеты, жалобы, цены на продукты. Жизнь представлялась Сергею Львовичу лугом удовольствий, человек — точнее, дворянин — мотыльком, которому предназначено порхать по этому лугу и пить с цветочков сладкий сок. Так он и проводил жизнь — в полнейшей праздности, ища одних удовольствий. Он был изысканно любезен на старинный французский манер, отличался в каламбурах и острых ответах, был желанным гостем во всех московских гостиных. Мастерски устраивал праздники и домашние театры, прекрасно сам играл на сцене и декламировал. Очень легко писал стишки — и по-французски и по-русски. Интересовался литературой, владел богатой библиотекой, преимущественно из французских книг, был лично знаком с лучшими писателями того времени —

с Карамзиным, Дмитриевым, Батюшковым, Жуковским, Вяземским. Родной брат его, Василий Львович, по образу жизни совершенно схожий с ним, сам был известный в свое время поэт.

До детей своих Сергею Львовичу было так же мало дела, как и до хозяйства. Он был сухой эгоист, но любил изображать из себя любящего отца. Вообще был он глубоко фальшив и всегда играл какую-нибудь роль. Никогда не проявлял своих чувств так, как их переживал. Имел склонность к чувствительности, был очень слезлив. Можно думать, что напыщенная фальшивость отца сыграла,

по контрасту, свою роль в выработке у Пушкина большой простоты и естественности в выражении чувств.

Жена Сергея Львовича, Надежда Осиповна, была внучкой «арапа Петра Великого», Абрама Петровича Ганнибала. Ганнибал был сын абиссинского владетельного князька, попал заложником в Константинополь, а оттуда привезен русским посланником в Россию. Император Петр I дал ему военное образование. Умер Ганнибал в глубокой старости в звании генерал-аншефа. В наружности Пушкина сохранилось много черт его прадеда: круто выющиеся волосы, смуглое лицо, несколько толстые губы.

Надежда Осиповна была совсем подстать своему мужу: так же любила светские удовольствия, питала такое же отвращение к труду, домашним хозяйством не занималась. Была она властна и взбалмошна. Муж находился у нее под бабшмаком. С детьми обращалась деспотически. Было их трое: старшая —

Абрам Петрович Ганнибал, прадед поэта.

С портрета масляными красками.

Надежда Осиповна Пушкина,
мать поэта.

*С миниатюры работы
Ксаوية-де-Местра.*

дочь Ольга, на два года старше Александра, потом Александр и младший — Лев, на шесть лет моложе.

Льва мать очень любила, а к старшим детям, особенно к Александру, относилась холодно. Рассердившись, дулась на него и не разговаривала неделями и месяцами. Подвергала унижительным наказаниям. У Александра была привычка тереть ладони одну о другую; чтобы отучить его от этого, мать на целый день завязала ему руки назад и проморила голодом. Мальчик часто терял носовые платки; мать пришила ему носовой платок к курточке в виде аксельбанта и заставляла так выходить даже к гостям.

Материнской ласки Пушкин никогда не видел.

Надежду Осиповну очень сердила неповоротливость мальчика, его тучность, робость и отвращение к движению. Она заставляла его бегать и играть со сверстниками. Когда мальчику становилось невмоготу, он убегал в комнату бабушки, Марии Алексеевны Ганнибал, залезал в ее корзину и долго смотрел на ее работу. В этом убежище его никто уже не трогал. Бабушка относилась к ребенку ласково, и, кажется, он ее любил. В стихотворении «Сон» Пушкин вспоминает, как над детской его кроваткой бабушка рассказывала ему сказки:

Но детских лет люблю воспоминанье.
Ах! умолчу ль о мамушке моей,
О прелести таинственных ночей,
Когда в чепце, в старинном одеянье,
Она, духов молитвой уклоня,
С усердием перекрестит меня
И шепотом рассказывать мне станет
О мертвецах, о подвигах Бовы...
От ужаса не шелохнусь бывало,

Едва дыша, прижмусь под одеяло,
Не чувствуя ни ног, ни головы.
Под образом простой ночник из глины
Чуть освещал глубокие морщины,
Драгой антик, прабабушкин чепец
И длинный рот, где зуба два стучало:
Всё в душу страх невольный поселяло.
Я трепетал, и тихо, наконец,
Томленье сна на очи упало.
Тогда толпой с лазурной высоты
На ложе роз крылатые мечты,
Волшебники, волшебницы слетали,
Обманами мой сон обворожали.
Терялся я в порыве сладких дум;
В глуши лесной, средь муромских пустыней
Встречал лихих Полканов и Добрыней,
И в вымыслах носился юный ум...

Настоящую любовь, ласку и заботу давала мальчику его няня Арина Родионовна. К ней Пушкин горячо был привязан до самой ее смерти.

К семи годам Пушкин из толстого и молчаливого увальня превратился в бойкого, говорливого шалуна. Теперь еще больше стало сказываться его африканское по матери происхождение: движенья были быстрые, глаза живые, из них как будто так и сыпались искры. Характер был пылкий, с быстро меняющимися настроениями. Бабушка Мария Алексеевна говаривала с огорчением:

— Не знаю, что выйдет из моего старшего внука... То его не расшевелишь, не прогонишь играть с детьми, то вдруг так развернется и расходится, что ничем не уймешь. Из одной крайности в другую бросается, нет у него середины. Бог знает, чем все это кончится, ежели он не переменится.

Мальчик был остроумный и озорной. Однажды знакомый Пушкиных, поэт Иван Иванович Дмитриев, министр в отставке, сказал:

— Посмотрите на него: настоящий арапчик.

Пушкин засмеялся, взглянул на рябое лицо Дмитриева и ответил:

— По крайней мере, отличусь тем и не буду рябчлк.

В доме жили гувернеры-французы и гувернантки. Они по-

стоянно сменялись. Воспитание детей мало заключало в себе русского. Домашним языком, как вообще в тогдашних дворянских семьях, был язык французский, и Пушкин с детства говорил по-французски лучше, нежели по-русски. Учился он плохо и лениво. Заливался слезами над четырьмя правилами арифметики — ее он вообще плохо понимал. Особенно деление стоило ему многих слез и трудов.

Лет с девяти мальчик сильно пристрастился к чтению. Он тайком забирался в библиотеку отца и читал целые часы напролет. Библиотека состояла преимущественно из книг французских писателей семнадцатого и восемнадцатого веков. Эти книги близко познакомили мальчика с французской литературой, выработали у него тот прекрасный французский слог, которому впоследствии не могли удивиться в его письмах природные французы. С восьми уже лет Пушкин начал писать стихи — по-французски. Писал эпиграммы на своих учителей, написал поэму «Толлиада». Он очень любил Мольера и, подражая ему, сочинил комедию «Похититель». Для этой комедии мальчик устроил в детской сцену, сам, один за всех, играл действующих лиц, а зрительницей была старшая сестра Ольга. Ольге пьеса не понравилась, чувствовалось рабское подражание Мольеру. Она освистала комедию. По этому случаю Пушкин написал на себя эпиграмму, тоже по-французски. Смысл ее следующий:

За что, скажи мне, «Похититель»
Был встречен шиканьем партера?
Увы! За то, что сочинитель
Его похитил у Мольера!

Царское Село.

С литографии.

В Л И Ц Е Е

В 1811 году в Царском Селе под Петербургом (ныне город Пушкин) открылось новое учебное заведение — лицей. Император Александр I отвел для лицея огромный четырехэтажный флигель своего большого дворца; приглашены были лучшие преподаватели. Лицей был учрежден исключительно для юношества «благородного происхождения, особенно предназначенного к важным частям службы государственной». Поступая в лицей в очень юном возрасте (10—12 лет), ученики должны были расти и развиваться исключительно в атмосфере учебного заведения: домой их не отпускали вовсе, даже на каникулы.

По протекции сановных друзей отца Пушкин был принят в лицей. Мальчик надолго покидал родной дом, но уезжал он без

всякого сожаления; расстаться было ему жалко только с сестрой Ольгой.

19 октября произошло торжественное открытие лицея в присутствии императора и всей царской семьи. Отслужена была обедня с молебном, потом открылось заседание. Директор департамента народного просвещения огласил манифест об учреждении лицея. Потом выступил директор лицея В. Ф. Малиновский. Бледный, совершенно растерявшийся перед высокими гостями, он начал что-то читать по бумажке, читал очень долго, но голос его звучал так слабо и прерывисто, что никто ничего не слышал. В задних рядах слушатели перешептывались, в передних клевали носами. Оратор наконец кончил, поклонился и, еле живой, воротился на место.

Смело, бодро выступил молодой профессор политических наук А. П. Куницын, только что возвратившийся из-за границы. Без всякой бумажки он стал говорить об обязанностях гражданина и воина.

Публика, увидав нового оратора, сначала испугалась и с грустью стала вооружаться терпением. Но чистый, звучный голос оратора внятно раздавался в обширном зале, речь его все больше захватывала слушателей, никто не дремал и не перешептывался.

Всех, между прочим, поразило, что Куницын ни разу не упомянул в своей речи об императоре, не восхвалял его кстати и некстати, как обычно делалось в торжественных речах. Тогда еще либеральному Александру I понравилось такое отсутствие холопства, и он на следующий день прислал Куницыну Владимирский крест — крупный орден.

Началась школьная жизнь.

Через год вот какие официальные характеристики давали мальчику Пушкину преподаватели и надзиратели: «Имеет более блистательные, нежели основательные дарования, более пылкий и тонкий, нежели глубокий ум. Прилежание его к учению посредственно. В характере его вообще мало постоянства и твердости...» «Весьма понятен, замысловат и остроумен, но крайне неприлежен. Он способен только к таким предметам, которые требуют малого напряжения, а потому успехи его очень невелики, особливо по части логики...» «Имеет остроту, но, к сожалению,

нию, только для пустословия, успевает весьма посредством...»

Пушкин держался с начальством независимо и вызывающе. Вот, например, безграмотное донесение надзирателя Ильи Пилецкого о поведении Пушкина всего только за один ноябрь месяца 1812 года:

«Пушкин 6-го числа в суждении своем об уроках сказал: признаюсь, что я логики, право, не понимаю, да и многие даже лучшие меня оной не знают, потому что логические силлогизмы весьма для него невнятны. — 16-го числа весьма оскорбительно шутил с Мясоедовым на щот 4 департамента, зная, что его отец там служит, произнося какие-то стихи, коих мне повторить не хотел, при

увещании же сделал слабое признание, а раскаяния невидно было. — 18-го толкал Пущина и Мясоедова, повторяя им слова: что если они будут жаловаться, то сами останутся виноватыми, ибо я, говорит, вывертеться умею. В классе рисовальном называл г. Горчакова вольной польской дамой. — 23-го, когда я у г. Дельвига в классе г. профессора Гауэншильда отнимал бранное на г. инспектора сочинение, в то время г. Пушкин с непристойною выпыльчивостью говорит мне громко: «Как вы смеете брать наши бумаги — стало быть, и письма наши из ящика будете брать?» Присутствие г. профессора, вероятно, удержало его от худшего еще поступка, ибо приметен был гнев его. — 30-го числа к вечеру г. профессору Кошанскому изъяснял какне-то

Лицейский зал.

Рисунок П. Бореля.

дела петербургских модных французских лавок, я не слышал сам сего разговора, только пришел в то время, когда г. Кощанский сказал ему: я повыше вас, а, право, не вздумаю такого вздора, да и вряд ли кому оный придет в голову. Спрашивал я других воспитанников, но никто не мог мне его разговор повторить по скромности, как видно».

В этом же месяце Пушкин явился зачинщиком волнений, приведших к уходу из лицея инспектора Мартына Пилецкого¹. Это был хитрый и бессердечный святоша, его ненавидели все воспитанники. Он позволял себе оскорбительные отзывы о родителях воспитанников, 21 ноября, за обедом, Пушкин, как доносил надзиратель, «начал исчислять сделанные г. инспектором родителям некоторых товарищей обиды, а после обеда и других к составлению клеветы на г. инспектора подстрекнул».

Закипели горячие споры, многие товарищи поддержали Пушкина, говорили, что надо идти к директору Малиновскому с жалобой на Пилецкого. «Вообще, — замечает надзиратель, — г. Пушкин вел себя все следующие дни весьма смело и ветрено». Произошло объяснение учеников с директором в присутствии Пилецкого. Повидимому, беседа убедила директора в неправоте Пилецкого, и ему вскоре было предложено покинуть лицей.

Когда Пушкин был в младших классах лицея, произошло огромное историческое событие. Летом 1812 года французский император Наполеон Бонапарт во главе шестисоттысячной армии вторгся в Россию. Двухсоттысячная русская армия, руководимая мудрыми полководцами Барклаем-де-Толли, а потом Кутузовым, медленно отступала в глубь страны, уклоняясь от решительной битвы.

Битва произошла 26 августа уже в Московской губернии, при селе Бородине, с неопределенным результатом. Русская армия продолжала отступать.

В начале сентября Наполеон вступил в Москву. Но она оказалась пустою.

Войска ушли, все жители покинули столицу. Через день-другой начались пожары, и вскоре вся Москва представляла из

¹ Инспектор Мартын Пилецкий — брат надзирателя Ильи Пилецкого.

себя одно сплошное море пламени. Через месяц Наполеон был вынужден покинуть Москву и уходить из России прежним путем, совершенно уже опустошенным, в сильнейшие морозы, под напором русской армии сзади, под ударами партизан со всех сторон. В середине декабря в России не оставалось уже ни одного вооруженного противника.

Пушкину в то время было тринадцать лет. Он глубоко и сильно переживал тот взрыв общенародного патриотизма, который был ответом на вторжение Наполеона в Россию. Много позже, уже незадолго до смерти, он писал, обращаясь к своим лицейским товарищам:

Вы помните, текла за ратью рать,
Со старшими мы братьями прощались
И в сень наук с досадой возвращались,
Завидуя тому, кто умирать
Шел мимо нас...

Живую, сознательную любовь к родине, которую пробудила в душе мальчика Пушкина отечественная война, он пронес нетронутой через всю свою жизнь. К смертной опасности, грозившей России, и к победному выходу из нее, к Бородинской битве, к пожару Москвы, к Кутузову, к Барклаю-де-Толли, к Наполеону Пушкин упорно возвращается мыслью в течение всей своей жизни; боль, гордость и торжествование за родину все время живут в его душе.

В 1821 году, после смерти Наполеона, Пушкин писал, обращаясь к нему:

А. С. Пушкин.

С гравюры Е. Гейтмана.

Надменный, кто тебя подвигнул?
Кто обуял твой дивный ум?
Как сердца русских не постигнул
Ты с высоты отважных дум?
Великодушного пожара
Не предузнав, уж ты мечтал,
Что мира вновь мы ждем, как дара¹;
Но поздно русских разгадал...

Россия, бранная царица,
Вспомни древние права!
Померкни, солнце Австерлица!²
Пылай, великая Москва!
Настали времена другие:
Исчезни, краткий наш позор!
Благослови Москву, Россия!
Война — по гроб наш договор.

«Великодушный пожар» Москвы был для Пушкина предметом постоянной патриотической гордости. В рассказе «Рославлев» (1831) молодая девушка, княжна Полина, узнает в деревне, что Москва горит. Она с негодованием сообщает пленному французскому офицеру Синекуру, что «благородные, просвещенные французы» сожгли Москву.

«Что вы говорите, — закричал Синекур, — не может быть». — «Дождитесь ночи, — отвечала она сухо: — может быть, увидите зарево». — «Боже мой! он погиб, — сказал Синекур, — как, разве вы не видите, что пожар Москвы есть гибель всему французскому войску, что Наполеону негде, нечем будет держаться... Нет, нет, — русские, русские зажгли Москву! Ужасное, варварское великодушие! Теперь всё решено: отечество ваше вышло из опасности; но что будет с нами, что будет с нашим императором!»

Синекур, взволнованный, ушел. Полина с подругой не могли опомниться.

«Неужели, — сказала Полина, — Синекур прав, и пожар Москвы дело наших рук? Если так... О, мне можно гордиться име-

¹ Пушкин имеет в виду Тильзитский мир, заключенный в 1807 году между Россией и Францией.

² Австерлиц — Аустерлиц, местечко в Моравии (Чехословакия). Под Аустерлицем в 1805 году произошло сражение между русскими и австрийскими войсками и армией Наполеона. Победа осталась за Наполеоном.

нем россиянки! Вселенная изумится великой жертве! Теперь и падение наше мне не страшно, честь наша спасена; никогда Европа не осмелится уже бороться с народом, который рубит сам себе руки и жжет свою столицу!»

Школьная наука, в общем, мало дала Пушкину. Впоследствии он с большой любовью вспоминал профессора А. П. Куницына, читавшего в лицее «курс нравственных и политических наук», того самого, который произнес на открытии лицея всех восхитившую речь. Это был талантливый ученый, держался он независимо, умел будить в учениках и любовь к знанию и высокие чувства. Впоследствии Пушкин вспоминал его в стихах:

Куницыну дань сердца и вина!
Он создал нас, он воспитал наш пламень,
Поставлен им краеугольный камень,
Им чистая лампада возжена...

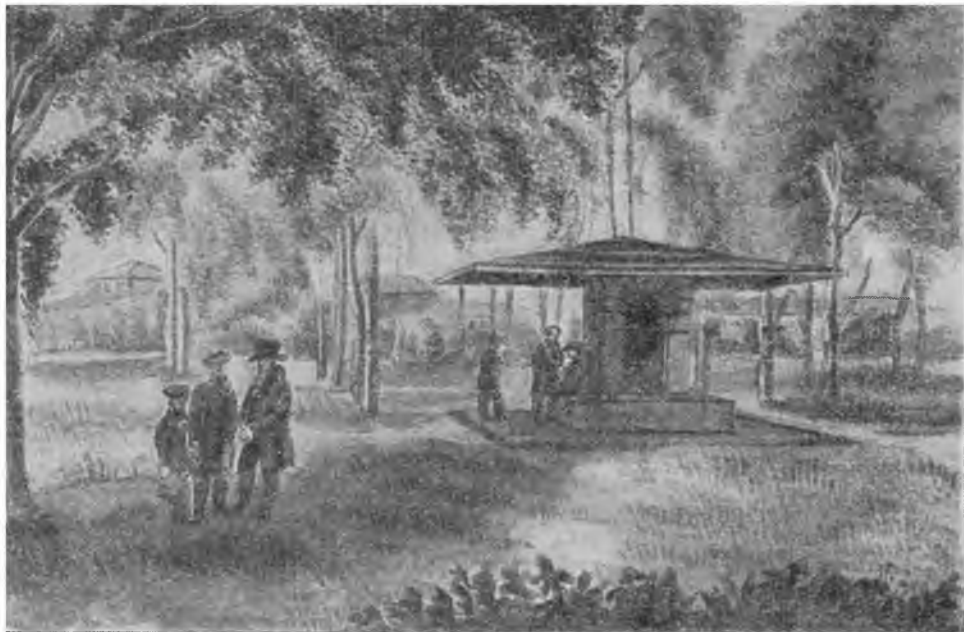
Еще Пушкин с любовью вспоминал впоследствии «о своем добром Галиче», преподававшем русскую и латинскую словесность. Это тоже был талантливый ученый. Уроки его являлись веселыми, непринужденными, чисто товарищескими беседами о литературе и искусстве. Галич озорничал вместе с учениками и вместе с ними дурачил начальство. Любил выпить. Пушкин в лицейских своих стихах изображает Галича веселым эпикурейцем, председателем их студенческих пирушек:

Апостол неги и прохлад,
Мой добрый Галич, vale!¹
Ты Эпикуров² младший брат,
Душа твоя в бокале.
Главу венками убери,
Будь нашим президентом,
И станут самые цари
Завидовать студентам.

Однако сами эти студенческие пирушки существовали больше в фантазии Пушкина. Стихи его свидетельствуют только о том, что лицеисты чувствовали в Галиче не строгого учителя, а до-

¹ vale (лат.) — будь здоров.

² Эпикур — древнегреческий философ, проповедовавший наслаждение как цель жизни.

Беседка «Грибок» в лицейском саду.

С акварели.

брого товарища, который охотно принял бы участие в их попойках, если бы они существовали. И Куницын и Галич через несколько лет были лишены занимаемых ими в Петербурге университетских кафедр за «вольнодумство и безбожие».

Французский язык и литературу преподавал низенький старичок с толстым брюшком, в насаленном, слегка напудренном парике, Давид Иванович де-Будри. Он был родной брат знаменитого деятеля французской революции Марата. Был он преподаватель дельный, умел прихотить учеников к занятиям и будить в них мысль. Будри очень уважал память своего знаменитого брата.

Остальные учителя лицея не поднимались над уровнем посредственности. Русскую литературу преподавал профессор Кошанский. Он старался прихотить учеников писать стихи. Однажды в послеобеденный свой класс Кошанский кончил лекцию раньше урочного времени и сказал:

— Теперь, господа, будем пробовать перья: опишите мне, пожалуйста, розу стихами.

Стихи у воспитанников не клеились, а Пушкин мигом прочел два четверостишия, которыми привел в восторг и Кошанского и товарищей.

Однако, воспитанный в старозаветных литературных вкусах, Кошанский не мог благотворно влиять на Пушкина: он поощрял напыщенность и ходульность, а простоту считал низкой. В стихах учеников усердно делал такие поправки: вместо «выкопав колодцы» — «взрывши кладези», вместо «площади» — «стогны», вместо «говорить» — «вещать». Пушкин относился к Кошанскому отрицательно, в стихах своих называет его «скучным проповедником», «угрюмым цензором», преподносящим «уроки учености сухой».

Математику Пушкин не любил. Преподавал ее профессор Карцев. Никого из учеников он не умел приохотить к своему предмету, тем более Пушкина. Раз вызвал он его к доске и задал алгебраическую задачу. Пушкин долго переминался с ноги на ногу и все писал молча какие-то формулы. Карцев спросил его наконец:

— Что же, вышло? Чему равняется икс?

Пушкин улыбнулся и ответил:

— Нулю.

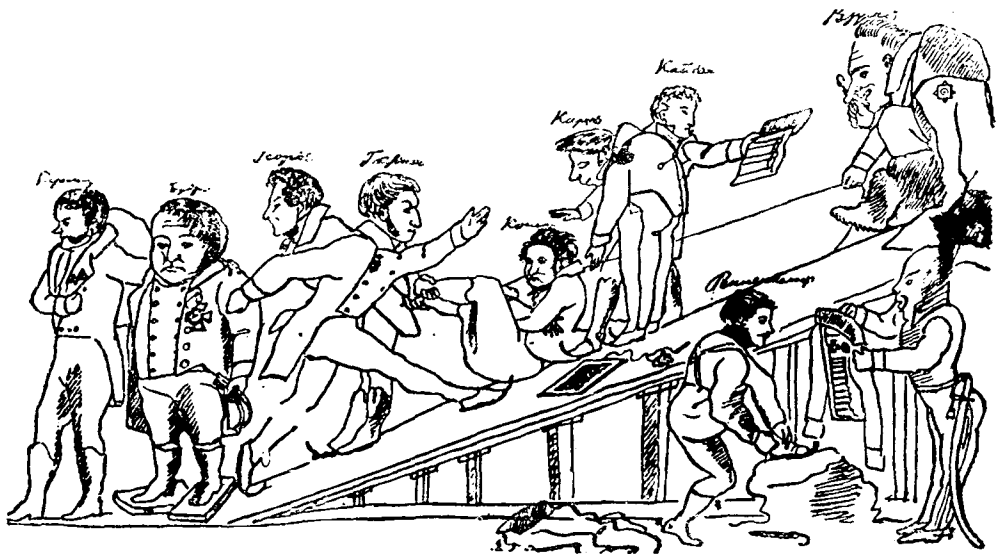
— Хорошо! У вас, Пушкин, в моем классе все кончается нулем. Садитесь на свое место и пишите стихи.

Преподавание в лицее велось по плохо продуманному плану, бессистемно, с обилием ненужных наук, как вспоминал один из товарищей Пушкина: «какой-то общий курс полугимназический и полуниверситетский, обо всем на свете».

Мы все учились понемногу,
Чему-нибудь и как-нибудь...

вспоминал и сам Пушкин.

Однако общий дух, царивший в лицее, был для того времени чем-то совершенно исключительным. Достоинство воспитанников уважалось, учителя говорили им «вы» с прибавкой к фамилии слова «господин», дисциплина была не строгая, телесных наказаний совершенно не существовало: лицей был единственным

«Карикатура на лицейских профессоров, ищущих милости у министра Разумовского».

Рисунок лицеиста А. Илличевского.

учебным заведением того времени, в уставе которого стояло: «телесные наказания запрещаются». Кормили воспитанников хорошо, помещение было роскошное, каждый ученик имел отдельную комнату. И, что так редко бывало в царских школах до самого последнего времени, воспитанники всю жизнь вспоминали лицей с любовью. С любовью не раз вспоминал лицей и Пушкин:

Куда бы нас ни бросила судьбина
И счастье куда б ни повело,
Всё те же мы: нам целый мир чужбина;
Отечество нам Царское Село.

Как мы видели, лицейское начальство было невысокого мнения о Пушкине: ленив, поверхностен, легкомыслен, способен только к предметам, требующим малого напряжения. Такое впечатление Пушкин и во всю свою жизнь производил на людей, мало его знавших. В действительности он уже в лицее много работал, читал и думал. В стихотворении «Городок» (1814) Пушкин перечисляет своих любимых писателей. Приходится

изумляться необычайной начитанности этого пятнадцатилетнего мальчика. Вот его любимцы: Гомер, Вергилий, Гораций, Тассо, Мольер, Расин, Вольтер, Руссо, Парни; из русских: Державин, Фонвизин, Богданович, Дмитриев, Крылов, Карамзин. Мальчик прилежно изучает шестнадцать томов сочинений одного из лучших тогдашних французских критиков — Лагарпа.

...часто, признаюсь,
Над ним я время трачу.

Товарищи Пушкина по лицу все чувствовали, что он по развитию много старше их. Один из ближайших школьных друзей Пушкина, Иван Пущин, рассказывает:

«Все мы видели, что Пушкин нас опередил, много прочел, о чем мы и не слыхали, все, что читал, помнил. Но он и не думал высказываться и важничать, как это очень часто бывает с скороспелками. Он как будто желал доказать, что мастер бегать, прыгать через стулья, бросать мячик и пр. Случалось удивляться переходам в нем; видишь его, бывало, поглощенным не по летам в думы и чтения, и тут же он внезапно оставляет занятия, входит в припадок бешенства за то, что другой перебежал его или одним ударом уронил все кегли».

Шалун он был ужасный. Остроумный, задиристый, непоседливый, «егоза», как сам он себя назвал. Во французском стихотворении «Мой портрет» Пушкин писал о себе: «Не бывало пустомели несносней и крикливей моей особы... Суций бес в проказах, суцая обезьяна лицом, много, слишком много ветрености — вот вам Пушкин». Остроумные его выходки долго передавались впоследствии от одного лицейского поколения к другому. Рассказывали, например, что однажды император Александр, обходя классы, спросил учеников:

— Кто у вас первый?

Пушкин поднялся и бойко ответил:

— Здесь нет первых, ваше величество, все — вторые.

Очень распространен был рассказ, как однажды учитель задал ученикам написать стихотворение, описывающее восход солнца. Ученик Мясоедов, отличавшийся исключительной глупостью, написал один стих:

Блеснуд на западе румяный царь природы...

Дальше ничего не мог придумать. Попросил Пушкина помочь. Тот моментально закончил:

И изумленные народы
Не знают, что начать:
Ложиться спать или вставать.

(Некоторые окончание стихотворения приписывают не Пушкину, а его классному товарищу Илличевскому.)

Нередко случалось, что острыми своими шутками Пушкин больно задирает того или иного товарища; случалось, что тот давал ему соответственный отпор. Как часто бывало с Пушкиным и впоследствии, такой ответный удар был для него совершенно неожидан, и он от него сильно страдал. По ночам плакал, делился своими огорчениями с товарищем, Иваном Пуциным; они вместе обсуждали, как ему вперед держаться более тактично.

Так же, как в раннем детстве, был он очень изменчив в своих настроениях, каждую минуту был другой. Впоследствии он сам вспоминал:

...порой бывал прилежен,
Порой ленив, порой упрям,
Порой лукав, порою прям,
Порой смирен, порой мятежен,
Порой печален, молчалив,
Порой сердечно говорлив.

Некоторые товарищи не любили Пушкина за его шутки, но было у него много и друзей. Пушкин вообще был большим «мастером» дружбы. Он умел крепко любить друзей, и они его любили крепко.

Близким другом был Иван Пуцин — веселый и жизнерадостный, с благородною душою, прекрасный товарищ, всеми любимый. Однажды он, Пушкин и с ними еще третий лицеист, Малиновский, попались в историю, вызвавшей в лицее большой шум. Компания воспитанников, в том числе и они трое, задумала устроить тайную пирушку. Достали бутылку рому, яиц, натолкли сахару, принесли кипящий самовар, приготовили напиток «гогель-могель» и стали его распивать. Одного из товарищей сильно разобрало от рома, он стал шуметь, громко разговаривать; это обратило на себя внимание дежурного гувернера, и он доложил инспектору Фролову. Начались спросы, розыски. Пуш-

кин, Пущин и Малиновский объявили, что это их дело и что они одни виноваты. Фролов донес о случившемся директору, а тот поспешил доложить министру, графу Разумовскому. Министр всполошился, приехал из Петербурга, вызвал «преступников», распек их и передал дело на рассмотрение конференции профессоров. Конференция постановила: две недели стоять на коленях во время утренней и вечерней молитвы, пересадить виновных на последние места за обеденным столом и занести их фамилии в черную книгу. В послании к Пущину Пушкин так вспоминает происшествие с гогель-могелем:

Помнишь ли, мой брат по чаше,
Как в отградной тишине
Мы топили горе наше
В чистом, пенистом вине?

Помнишь ли друзей шептанье
Вкруг бокалов пушневых,
Рюмок грозное молчанье,
Пламя трубок грошевых?

Закипев, о, сколь прекрасно
Токи дымные текли!..
Вдруг педанта глас ужасной
Нам послышался вдали.

И бутылки вмиг разбиты,
И бокалы все в окно —
Всюду по полу разлиты
Пунш и светлое вино.

Убегаем торопливо...

Когда их трюх посадили за обеденным столом на последние места, Пушкин сказал:

Блажен муж, иже
Сидит к каше ближе.

Другим очень близким другом Пушкина был барон Антон Дельвиг — тучный, вялый и болезненный мальчик, невозмутимо хладнокровный, с начальством дерзкий и насмешливый. Он был очень ленив, учился плохо, но обладал острым умом и самой богатой фантазией. Любил поэзию, внимательно изучал иностран-

ных и русских поэтов, сам писал стихи; первый из всех товарищей выступил со своими стихами в печати. К творчеству Пушкина Дельвиг относился восторженно и предсказывал ему великую будущность.

В одном из лучших тогдашних журналов он напечатал в 1815 году стихотворение: «К А. С. Пушкину», которое кончалось так:

Пушкин! Он и в лесах не укроется,
Лира выдаст его громким пением,
И от смертных восхитит бессмертного
Аполлон на Олимп торжествующий.

Впоследствии Дельвиг стал выдающимся поэтом. С Пушкиным его всю жизнь связывала самая близкая дружба.

В 1825 году в псковской ссылке Пушкин так вспоминал Дельвига и радости поэтического творчества, переживавшиеся ими в лице:

С младенчества дух песен в нас горел,
И дивное волненье мы познали;
С младенчества две музы к нам летали,
И сладок был их лаской наш удел;
Но я любил уже рукоплесканья,
Ты гордый цел для муз и для души;
Свой дар как жизнь я тратил без вниманья,
Ты гений свой воспитывал в тиши.

Оценка Дельвига — конечно, сильно преувеличенная — характерна для отношения к нему Пушкина.

Еще был у Пушкина приятель — Вильгельм Кюхельбекер. И фамилия у него была смешная, и сам он был смешной: длинный, тощий, с выпученными глазами, тугой на ухо, с кривящимся при разговоре ртом, весь какой-то извивающийся, настоящая «глиста» — такое ему и было прозвище среди товарищей. Еще прозвище ему было «Кюхля». Был он вспыльчив до полной необузданности, самолюбив, обидчив и ко всему еще писал стихи, и в неуклюжих стихах так же был смешон, как и во всем. Ни на кого в лице не было писано так много эпитетов, рисовано так много карикатур, как на Кюхельбекера.

Пушкин заболел и лежал в лазарете. Там он написал стихи «Пирующие студенты» и пригласил товарищей послушать. По-

Карикатура на Кюхельбекера: «Кюхля и чорт».

Рисунок лицеиста А. Иллитевского.

сле вечернего чая они пришли к нему с губернатором Чириковым. Началось чтение.

Друзья, досужный час настал,
Всё тихо, всё в покое,
Скорее скатерть и бокал!
Сюда, вино златое!

Потом следовало обращение отдельно к каждому товарищу, например:

Дай руку, Дельвиг, что ты спишь?
Проснись, ленивец сонный,
Ты не под кафедрой сидишь,
Латынью усыпленный.
Взгляни, здесь круг твоих друзей,
Бутылъ вином налита...

Товарищи слушали с жадным вниманием, глубокая тишина по временам прерывалась восторженными восклицаниями. Кюхельбекер просил не мешать, он слушал в полном упоении. И вдруг — заключительные стихи:

Писатель за свои грехи,
Ты с виду всех трезвее.
Вильгельм, прочти свои стихи,
Чтоб мне заснуть скорее.

Раздался общий хохот. Слушатели забыли поэта, стихи его и бросились тормозить Кюхлю, совершенно ошалевшего от неожиданности.

Однако под смешной и нелепой внешностью в Кюхельбекере таился чистейший энтузиаст, горевший мечтами о добре и красоте, восторженный любитель поэзии, добрейший и незлопамятный человек. Учился он хорошо, был начитан, знакомил товарищей с немецкой литературой.

Пушкин называл его живым лексиконом и вдохновенным комментарием.

Полную во всех отношениях противоположность Кюхельбекеру представлял другой приятель Пушкина — князь Александр Михайлович Горчаков: с блестящими способностями, первый ученик, благовоспитанный, к начальству почтительный, уравновешенный, очень аккуратный и опрятный, красавец. Вместе с этим был он самовлюблен, чванлив и мелочно злопамятен. Товарищи его не любили. Но Пушкин как-то тянулся к нему; повидимому, его беззавистно привлекал к себе Горчаков как образец всесторонней удачливости, как человек, которому судьба не отказала ни в одном из своих даров. В послании к нему Пушкин писал:

Тебе рукой фортуны своенравной
Указан путь и счастливый, и славной. —
Моя стезя печальна и темна;
И нежная краса тебе дана,
И нравиться блестящий дар природы,
И быстрый ум, и верный, милый нрав;
Ты сотворен для сладостной свободы,
Для радости, для славы, для забав.

Горчаков сделал блестящую карьеру, в царствование Александра II был министром иностранных дел, умер глубоким стариком в звании «светлейшего» князя, в чине государственного канцлера.

В лицее процветала литература, издавались рукописные журналы, многие воспитанники писали стихи. Особенно выдвинулись как поэты двое: Илличевский и Пушкин. Илличевский оказался впоследствии малодаровитым стихотворцем, но в то время большинство товарищей ставило его много выше Пушкина. Еще писали стихи Дельвиг, Кюхельбекер. Однако год за годом Пушкин завоевывал все большее признание, и товарищи с уважением наблюдали его растущий талант. Тот же Илличевский писал другу: «Лучи славы его будут отсвечиваться и в его товарищах».

Пушкин впоследствии вспоминал:

...младые други,
В освобожденные досуги,
Любили слушать голос мой.
Они, пристрастной душой
Ревнуя к братскому союзу,
Мне первый поднесли венец,
Чтоб им украсил их певец
Свою застенчивую Музу.

Пушкин писал в лицее очень много. Уже и по тогдашним опытам серьезнейшие ценители почувствовали в Пушкине молодого орла, уверенно расправляющего для полета крепкие крылья.

Наибольшее влияние на молодого поэта, на его стих и художественное жизнеотношение того времени оказали поэты: русский — Батюшков, французские — Вольтер, Парни, Грекур и другие. Жизнь дана для наслаждения; радости ее — вино, любовь к красавицам, беспечная лень; небрежное творчество — игра. «Веселиться — мой закон», писал Пушкин уже в одном из самых ранних своих стихотворений.

*Миг блаженства век лови;
Помни дружбы наставленья:
Без вина здесь нет веселья,
Нет и счастья без любви...*

(1814)

Слабее было влияние Жуковского с его чувствительной меланхолией, порыванием в туманную даль и грустной покорностью судьбе. Слишком все это противоречило натуре Пушкина. Влияние Жуковского отразилось преимущественно на элегиях Пушкина.

В условных романтических тонах, преувеличивая подлинные настроения, Пушкин называл себя «страдальцем», говорил о своем «хладном взоре», «тяжком стоне».

Я слезы лью; мне слезы утешенье,
Моя душа, плененная тоской,
В них горькое находит наслажденье.
О жизни час! лети, не жаль тебя,
Исчезни в тьме, пустое привиденье;
Мне дорого любви моей мученье.
Пускай умру, но пусть умру любя.

Писал Пушкин и в других тогда принятых родах поэзии, например послания. Одно из таких посланий — «К другому стихотворцу» — было напечатано в лучшем тогдашнем журнале «Вестник Европы». Это был первый печатный дебют пятнадцатилетнего поэта.

8 января 1815 года в лицее производился публичный экзамен воспитанников, переходивших из младшего отделения в старшее. На экзамене в числе почетных гостей присутствовал старик поэт Державин, автор од, воспевавших преимущественно Екатерину II и торжественные события ее царствования, один из талантливейших русских поэтов восемнадцатого века.

«Как узнали мы, что Державин будет к нам, — вспоминал Пушкин, — все мы взволновались. Державин был очень стар. Он был в мундире и плисовых сапогах. Экзамен наш его утомил; лицо его было бессмысленно, глаза мутны, губы отвисли. Он дремал до тех пор, пока не начали экзамен русской словесности. Тут он оживился: глаза заблистали, он преобразился весь. Разумеется, читаны были его стихи, разбирались его стихи, поминутно хвалили его стихи. Он слушал с живостью необыкновенной».

Вызвали Пушкина. Стоя в двух шагах от Державина, он стал читать свои стихи «Воспоминания в Царском Селе». В этих стихах молодой поэт вспоминал век Екатерины, победы ее пол-

Пушкин на лицейском экзамене в 1815 году декламирует перед Державиным свое стихотворение «Воспоминания в Царском Селе».

С картины работы И. Е. Репина.

ководцев — Орлова-Чесменского, Румянцева, Суворова, поэтов Державина и Петрова, воспевавших эти победы:

О громкий век военных споров,
Свидетель славы россиян!
Ты видел, как Орлов, Румянцев и Суворов,
Потомки грозные славян,
Перуном Зевсовым победу похищали;
Их смелым подвигам страшась дивился мир;
Державин и Петров героям песнь бряцали
Струнами громозвучных лир.

Затем описывалась война 1812 года и нашествие Наполеона на Россию:

Страшись, о рать иноплеменных!
России двинулись сыны;
Восстал и стар и млад; летят на дерзновенных,
Сердца их мщеньем возжены.

Вострепещи, тиран! уж близок час паденья!
Ты в каждом ратнике узришь богатыря,
Их цель иль победить, иль пасть в пылу сраженья
За веру, за царя.

Стихи вызвали общий восторг. Державин со слезами на глазах бросился целовать мальчика. Смущенный Пушкин убежал, а Державин воскликнул:

— Вот кто заменит Державина!

Пушкин впоследствии вспоминал об этом незабываемом для него дне:

И славный старец наш, царей певец избранный,
Крылатым гением и грацией венчаный,
В слезах обнял меня дрожащею рукой
И счастье мне предрек, неизвестное мной.

В черновиках к «Евгению Онегину» Пушкин вспоминает:

В те дни, когда в садах Лицея
Я безмятежно расцветал,
Читал охотно Елисея,
А Цицерона ¹ проклинал;
В те дни, как я поэме редкой
Не предпочел бы мячик меткой,
Считал схоластику за вздор
И прыгал в сад через забор;

.....
Когда в забвеньи перед классом
Порой терял я взор и слух
И говорить старался басом
И стриг над губой первый пух,
В те дни... в те дни, когда впервые
Заметил я черты живые
Прелестной девы, и любовь
Младую взволновала кровь, —
И я, тоскуя безнадежно,
Томясь обманом пылких снов,
Везде искал ее следов,
Об ней задумывался нежно,
Весь день минутной встречи ждал
И счастье тайных мук узнал...

Эти строки написаны о двадцатилетней сестре одного

¹ Цицерон — древнеримский общественный деятель и знаменитый оратор.

Свидетельство

Всеподлинное Императорского Царехосельского
Лицея Александра Пушкина, в тогачашем Местопребывающем
курсе, сформировавшись в зиме 1801 года и окончив курс в 1802 году
в С.-Петербургском и Царехосельском Лицеях, в Мемории и Учености
и Философии, во Французском, в Латинском, в Русском, в Польском,
и в Греческом языках, в Российской Греческой и Чешской
Правде хороши, в Английской Словесности, в Лубочном
языке, в Итальянском и Французском языках хороши, в Русском
и Французском Словесности, также в Физико-математическом
предмете, сформировавшись Математическим, Историческим,
Естественным, Математическим и Немецким
языком. Во втором году и дано ему от Императорского Царехосельского Лицея
свидетельство о преклонении в Мемории Царехосельского Лицея
сего 9 числа 1802 года.

Директор Лицея Свистункович

Число свидетельства
Императорского
Царехосельского Лицея
№ 68

Копию сего свидетельства
Мемории Царехосельского Лицея
№ 68

из лицейских воспитанников, фрейлине Екатерине Павловне Бакуниной. Она часто навещала в лицее своего брата и всегда приезжала на лицейские балы. Была она красива, с большими глазами, стройна. Вся лицейская молодежь увлекалась ею.

Это была первая любовь Пушкина — робкая и застенчивая юношеская любовь, с «безнадежной» тоской, со «счастьем тайных мук», с радостью на долгие дни от мимолетной встречи или приветливой улыбки. Любовь эта отразилась в целом ряде лицейских стихотворений Пушкина: «Желание», «Осеннее утро», «Разлука», несколько элегий.

Пушкин все больше начинал обращать на себя внимание самых выдающихся писателей того времени. На него с надеждой смотрели Карамзин, Батюшков, Жуковский, князь Вяземский. Весною 1816 года Карамзин посетил лицей с князем Вяземским и дядею Пушкина, поэтом Василием Львовичем. Он вызвал Пушкина и сказал:

— Пари, как орел, но не останавливайся в полете.

Летнее время Карамзин проводил в Царском Селе. Пушкин часто бывал у него. Общение с Карамзиным было очень полезно для литературного развития Пушкина. Еще полезнее было влияние, которое через того же Карамзина, Жуковского, Вяземского и других оказывало на поэта-лицейста петербургское литературное общество «Арзамас». Это было задорное, боевое общество, в нем объединилась тогдашняя молодая литература для борьбы со старыми литературными течениями. Защитницей старины являлась чопорная «Беседа любителей русского слова» во главе с адмиралом А. С. Шишковым. При крайней политической реакционности она стояла за классицизм в литературе, за торжественный славяно-русский слог, враждебно относилась к Карамзину, введшему в литературу обыкновенный разговорный слог. На эту-то «Беседу» и пошел боем «Арзамас» — за простоту русской речи, за свержение законов тяжеловесного классицизма, за свободу художественного творчества. Пушкин был принят в «Арзамас» еще лицеистом, заглазно. Кличка ему была дана «Сверчок» (каждый член общества носил особую кличку). Пушкин жадно следил из лицея за деятельностью «Арзамаса» и посланиями, эпиграммами участвовал в борьбе его с «Беседой».

На старших курсах Пушкин свел знакомство с офицерами лейб-гвардии гусарского полка, стоявшего в Царском Селе. Старшие лицеисты пользовались сравнительно большой свободой. Пушкин часто посещал гусаров, участвовал в их пирушках, сошелся с лихими повесами полка, как Каверин, Молоствов и другие. Знакомство с офицерами в некоторых отношениях было очень полезно для Пушкина. Лицеисты воспитывались, конечно, в строго монархическом духе; воспитание это сказалось на целом ряде лицейских стихотворений Пушкина: в стихах «На возвращение государя-императора из Парижа», «Принцу Оранскому» (за последнее стихотворение Пушкин получил от двора золотые часы). Большинство же гвардейского офицерства того времени было настроено по отношению к правительству очень оппозиционно; через лейб-гусаров Пушкин знакомился с тогдашней нелегальной литературой. Уже шестнадцати лет он пишет стихотворение «К Лицинию»¹ — будто бы перевод с латинского:

Я сердцем римлянин, кипит в груди свобода,
Во мне не дремлет дух великого народа.

Свободой Рим возрос — а рабством погублен!

Большое влияние имел на него один из офицеров, знаменитый впоследствии П. Я. Чаадаев, замечательный мыслитель и человек исключительной образованности. Он в то время был настроен революционно и сыграл большую роль в политическом воспитании Пушкина. Чаадаев оказал и вообще большое влияние на образование и умственное развитие Пушкина. По мнению одного современника, он дал в этом отношении Пушкину больше, чем весь лицей.

В июне 1817 года Пушкин и его товарищи окончили лицей. Желающие поступали по выбору на военную или гражданскую службу.

В списке воспитанников, выпущенных в гражданскую службу, Пушкин стоял по успехам четвертым с конца.

В своем прощальном стихотворении «Товарищам» Пушкин писал:

¹ Лициний — древнеримский народный трибун.

Промчались годы заточенья;
Недолго, мирные друзья,
Нам видеть кров уединенья
И царскосельские поля.
Разлука ждет нас у порогу,
Зовет нас дальний света шум,
И каждый смотрит на дорогу
С волненьем гордых, юных дум.
Иной, под кивер спрятав ум,
Уже в воинственном наряде
Гусарской саблею махнул —
В крещенской утренней прохладе
Красиво мерзнет на параде,
А греясь едет в караул;
Другой, рожденный быть вельможей,
Не честь, а почести любя,
У плута знатного в прихожей
Покорным плутом зрит себя;
Лишь я, судьбе во всем послушный,
Счастливой лени верный сын,
Всегда беспечный, равнодушный,
Я тихо задремал один.
Равны мне писари, уланы,
Равны законы, кивера,
Не рвусь я грудью в капитаны
И не ползу в ассессора¹;
Друзья! немного снисхожденья —
Оставьте красный мне колпак²,
Пока его за прегрешенья
Не променял я на шишак,
Пока *ленивому* возможно,
Не опасаясь грозных бед,
Еще рукой неосторожной
В июле распахнуть жилет.

¹ Ассессор — гражданский чин.

² Красный (фригийский) колпак носили якобинцы во время французской революции 1789 года. Отсюда красный колпак — символ свободы.

Сенатская площадь и памятник Петру I в Петербурге.

В ПЕТЕРБУРГЕ

Пушкин, как мало преуспевший, был выпущен из лица с чином коллежского секретаря. (Преуспевшие выпущены были с более высоким чином — титулярного советника.) Он определился чиновником в Государственную коллегия иностранных дел в Петербурге, с жалованием в семьсот рублей в год. В те времена служба молодых дворян была только номинальной: они ничего не делали, на службу почти не являлись, а служили для продвижения в чинах. Свободного времени было у Пушкина сколько угодно.

Родители его уже несколько лет назад переселились в Петербург. Пушкин жил у родителей на окраине города, в Коломне, на Фонтанке, близ Калинкина моста. Он очутился в положении, в

каком часто находились молодые люди, возвращавшиеся под родительский кров из богатых учебных заведений с приобретенными там широкими привычками. Притом по родственным отношениям и знакомствам Пушкин вошел в высшие круги большого света. Это требовало средств; ничтожного жалования было недостаточно. А дела родителей были по-всегдашнему расстроены.

К этому присоединялась мелочная скупость отца. Когда Пушкин, больной, в осеннюю слякоть или в трескучие морозы брал домой извозчика, отец вечно бранился за потраченные восемьдесят копеек. Пушкин при случае зло и вызывающе издевался над скупостью отца; однажды, когда оба они в обществе катались на лодке, Пушкин вынул несколько золотых монет и одну за другой стал бросать в реку, любуясь их отражением в чистой воде.

Пушкин с головою бросился в кипучую петербургскую жизнь. Он одевался щеголем, носил модный широкий черный фрак с нескошенными фалдами и шляпу с прямыми полями «а ля Боливар». Отрастил себе очень длинные ногти, тщательно ухаживал за ними и полировал; привычку эту он сохранил до конца жизни. Был лихим повесой, задирой, всегда готовым драться на дуэли. Это в то время считалось хорошим тоном.

Из-за каждого пустяка Пушкин вызывал на дуэль; однако большинство их друзьям удавалось улаживать. Впрочем, две-три дуэли он, кажется, имел. Одна из них произошла по довольно курьезному поводу. Лицейский товарищ Пушкина Кюхельбекер хаживал к Жуковскому и порядочно надоел ему своими стихами. Однажды Жуковский был зван куда-то на вечер и не явился. Его спросили, почему он не был; Жуковский ответил:

— Я еще накануне расстроил себе желудок; к тому же пришел Кюхельбекер, и я остался дома.

Пушкин по этому поводу написал стихи, как будто от лица Жуковского:

За ужином объелся я,
Да Яков запер дверь оплошно —
Так было мне, мои друзья,
И *кюхельбекерно*, и тошно.

Самолюбивый и взбалмошный Кюхельбекер вызвал Пушкина на дуэль. Пушкин любил Кюхельбекера: он всячески старался его

успокоить. Но Кюхельбекер ничего и слышать не хотел. Пришлось стреляться. Кюхельбекер промахнулся. Пушкин бросил пистолет и хотел обнять товарища, но Кюхельбекер неистово завопил:

— Стреляй, стреляй!

Пушкин засмеялся, взял его под руку и сказал:

— Полно дурачиться, милый! Пойдем чай пить.

И они помирились.

Три года, которые после лицея Пушкин провел в Петербурге, были временем, когда он на деле осуществлял проповедь упоенного наслаждения удовольствиями жизни — ту проповедь, которую мы видели в его лицейских стихах и которой были полны и теперешние его стихи.

Ах, младость не приходит вновь!
Зови же сладкое безделье,
И легкокрылую любовь,
И легкокрылое похмелье!

До капли наслажденье пей,
Живи беспечен, равнодушен!
Мгновенью жизни будь послушен,
Будь молод в юности твоей!

Он с увлечением танцевал на балах, влюблялся, пировал на офицерских пирушках, просиживал за картами. Был усердным посетителем театра, следил за всеми новыми постановками. А наряду с этим проводил вечера у Чаадаева, переселившегося в Петербург, и вел с ним беседы на серьезнейшие темы или у Карамзина изумлял всех умом и начитанностью.

Удивительно было, когда он успевал писать. А писал он много. Одну за другой оканчивал главы «Руслана и Людмилы», писал много лирических стихотворений. Старшие писатели с восхищением следили за быстрым ростом его таланта. Один современник вспоминает:

«Особенно Жуковский казался счастлив, как будто бы сам бог послал ему милое чадо. Чадо показалось мне довольно шаловливо и необузданно, и мне даже было больно смотреть, как все старшие братья наперерыв баловали маленького брата».

А баловать было за что. Жуковский писал князю Вяземскому:

«Чудесный талант! Какие стихи! Он мучит меня своим даром, как привидение!»

В послании Пушкина к Жуковскому были такие стихи:

Смотри, как пламенный поэт,
Вниманьем сладким упоенный,
На свиток гения склоненный,
Читает повесть древних лет!
Он духом там, в дыму столетий..

По поводу этих стихов Вяземский писал: «В дыму столетий! Это выражение — город. Я все отдал бы за него, движимое и недвижимое. Какая бестия! Надобно нам посадить его в желтый дом¹; не то этот бешеный сорванец нас всех заест, нас и отцов наших. Знаешь ли, что Державин испугался бы дыма столетий? О прочих и говорить нечего». Когда Батюшков прочел стихи Пушкина «Поклонник ветреных Ланс» («Юрьеву»), он судорожно смял в руках листок бумаги со стихами и воскликнул:

— О, как стал писать этот злодей!

Время было горячее. Политика Александра I становилась все реакционнее. Во главе внутреннего управления стоял царский любимец граф Аракчеев, мечтавший превратить Россию в казарму слепых исполнителей воли начальства; страна обнищала от непрерывных войн, в сельском хозяйстве свирепствовал кризис и требовал решительных экономических реформ; крестьянство и помещичье дворянство разорялись. Офицерская молодежь, побывавшая в заграничных походах, имела случай наблюдать более свободный западноевропейский политический строй. Все это вызвало резко враждебное отношение к правительству. Среди либерального дворянства возникали тайные общества, имевшие целью ограничение самодержавия. Пушкин явился чутким эхом, отразившим оппозиционное настроение общества. Он осыпал эпиграммами императора Александра и его помощников; в оде «Вольность» писал:

Питомцы ветреной судьбы,
Тираны мира! трепещите!
А вы, мужайтесь и внемлите,
Восстаньте, падшие рабы!

¹ Желтый дом — дом для сумасшедших.

Увы: куда ни брошу взор —
Везде бичи, везде железы,
Законов гибельный позор,
Неволи немощные слезы;

.....

Лишь там над царскою главою
Народов не легло страданье,
Где крепко с вольностью святой
Законов мощных сочетанье;

.....

Бладыки! вам венец и трон
Дает закон — а не природа —
Стоите выше вы народа,
Но вечный выше вас закон.

В стихотворении «Деревня» Пушкин яркими красками рисовал ужасное положение крепостного крестьянства:

Не видя слез, не внемля стона,
На пагубу людей избранное судьбой,
Здесь *барство* дикое, без чувства, без закона,
Присвоило себе насильственной лозой
И труд, и собственность, и время земледельца.
С поникшею главою, покорствуя бичам,
Здесь рабство тощее влачится по браздам
Неумолимого владельца.

Здесь горестный ярем до гроба все влекут,
Надежд и склонностей в душе питать не смея,
Здесь девы юные цветут

Для дерзкой прихоти злодея;
Надежда милая стареющих отцов,
Младые сыновья, товарищи трудов,
Из хижины родной идут собой умножить
Дворовые толпы измученных рабов.

.....

Увижу ль, о друзья, народ неугнетенной
И рабство, падшее по манию царя,
И над отечеством свободы просвещенной
Взойдет ли, наконец, прекрасная заря?

Обращаясь к Чаадаеву, Пушкин писал:

Мы ждем в томленьи упованья
Минуты вольности святой,
Как ждет любовник молодой
Минуты верного свиданья.

Пока свободою горим,
Пока сердца для чести живы.
Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!
Товарищ, верь: взойдет она,
Заря пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена!

Стихи быстро распространились в списках по всей России. Не было сколько-нибудь грамотного прапорщика, который не знал бы их наизусть.

Но Пушкин не ограничивался стихами — он пользовался и другими способами для политической агитации против правительства. Однажды в Царском Селе принадлежавший коменданту медведь сорвался с цепи и побежал в парк. Там в это время прогуливался император, и только его собачонка своим лаем предупредила царя об опасности. Пушкин по этому поводу заметил:

— Нашелся один человек, да и тот медведь!

Во время ледохода он во всеуслышание заявил в театре:

— Теперь самое безопасное время — по Неве лед идет!

То есть нечего, значит, опасаться Петропавловской крепости, куда правительство сажало своих врагов.

В театре же Пушкин показывал всем портрет рабочего Лувеля, заколовшего кинжалом наследника французского престола. Под портретом Пушкин подписал: «Урок царям».

Известность Пушкина возрастала с каждым месяцем. Он сделался кумиром молодежи, она подражала ему в одежде и в манерах, твердила наизусть его стихи, повторяла остроты, рассказывала о нем анекдоты.

Особенной любовью Пушкин пользовался в кружке блестящей петербургской молодежи, известном под именем общества «Зеленая лампа». Зеленый цвет лампы, вокруг которой происходили собрания, знаменовал надежду. На собраниях читались произведения членов кружка, поэты (Пушкин, Дельвиг, Ф. Глинка) читали свои стихи. Обменивались мнениями и спорили о театральных постановках — все члены были страстными театралами. Много было в кружке разговоров и на политические темы, резко

отражавших тогдашнее всеобщее оппозиционное настроение общества; свободно, «с открытым сердцем» говорили

Насчет глушца, вельможи злого,
Насчет холопа записного,
Насчет небесного царя,
А иногда насчет земного.

(Послание Пушкина к В. В. Энгельгардту)

Заседания кончались карточной игрой и веселыми попойками. Современные исследователи склонны приписывать обществу «Зеленая лампа» серьезное влияние на политическое развитие и воспитание Пушкина.

Сам Пушкин оценил это общество более верно. Это именно о нем он писал в сожженной главе «Онегина»:

Сначала эти заговоры
Между лафитом и клико,
Лишь были дружеские споры
И не входила глубоко
В сердца мятежные наука.
Всё это было только скука,
Безделье молодых умов,
Забавы взрослых шалунов.

Именно здесь, в компании Кавериных, Мансуровых и прочих прославленных кутил того времени, и просверкал бурный период бешеного разгула и упоения чувственными радостями, который так характерен для послелицейской жизни Пушкина. И самое яркое свое отражение эти настроения как раз получили в послании Пушкина к членам «Зеленой лампы».

В марте 1820 года Пушкин окончил «Руслана и Людмилу». Лучший поэт того времени, Жуковский, подарил Пушкину свой портрет с надписью: «Победителю ученику от побежденного учителя в тот высокаторжественный день, в который он окончил свою поэму «Руслан и Людмила».

Появление поэмы в печати было огромным литературным событием. Критика тогда уже отмечала, что хотя сюжет поэмы взят из былинно-сказочной русской старины, но «русского духа» в ней совершенно не чувствуется, что в ней действуют сказочные герои Ариоста, Тассо, Виланда и других западноевропей-

Василий Андреевич Жуковский.

С портрета, подаренного им Пушкину.

«Если бы в московское Благородное собрание как-нибудь втерся (предполагаю невозможное возможным) гость с бородой, в армяке, в лаптях и закричал бы зычным голосом: «Здорово, ребята!», неужели бы стали таким проказником любоваться?.. Шутка грубая, не одобряемая вкусом просвещенным, отвратительна, а нимало не смешна и не забавна».

Вокруг поэмы разгорелась жестокая полемика: одни нападали на нее, другие защищали. Но это произошло позже, когда Пушкина уже не было в Петербурге.

А теперь над головою Пушкина собиралась гроза. До правительства наконец дошли его вольные стихи. Петербургский военный генерал-губернатор граф Милорадович вытребовал Пушкина к себе. Он явился. Милорадович в его присутствии приказал

сих поэтов. Но легкий, изящный стих поэмы, художественность картин, яркость характеристик, простота, лишенный ходульности язык, не боявшийся самых «простонародных» выражений, — все это было чем-то совершенно необычным в русской поэзии.

Дерзкое пренебрежение ко всем установившимся поэтическим правилам и к «высокому слогу» глубоко возмутило литературных староверов. Журнал Каченовского «Вестник Европы» с негодованием приводил из поэмы такие выражения: «Всех удавлю вас бородою!», «Чихнула голова, вслед за нею и эхо чихает», «Я еду, еду, не свищу, а как наеду, не спущу» и т. п. Автор статьи спрашивает:

полицмейстеру поехать и сделать в квартире Пушкина обыск. Пушкин понял, в чем дело, и сказал:

— Граф! Напрасно вы это делаете. Там не найдете, чего ищете! Лучше велите подать мне перо и бумагу, я здесь же все вам напишу.

Милорадович — лихой генерал, прославившийся в наполеоновские войны бешеной храбростью, — пришел в восторг.

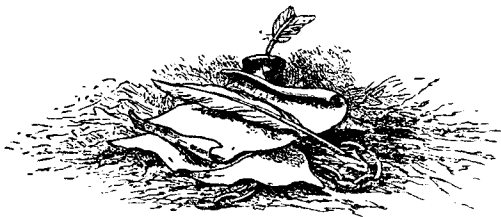
— Вот это по-рыцарски! — воскликнул он и крепко пожал руку Пушкину.

Пушкин сел и написал все свои нелегальные стихи.

Дело приняло очень серьезный оборот. Император Александр решил сослать Пушкина в Сибирь или заточить его в Соловецкий монастырь. Многочисленные друзья Пушкина всполошились. Благодаря хлопотам Карамзина и Жуковского было решено отправить Пушкина вместо Сибири или Соловков на юг, в Екатеринослав (ныне Днепропетровск), на службу при главном попечителе колонистов южного края России генерале Инзове. А. И. Тургенев писал князю П. А. Вяземскому:

«Участь Пушкина решена. Он отправляется к Инзову. Стал тише и даже скромнее и, чтобы не компрометировать себя, даже и меня в публике избегает».

6 мая 1820 года Пушкин выехал из Петербурга.

Бахчисарай.

С акварели Г. Чернецова.

НА ЮГЕ

Генерал от кавалерии Николай Николаевич Раевский, выдающийся русский военачальник эпохи наполеоновских войн, ехал из Петербурга на кавказские воды. Генерала сопровождали две его младшие дочери и младший сын, лейб-гусарский ротмистр Николай. Пушкин был знаком с семейством Раевских в Петербурге, а с Николаем подружился еще лицеистом в Царском Селе, где стоял лейб-гусарский полк.

Путешественники остановились отдохнуть в Екатеринославе.

Николай знал, что Пушкин сослан сюда, и отправился его разыскивать. Он нашел его в жалкой еврейской лачуге городского предместья. Небритый, бледный и худой, Пушкин в приступе малярии лежал на дощатой скамейке.

На Раевского он произвел в этой обстановке удручающее впечатление. У Пушкина от радости на глазах показались слезы.

Генерал Раевский попросил начальника Пушкина, генерала Инзова, отпустить его с ними на Кавказ. Добродушный Инзов охотно разрешил.

В конце мая Пушкин выехал с Раевскими на кавказские воды. Еще с неделю он страдал в дороге приступами лихорадки, а в промежутках дурачился по-всегдашнему. В Горячеводске, например, взялся вписать в книгу, присланную комендантом, имена приехавших и записал врача, сопровождавшего генерала Раевского, «лейб-медиком», то есть царским врачом.

Еле удалось уладить недоразумение, и генерал Раевский порядком пожурил Пушкина за такую шутку.

Лето Пушкин прожил с Раевскими на водах, принимал ванны, очень помогшие его здоровью, и в начале августа по приглашению Раевских поехал с ними в Крым. Там, в Гурзуфе, проводила лето жена Раевского с двумя старшими дочерьми.

В Феодосии начальство предоставило в распоряжение генерала Раевского военный бриг, на нем путешественники морем поплыли в Гурзуф.

Корабль шел перед горами, покрытыми тополями, виноградниками, лаврами и кипарисами; везде мелькали татарские селения.

«Всю ночь не спал, — писал Пушкин другу. — Луны не было, звезды блистали; передо мною в тумане тянулись полуденные горы... — Вот Чатырдаг, — сказал мне капитан. Я не различил его, да и не любопытствовал...»

Ночью Пушкин задумчиво рассказывал по палубе корабля и что-то бормотал про себя. Здесь сочинил он свою элегию «Погаело дневное светило». В элегии этой Пушкин, мешая собственные настроения с настроениями байроновского Чайльд-Гарольда, мрачно обращался к лазурно-веселому Черному морю:

Волнуйся подо мной, угрюмый океан.

И, едучи всего только из Феодосии в Гурзуф, продолжал:

Лети, корабль, неси меня к пределам дальным
По грозной прихоти обманчивых морей,
Но только не к брегам печальным
Туманной родины моей,
Страны, где пламенем страстей
Впервые чувства разгорались,

Вид в Гурузфе.

С акварели Г. Чернецова

Где музы нежные мне тайно улыбались,
Где рано в бурях отцвела
Моя потерянная младость,
Где легкокрылая мне изменила радость
И сердце хладное страданью предала.

Пушкин прожил с Раевскими в Гурузфе три недели. Под руководством Раевского-сына изучал английский язык, читал с ним Байрона. Старшие три сестры — Екатерина, Елена и Мария — были красавицы. Солнце, блеск, море, горы, девичьи улыбки, спокойная и беззаботная жизнь — все создавало условия, в которых Пушкин блаженно отдыхал душой.

Он купался в море, обедался виноградом. Проснувшись ночью, любил слушать шум моря — и заслушивался целые часы.

В двух шагах от дома рос молодой кипарис; каждое утро Пушкин навещал его и привязался к нему чувством, похожим на дружбу.

«Мой друг, — писал он брату Льву, — счастливейшие минуты моей жизни провел я посреди семейства Раевского... Любимая моя надежда — опять увидеть полуденный берег и Раевских».

В начале сентября Пушкин вместе с генералом Раевским выехал из Гурзуфа. За это время канцелярия генерала Инзова была переведена из Екатеринослава в Кишинев (в Бессарабии), и Пушкин направился туда. В дороге он опять заболел лихорадкой; совершенно больной, заехал в Бахчисарай, осмотрел ханский дворец с его знаменитым «фонтаном слез» и 21 сентября прибыл в Кишинев.

Старик Инзов ласково принял Пушкина, поселил его у себя в доме, у него же Пушкин и столовался. Дом его находился в конце города, на холме, который жители прозвали «Инзовой горой». Сзади дома тянулся пространный сад с виноградником, расположенным на скате. Дом был большой, двухэтажный. В верхнем этаже жил сам Инзов. Пушкину были отведены две комнаты внизу, прохладные и темноватые, в три окна с железными решетками. Из окон был прекрасный вид на сады, виноградники и долину мелководной речки.

Генерал Инзов — одна из трогательнейших фигур среди всех людей, с которыми за свою жизнь имел дело Пушкин. С детства лишенный родительской ласки, Пушкин в лице Инзова на два-три года неожиданно получил отца — заботливого, любящего, без обиды строгого и любовно прощающего, мудро умевшего ладить с озорным, капризным и озлобленным юношей. А причин к озлоблению и мрачной душевной угнетенности было у Пушкина достаточно: высылка из Петербурга, какие-то сердечные неудачи, цензурные притеснения, предательства друзей. Об измене друзей он вспоминает особенно часто.

В Петербурге Пушкин дружил с графом Ф. И. Толстым, прозванным «Американцем». Это был человек очень умный, очень развратный, бешено храбрый, дуэлист, убивший на своем веку немало людей — стрелял он без промаха. Он участвовал в морской экспедиции адмирала Крузенштерна и был за буйное поведение высажен где-то на Алеутских островах или на пустынном побережье Северной Америки; поэтому его и прозвали

«Американцем». В карты он играл нечисто и близких друзей сам предупреждал, чтобы они не садились с ним играть. Толстой привлекал Пушкина своею храбростью, умом и оригинальностью; он с жаром защищал его от многочисленных нападков. А Толстой распространил в Петербурге о Пушкине слух, будто его за вольные стихи высекли в Тайной канцелярии. Эта слуховая при-вела Пушкина в бешенство. Что источником слухов был Толстой, Пушкин узнал только в Кишиневе и решил при первой возможности вызвать Толстого на дуэль.

В душе Пушкина царил полная разочарованность. Он писал в то время:

И свет, и жизнь, и дружбу, и любовь
В их пагоде я ныне вижу —
Но всё прошло! — остыла в сердце кровь,
И мрачный опыт ненавижу.

Свою печать утратил резвый нрав.
Душа час от часу немеет,
В ней чувств уж нет. Так легкий лист дубрав
В ключах кавказских каменеет.

Однако очень трудно разобраться в тогдашних подлинных настроениях Пушкина. Не только он, но и вся молодежь увлекалась английским поэтом Байроном; характерным для его поэзии было, рядом с пламенным общественным протестом, ощущение гордого одиночества среди ничтожества людского, презрение к толпе, какие-то тайные огромные страдания, непонятные обыкновенным людям, разочарование в жизни и ее жалких благах. В тогдашних стихах и записях Пушкина мы то и дело встречаем упоминание о преждевременно увядшей его молодости, о «хладной», «болезненной» душе и т. п. — все то, что потом он высмеял в Ленском:

Он пел поблеклый жизни цвет,
Без малого в осьмнадцать лет.

В Кишиневе находился штаб одной из дивизий Южной армии. Дивизией командовал генерал Михаил Федорович Орлов, член тайного общества. Он ввел в своих полках образовательные, так называемые ланкастерские, школы для солдат, энергично

А. С. Пушкин в Бахчисарайском дворце.

С картины Г. Чернецова.

боролся с телесными наказаниями, в то время широко применявшимися к солдатам. Вскоре после приезда Пушкина Орлов женился на старшей дочери генерала Раевского, Екатерине Николаевне, «женщине необыкновенной», по отзыву Пушкина. Пушкин был принят у Орловых, как свой.

Там он познакомился с офицерами орловской дивизии. Среди них было немало людей умных и талантливых, как подполковник И. П. Липранди, будущий писатель А. Ф. Вельтман и другие.

Особенно выделялись два адъютанта Орлова — капитан К. А. Охотников и майор Владимир Федосеевич Раевский (ни в каком родстве с семейством Раевских, о котором мы рассказываем, не состоял). Оба они были люди образованные, исключительной нравственной высоты, оба тоже состояли членами тайного общества. Сам Орлов был умеренным либералом, оба же его адъютанта были бесстрашные и неукротимые революционеры, занимавшие среди членов общества самую левую позицию. Владимир Раевский, между прочим, был первый, который вел энергичную революционную пропаганду среди солдат, что вовсе не входило в тактику тайного общества: оно рассчитывало на военную революцию, то есть на переворот, произведенный послушной солдатской массой по приказу офицеров; делать солдат сознательными участниками революции тайное общество не решалось, опасаясь их слишком «неумеренных» требований.

Тайное общество имело два отдела. Центр одного находился в Петербурге, центр другого — на юге, в Тульчине, где стоял главный штаб Южной армии. Петербуржцы, отражая настроение либерального дворянства, желали конституции с сохранением дворянских прав и помещичьего землевладения. Более радикальные южане ставили целью демократическую республику с полной отменой дворянских привилегий и с уравниванием всех граждан в политических правах.

Во главе южан стоял полковник Пестель, человек умный, с железной волей, прекрасный организатор. Пушкин встречался с ним в Кишиневе во время наездов туда Пестеля.

9 апреля 1821 года Пушкин записал в дневнике: «Утро провел я с Пестелем... Он один из самых оригинальных умов, которых я знаю».

Из Кишинева Пушкин несколько раз ездил гостить в Киев-

Дом Инзова в Кишиневе.

С литографии.

скую губернию, в село Каменку — богатое поместье, принадлежавшее матери генерала Раевского. В Каменке жил сын ее от второго брака, Василий Львович Давыдов, один из деятельных членов Южного общества. Каждый год в конце ноября под предлогом празднования именин его матери (24 ноября) в Каменку съезжались для совещания члены тайного общества.

На один из таких съездов случайно попал Пушкин и возобновил знакомство с И. Д. Якушкиным, с которым он уже встречался в Петербурге. Якушкин тоже был деятельнейшим членом общества.

Общение со всеми этими тогдашними выдающимися деятелями революции было очень полезно для политического развития Пушкина. Оппозиционное его настроение крепло, становилось углубленнее и сильнее, чем было в Петербурге. Этому способствовали и события, происходившие в Европе. Шылала революция в Испании, в Неаполе. Греция восстала против Турции. Пушкин

восторженно следил за ходом греческого восстания, сам мечтал принять в нем участие. Никогда вообще Пушкин не был так революционно настроен, как в это время. Он писал:

Вы, ветры, бури, взroyте воды,
Разрушьте гибельный оплот —
Где ты, гроза, символ свободы?
Промчись поверх невольных вод.

Даже подавление революции в Неаполе не уменьшило надежд Пушкина, и в послании в Каменку к В. Л. Давыдову он писал:

Народы тишины хотят,
И долго их ярем не треснет.
Ужель надежды луч исчез?
Но нет! — мы счастьем насладимся,
Кровавой чашей причастимся —
И я скажу: «Христос воскрес».

За время пребывания в Кишиневе Пушкиным написано стихотворение «Кинжал» с призывом к революционному террору. Обращаясь к кинжалу, Пушкин писал:

Где Зевсов гром молчит, где дремлет меч закона,
Свершитель ты проклятий и надежд,
Ты кроешься под сенью трона,
Под блеском праздничных одежд.

Как адский луч, как молния богов,
Немое лезвие злодею в очи блещет,
И, озираясь, он трепещет
Среди своих пиров.

Везде его найдет удар нежданный твой:
На суше, на водах, во храме, под шатрами,
За потаенными замками,
На ложе сна, в семье родной.

Стихотворение быстро распространилось в списках по всей России. В это время Пушкиным написана едкая эпиграмма на Александра I «Воспитанный под барабаном...» Пушкин набрасывает план драмы, где барин проигрывает в карты своего верного старого слугу; начинает поэму о Вадиме, легендарном борце за свободу Великого Новгорода. В личном высказывании своих политических настроений Пушкин, как и в Петербурге, не держался

никакой осторожности. Секретные агенты доносили в Петербург: «Пушкин ругает публично и даже в кофейных домах не только военное начальство, но даже и правительство».

Близко примыкая по взглядам и настроениям к тайному обществу, Пушкин, однако, не состоял его членом. Еще в Петербурге он подозревал о существовании такого общества, но напрасно старался что-нибудь узнать о нем от лицейского своего друга Ивана Пущина. Пущин, сам деятельнейший член «Союза благоденствия», не открывал Пушкину тайны.

«Подвижность пылкого его нрава, — рассказывает он, — сближение с людьми ненадежными пугали меня... Образ мыслей его всем хорошо был известен, но не было полного к нему доверия».

То же повторилось и теперь, на юге. Никто из заговорщиков не посвящал Пушкина в тайну: с одной стороны, боялись его легкомыслия и неосторожности, с другой — берегли его, как огромный талант, и находили, что пером своим он достаточно работает для их целей.

Однажды Пушкину пришлось по этому поводу пережить очень горькие минуты. В конце 1820 года он случайно попал в Каменку, как раз в то время, когда там происходил съезд членов тайного общества. Там же в то время гостил и генерал Н. Н. Раевский с сыном Александром. Заговорщики хотели выяснить отношение Раевского к тайному обществу. С этой целью Орлов, Якушкин, Охотников и Василий Давыдов в присутствии Раевского и Пушкина завели спор о том, желательно ли при данном положении дел учреждение в России тайного общества. Одни высказывались за, другие против. Пушкин с жаром доказывал всю пользу, которую могло бы принести России подобное общество. Раевский высказался за его полезность. Тогда заговорщики расхохотались и объявили, что все это была шутка. Пушкин, красный и взволнованный, встал и сказал со слезами на глазах:

— Я никогда не был так несчастлив, как теперь. Я уже видел жизнь мою облагороженной и высокую цель перед собой, и все это была только злая шутка.

Много позже, в Москве, он сказал жене декабриста Никиты Муравьева, ехавшей в Сибирь к сосланному на каторгу мужу:

Иван Никитич Инзов.

С литографии Песоцкого.

вызвать на дуэль Американца-Толстого. В ссылке Пушкин не рассчитывал пробыть долго и усиленно упражнялся в стрельбе, чтобы достойно встретиться у барьера со своим страшным противником.

Поостреляв в цель, Пушкин вставал и садился писать. В это время его нельзя было тревожить. Однажды Инзов послал слугу звать Пушкина к завтраку. Пушкин с криком и сжатыми кулаками набросился на посланного и, наверное, побил бы его, если бы тот не убежал. После этого, когда кого-нибудь посылали за Пушкиным, тот раньше подкрадывался к окну и высматривал, что Пушкин делает: если писал, то его не тревожили.

Кончив писать, Пушкин исчезал из дому и возвращался только поздно ночью. Знакомых у него было множество — и среди служащих русских и среди местных молдаван. Пушкин после болезни ходил обритый, в феске; в руках у него всегда была тяжелая железная палка; всех поражали длинные, с полвершка,

— Я очень понимаю, почему эти господа не хотели принять меня в свое общество: я не стоил этой чести.

Пушкин проводил время в Кишиневе так. Утром просыпался и, сидя не одетый в постели, стрелял из пистолета в стены восковыми пулями; голубые стены его комнаты все были залеплены восковыми кружочками. Пушкин готов был по самому пустяковому поводу драться на дуэли, поэтому, естественно, должен был усердно упражняться в стрельбе в цель. Но, как мы видели, у него была и специальная причина готовиться к дуэли, очень серьезной. Он страстно ждал возможности

ногти на его пальцах. Пушкин любил переодеваться. Являлся к городскому саду то одетым как турок, то как грек, цыган, еврей или молдаванин. Любил замешаться в толпу, участвовать в молдаванских хороводах, не стесняясь смотревших на него знакомых. По окончании плясок переходил к своим и с восторгом рассказывал, как весело и приятно отплясывать «джок» под звуки молдаванской «кобзы».

Бывало повстречается Пушкин с цыганским табором и увяжется за ним и несколько дней кочует с цыганами по степи. В эпиллоге к своей поэме «Цыганы» он вспоминает:

За их ленивыми толпами
В пустынях часто я бродил,
Простую пищу их делил
И засыпал пред их огнями;
В походах медленных любил
Их песен радостные гулы.
И долго милой Мариулы
Я имя нежное твердил.

Вообще Пушкин все делал не так, как все.

Удовольствиям, которые ему мог дать Кишинев, Пушкин предавался с таким же упоением, как и в Петербурге. Много играл в карты, безустали танцевал на балах, пировал на офицерских попойках, влюблялся. Озорничал еще больше, чем в Петербурге, и озорство было уже другое — не добродушно-веселое, мальчишеское петербургское озорство, а озорство злое, едкое. За малейшую обиду вызывал на дуэль. Одни дуэли друзьям удавалось уладить, другие кончались барьером. Во время карточной игры Пушкин заподозрил офицера Зубова в шулерстве. Тот вызвал его. Рассказывают, что Пушкин явился на поединок с черешнями и под наведенным дулом пистолета спокойно выплевывал косточки. Зубов выстрелил и промахнулся. Пушкин спросил:

— Довольны вы?

Зубов вместо того, чтобы требовать ответного выстрела, бросился к нему с объятиями. Пушкин презрительно сказал:

— Это лишнее.

И, не выстрелив, удалился.

Другую дуэль Пушкин имел с уважаемым боевым офицером, полковником Старовым. Этот Старов сам вызвал Пушкина по не-

лепейшему поводу — из-за вздорного столкновения Пушкина на балу с одним из офицеров его полка. Офицер не считал этого столкновения достаточным поводом к дуэли; тогда, заступаясь за «честь» полка, Пушкина вызвал сам командир полка.

Пушкин очень был рад случаю подраться с полковником, известным своей храбростью. Они стрелялись в двух верстах от Кишинева, на урочище, называемом «Малиной», в девять часов утра. Секундантом Пушкина был его приятель Н. С. Алексеев. Штогда была ужасная — метель с сильнейшим ветром, в нескольких шагах нельзя было ничего видеть, к тому же было довольно морозно. Расстояние было шестнадцать шагов. Пушкин стрелял первый и дал промах. Старов тоже промахнулся; он попросил снова зарядить пистолеты и сдвинуть барьер. Пушкин сказал:

— И гораздо лучше, а то холодно.

Секунданты предложили противникам помириться. Оба отказались. Мороз и ветер были такие, что секунданты еле смогли замерзшими пальцами зарядить пистолеты. Сдвинули барьер до двенадцати шагов. Опять два промаха. Противники хотели продолжать, еще сблизив расстояние, но секунданты решительно воспротивились. Примирить врагов снова не удалось. Дуэль отложили до прекращения метели.

Пушкин заехал с поединка к одному из своих приятелей и оставил ему записку:

Я жив,
Старов
Здоров,

Дуэль не кончен.

Продолжение дуэли друзьям удалось предотвратить. Но у Пушкина было заметно тайное сожаление, что ему не удалось подраться с полковником, известным своей храбростью. Секундант Пушкина, приятель его Н. С. Алексеев, сказал ему, что ведь он дрался же со Старовым, чего ж ему больше. Пушкин с обычной своей резвостью сел Алексею на колени и возразил:

— Ну, не сердись, не сердись, душа моя!

Вскочил, посмотрел на часы, схватил шапку и ушел.

Кишиневский приятель Пушкина, полковник Липранди, сам имевший в жизни много дуэлей, рассказывает про Пушкина:

«Я знал Пушкина вспыльчивым, иногда до иступления; но в минуту опасности, когда он становился лицом к лицу со смертью, Пушкин обладал в высшей степени невозмутимостью при полном сознании своей запальчивости, виновности, но не выражал ее. Когда дело доходило до барьера, к нему он являлся холодным, как лед. Подобной природы в таких случаях я встречал очень немного».

О Пушкине говорила вся Россия — столько же о его стихах, сколько и о его личности, о его выходках и островах. Дерзкий на язык, своевольный, непослушный, остроумный, из-за каждого пустяка готовый на дуэль, он производил фурор. В Петербурге его называли «бес арабский» (бессарабский).

Между тем в душе Пушкина шла глубокая внутренняя работа и начиналась полная переоценка тех моральных и бытовых устоев, на которых он до того строил свою жизнь.

Кружась в вихре петербургских удовольствий, Пушкин почти ничего не читал, не работал над своим развитием и очень этим огорчал своих друзей. «Ах, если бы бездельник этот захотел учиться, — восклицали они, — он был бы человеком выдающимся в нашей литературе!» Но Пушкин бездельничал только первые три года после выхода из лицея, до высылки из Петербурга. Во всю последующую жизнь Пушкин работал над своим образованием и развитием, как никто. Он учился всю жизнь и усердно начал учиться в Кишиневе. В послании к Чаадаеву он писал:

И, сети разорвав, где бился я в плену,
Для сердца новую вкушаю тишину.
В уединении мой своенравный гений
Познал и тихий труд, и жажду размышлений,
Владею днем моим; с порядком дружен ум;
Учусь удерживать вниманье долгих дум;
Ищу вознаградить в объятиях свободы
Мятежной младостью утраченные годы
И в просвещении стать с веком наравне.

В Петербурге смысл жизни заключался для Пушкина в безудержном наслаждении жизненными удовольствиями: «Давайте пить и веселиться, давайте жизнь играть!.. Пусть наша ветреная младость потонет в неге и вине!» Теперь он с брезгливым чувством вспоминал такие свои проповеди и товарищей-сосу-

Рисунок Пушкина. Автопортрет и женский профиль.

тыльников, «питомцев наслаждений, минутной младости минутных друзей».

Оставя шумный круг безумцев
молодых,
В изгнании моем я не жалел о них...

Петербургские друзья усердно хлопотали о переводе Пушкина из Кишинева в более культурный центр. Как раз в это время в Одессу был назначен генерал-губернатором граф М. С. Воронцов, человек культурный, европейски образованный. Хлопотами А. И. Тургенева министр иностранных дел перевел Пушкина из Кишинева в Одессу, а Воронцов обещал взять его под свое покровительство и дать его таланту благоприятнейшие условия для развития. Довольный Тургенев писал князю Вяземскому, не так давно высланному за вольномыслие из Царства Польского:

«Кажется, дело пойдет на лад.

Меценат, климат, море, исторические воспоминания — все есть; за талантом дело не станет, лишь бы не захлебнулся. Впрочем, я одного боюсь: тебя послали в Варшаву, откуда тебя выслали; Батюшкова — в Италию, — с ума сошел; что-то будет с Пушкиным?»

Пушкин с радостью бросил Кишинев и переехал в Одессу. Из глухого провинциального городка он попал в богатый приморский город, кипевший жизнью, носивший совершенно европейский характер. Граф Воронцов принял Пушкина очень ласково, пригласил бывать у него, познакомил со своей красавицей-женой Елизаветой Ксаверьевной. Перед Пушкиным раскрылись двери самого изысканного светского общества; которое он всегда любил.

Светская жизнь, прекрасные рестораны, итальянская опера — всему этому Пушкин предался с жадностью изголодавшегося человека. В «Путешествии Онегина» он впоследствии ярко описал свое одесское времяпровождение:

Я жил тогда в Одессе пыльной...
Там долго ясны небеса,
Там хлопотливо торг обильной
Свои подьемлет паруса;
Там всё Европой дышит, веет,
Всё блещет югом и пестреет
Разнообразием живой.
Язык Италии златой
Звучит по улице веселой,
Где ходит гордый славянин,
Француз, испанец, армянин,
И грек, и молдаван тяжелый,
И сын египетской земли,
Корсар в отставке, Морали.

.
Бывало, пушка зоревая
Лишь только грянет с корабля,
С крутого берега сбегая,
Уж к морю отправляюсь я.
Потом за трубкой раскаленной,
Волной соленой оживленной,
Как мусульман в своем раю,
С восточной гущей кофе пью.
Иду гулять. Уж благосклонный
Открыт Casino; чашек звон
Там раздается; на балкон
Маркёр выходит полусонный
С метлой в руках, и у крыльца
Уже сошлись два купца.

.
Но мы, ребята без печали,
Среди заботливых купцов,
Мы только устриц ожидали
От цареградских берегов.
Что устрицы? пришли! О радость!
Летит обжорливая младость
Глотать из раковин морских
Затворниц жирных и живых,
Слегка обрызнутых лимоном.

Шум, споры — легкое вино
Из погребов принесено
На стол услужливым Отоном.
Часы летят, а грозный счет
Меж тем невидимо растет.

Но уж темнеет вечер синий,
Пора нам в Оперу скорей:
Там упоительный Россини ¹,
Европы баловень — Орфей ².
Не внемля критике суровой,
Он вечно тот же, вечно новый,
Он звуки льет, — они кипят,
Они текут, они горят,
Как поцелуи молодые,
Все в неге, в пламени любви,
Как зашипевшего Аи
Струи и брызги золотые...
Но, господа, позволено ль
С вином равнять do-re-mi-sol?
Финал гремит; пустеет зала;
Шумя, торопится разъезд;
Толпа на площадь побежала
При блеске фонарей и звезд,
Сыны Авзонии ³ счастливой
Слегка поют мотив игривый,
Его невольно затвердив,
А мы ревом речитатив.
Но поздно. Тихо спит Одесса;
И бездыханна и тепла
Немая ночь. Луна взошла,
Прозрачно-легкая завеса
Объемлет небо. Всё молчит;
Лишь море Черное шумит...

Морали, о котором в этих стихах вспоминает Пушкин, был араб из Египта или Туниса, бронзовый красавец высокого роста, в белой чалме, красной, шитой золотом куртке, опоясанный турецкой шалью, из-за которой торчали пистолеты. Рассказывали,

¹ Россини — знаменитый итальянский композитор, автор оперы «Севильский цирюльник».

² Орфей — легендарный древнегреческий певец, очаровывающий песнем даже зверей и неодушевленную природу.

³ Авзония — Италия.

что он несметно богат и что богатства свои он нажил морским разбоем. Пушкин, любивший все выходявшее из рамок обыденности, дружил с Морали.

— У меня лежит к нему душа, — говорил он. — Кто знает, может быть, мой дед с его предком был близкой родней.

И в Одессе Пушкин сделался кумиром молодежи и женщин. Он был очень влюбчив, в Одессе у него был целый ряд романов, он сразу был влюблен в нескольких женщин; как выражался один из его друзей, «предметы его увлечений могли меняться, но страсть оставалась при нем одна и та же».

Материальное положение Пушкина было очень неважное. Он числился при канцелярии графа Воронцова и получал жалования 58 рублей с копейками в месяц. При полном неумении Пушкина беречь деньги и при его широком образе жизни этих денег, конечно, не хватало. Отец ничего не высылал ему, и Пушкин с горечью писал брату Льву: «Изъясни отцу моему, что я без его денег жить не могу. Жить пером мне невозможно при нынешней цензуре; ремеслу же столярному я не обучен, в учителя не могу итти... Мне больно видеть равнодушие отца моего к моему состоянию, хотя письма его очень любезны...»

Сами обстоятельства толкали Пушкина на путь, совершенно новый и чуждый для тогдашнего писателя-дворянина. В богатой дворянской среде, к которой принадлежал Пушкин, считалось очень зазорным брать деньги за свои литературные произведения. Это значило «торговать своим вдохновением». Пушкин решительно пошел против этого барского предрассудка: «Не продается вдохновенье, но можно рукопись продать» — знаменитое его изречение. «Я уже победил, — писал он, — свое отвращение писать и продавать свои стихи ради хлеба насущного; самый большой шаг уже сделан: на стихи, раз написанные, я уже смотрю как на товар, по столько-то за строчку». И с усмешкою говорил по этому поводу обо «всей наготе своего цинизма».

Состав знакомых Пушкина в Одессе по умственному, общественному и образовательному уровню был значительно ниже, чем в Кишиневе. Там вокруг него были Владимир Раевский, Охотников, Липранди, Вельтман, Михаил Орлов. Здесь почти все его знакомые были пустоватые светские люди, чиновники,

харьеристы, теснившиеся вокруг графа Воронцова. Выдавался среди знакомых один только полковник Александр Раевский, старший сын генерала Раевского. Пушкин сошелся с Александром Раевским еще на Кавказе и писал про него брату: «он будет более, нежели известен». Раевский был высок, костляв, с желчно-темным морщинистым лицом, по тонким губам широкого рта пробежала язвительно-насмешливая улыбка. Он был большой умница, но ум его был характера глубоко рассудочного, все разведующий, совершенно лишенный творчества. Раевский был мелкий и черствый эгоист, ничего не имел в себе романтического, но на Пушкина того времени производил очень сильное впечатление и имел влияние почти гипнотическое. Ведя с ним беседы, Пушкин тушил свечи, чтобы освободиться от действия его насмешливых глаз.

Александра Раевского Пушкин изобразил в стихотворении «Демон»:

Печальны были наши встречи:
Его улыбка, чудный взгляд,
Его язвительные речи
Вливали в душу хладный яд.
Неистощимой клеветой
Он провиденье искушал;
Он звал прекрасное мечтою;
Он вдохновенье презирал;
Не верил он любви, свободе;
На жизнь насмешливо глядел —
И ничего во всей природе
Благословить он не хотел.

Разрушительный скептицизм Раевского сыграл, вероятно, свою роль и в разочаровании, которое в это время начал испытывать Пушкин в плодотворности революционных путей действия. На Западе революция была повсюду подавлена, царствовала неистовая реакция, руководимая «Священным союзом»¹; многие из энергичнейших декабристов теряли веру в осуществимость своих целей путем военной революции.

¹ «Священный союз» — союз реакционных монархов, организованный в 1815 году для подавления революционного движения в Европе. Организатором и вдохновителем союза был Александр I.

Что такое военная революция? Несознательные солдатские массы, руководимые заговорщиками-офицерами, свергают господствующую власть и устанавливают порядок, намеченный заговорщиками. Таким именно путем была введена конституция в Испании, в Неаполе. При первом же напоре реакционных сил солдаты испуганно отошли в сторону, и революция была легко подавлена. Революционеры начинали сознавать, что покорные командирам солдатские массы, идущие против власти без собственного желания, — сила очень ненадежная.

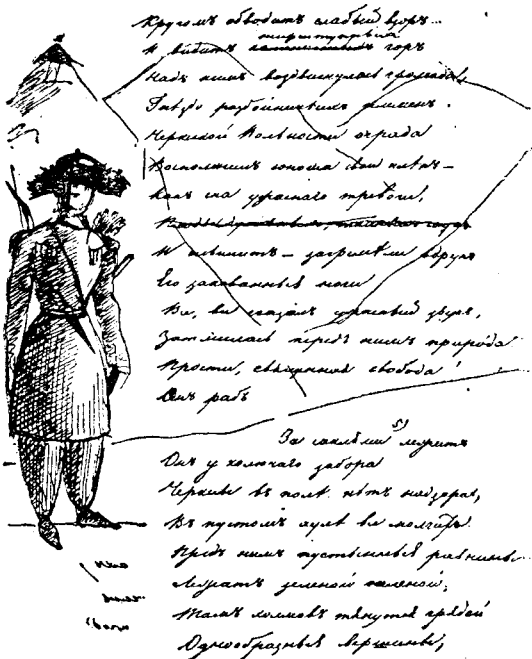

Рисунок Пушкина на рукописи поэмы «Кавказский пленник».

Пушкину его роль революционного поэта начинала все более казаться бесплодной, в письмах он пренебрежительно отзывался о своем «либеральном бреде» и писал с горечью:

Свободы сеятель пустынный,
 Я вышел рано, до звезды;
 Рукою чистой и безвинной
 В порабощенные бразды
 Бросал живительное семя —
 Но потерял я только время,
 Благие мысли и труды...

Паситесь, мирные народы!
 Вас не разбудит чести клич,
 К чему стадам дары свободы?
 Их должно резать или стричь.
 Наследство их из рода в роды
 Ярмо с гремушками да бич.

Пушкин писал на юге очень много. Он в это время, как сам сознается, «с ума сходил от Байрона». Все поэмы, написанные Пушкиным на юге, — «Кавказский пленник», «Бахчисарайский фонтан», «Братья-разбойники» — пропитаны влиянием Байрона, рисуют мрачных, разочарованных героев с могучими страстями и глубокими переживаниями. Увлечение Байроном в то время было всеобщим.

Поэмы Пушкина, написанные великолепными стихами, полные роскошных, ярко художественных картин, имели успех огромный; критика пела ему восторженные хвалы, публика заучивала поэмы наизусть. Популярность Пушкина росла с каждым годом.

Еще в Кишиневе Пушкин написал антирелигиозную поэму «Гаврилада». Эта поэма, конечно, не только не могла быть напечатана, но Пушкину нужно было тщательно скрывать свое авторство.

В Одессе Пушкин начал писать одно из самых значительных своих произведений — роман «Евгений Онегин».

Кишиневские друзья, навещавшие Пушкина в Одессе, замечали, что он с каждым месяцем становится мрачнее и раздраженнее. Отношения его с графом Воронцовым не ладились. Граф Воронцов выделялся среди тогдашних русских администраторов своей культурностью, энергией и деловитостью. Новороссийский край обязан ему многими по-

Титульный лист
«Кавказского пленника».

лезнейшими мероприятиями. Но это был интриган и эгоист до мозга костей, холодный и вероломный, с самым мелочным самолюбием, любивший лезть и пресмыкательство. Пушкин числился мелким служащим в канцелярии Воронцова, а между тем вел себя независимо, требовал обращения с собой, как с равным, не льстил Воронцову, не восторгался им, как другие служащие — все на подбор прекрасно воспитанные, изящно-почтительные молодые люди. Воронцов начинал обходиться с Пушкиным все холоднее и высокомернее. Он решил указать ему его настоящее место.

В мае 1824 года Воронцов послал Пушкину официальное предписание, как служащему своей канцелярии, отправиться в уезды и собрать сведения о появившейся там саранче, равно как и о мерах, принимаемых к ее уничтожению. Пушкин пришел в бешенство. Никакой действительной службы в канцелярии он не нес, а на получаемые семьсот рублей в год смотрел, по собственному выражению, «не как на жалование чиновника, но как на паек ссыльного невольника». Полученная командировка говорила, что Воронцов хочет превратить его в настоящего чиновника и заставить нести службу в его канцелярии, сделав невластным в своих занятиях и времени. Пушкин хотел отказаться от командировки. Друзья уговорили его этого не делать. Пушкин поехал, а воротившись, написал, как рассказывали, такой рапорт Воронцову:

Саранча
Летела, летела —
И села.
Сидела, сидела,
Всё съела.
И вновь улетела.

Пушкин немедленно подал прошение об отставке и решил жить литературным трудом.

Друзьям он писал:

«Я устал зависеть от хорошего или дурного пищеварения начальника, мне надоело, что со мною в моем отечестве обращаются с меньшим уважением, чем с первым английским шалопаем... Воронцов видел во мне коллежского секретаря, а я, признаюсь, думаю о себе что-то другое».

Граф Михаил Семенович Воронцов.

С портрета К. Гампеляна.

об этом, обращаясь с прощальным приветом к покидаемому морю:

Не удалось навек оставить
Мне скучный, неподвижный брег,
Тебя восторгами поздравить
И по хребтам твоим направить
Мой поэтический побег.

Ты ждал, ты звал... я был окован,
Вотще рвалась душа моя:
Могучей страстью очарован,
У берегов остался я.

Судя по всем данным, страсть, которая в то время могуче владела Пушкиным, была любовь к графине Елизавете Ксаверьевне Воронцовой, жене его начальника. И, повидимому, любовь эта не была безответной. Воронцов это замечал и проникался еще боль-

Подневольное положение ссыльного, притеснения Воронцова, невозможность свободного творчества из-за цензурного гнета — все это постепенно привело Пушкина к решению бежать из России. В январе 1824 года он писал брату Льву:

«Осталось мне одно — взять трость и шляпу и поехать посмотреть на Константинополь. Святая Русь становится мне невтерпез».

Он стал готовить побег на корабле в Константинополь.

Некоторые из друзей помогали ему. Но побег не состоялся. Почему? Сам Пушкин так рассказывал

шей враждою к Пушкину. Доходили до него и ядовитые эпиграммы, которые на его счет писал Пушкин, — в таком, например, роде:

Полу-герой, полу-невежда,
К тому ж еще полу-подлец!..
Но тут однако ж есть надежда,
Что полный будет наконец.

Так как Пушкин числился по министерству иностранных дел, то прошение его об отставке отправлено было в Петербург. Между тем Воронцов не дремал. Одно за другим он слал в Петербург донесения на Пушкина. Пушкин держался в Одессе очень осторожно, и это должен был признать сам Воронцов. Но он старался уверить правительство, что одесское общество крайне для Пушкина опасно, что оно может заразить его «заблуждениями и опасными идеями», что очень полезно было бы удалить Пушкина от лести его поклонников, кружащих ему голову и внушающих молодому человеку мысль, что он замечательный писатель, «в то время, как он только слабый подражатель писателя, в пользу которого можно сказать очень мало, — лорда Байрона».

Пушкин спокойно ждал отставки. А тучи над его головой сгущались все плотнее. Московская полиция перехватила его письмо к приятелю, где Пушкин писал об очень малой убедительности доводов в пользу существования бога и бессмертия души. И вот Воронцов получил из Петербурга бумагу: министр иностранных дел доводил до сведения Воронцова, что государь-император на основании всех сведений, полученных им о Пушкине, убеждается, что Пушкин, к несчастью, «слишком проникся вредными началами, так пагубно выразившимися при первом выступлении его на общественное поприще».

Предписывалось исключить Пушкина из службы за дурное поведение и без отлагательства выслать в имение родителей, в Псковскую губернию, под надзор местного начальства.

Пушкин был ошеломлен, когда ему было объявлено царское решение, — ничего такого он не ожидал. И всех решение это поразило и возмутило своей строгостью, в том числе графиню Воронцову. 30 июля 1824 года одесский градоначальник отправил Пушкина в Псковскую губернию.

Село Михайловское.

С литографии Александрова. 1837 г.

В М И Х А Й Л О В С К О М

Пушкин ехал, по приказу начальства нигде не останавливаясь, и 9 августа прибыл в имение родителей, село Михайловское. Там он застал в сборе все семейство. Отец его пришел в ужас, когда узнал, что сын его приехал, как ссыльный, и очень испугался, как бы и ему самому по этому случаю не пришлось испытать каких-нибудь неприятностей.

Над Пушкиным было предписано учредить секретный надзор, но ни один из окрестных помещиков не согласился взять на себя эту обязанность. Тогда губернатор обратился к Сергею

Львовичу, как к человеку, «известному в губернии как по своему добронравию, так и честности». Сергей Львович поспешил согласиться и обещался иметь «бдительное смотрение и попечение за сыном своим».

Жизнь Пушкина превратилась в ад. Отец шпионил за ним, пилил с утра до вечера, упрекал, что он проповедует безбожие сестре Ольге и брату Льву. Пушкина взяло такое омерзение, что он совершенно перестал бывать дома — все время проводил верхом в поле или у соседней помещицы П. А. Осиповой, а домой приезжал только ночевать.

Вся душа его рвалась на юг, в Одессу. «Бешенство скуки пожирает мое глупое существование, — писал Пушкин одной своей знакомой. — Все, что напоминает мне о море, вызывает у меня грусть, шум падающего ручья буквально доставляет мне страдание; я думаю, что ясное небо заставило бы меня заплакать от бешенства, но слава богу: небо у нас сивое, а луна — точная репа».

Дело тут было, однако, вовсе не в ясности южного неба и не в море. Дело было в той любимой, которую Пушкин оставил в Одессе и к которой горько рвался душою, мучаясь смутной ревностью и не в силах примириться с неожиданной разлукой.

Иногда к Пушкину приходило из Одессы письмо, запечатанное печатью с какими-то странными буквами на неизвестном языке; совсем такая же печать была на перстне Пушкина, с которым он приехал из Одессы и который не снимал с пальца. Когда приходило такое пись-

Ольга Сергеевна Павлищева, сестра поэта.

С карандашного портрета. 1833 г.

мо, Пушкин запирался в своей комнате, никуда не выходил и никого к себе не впускал.

Отношения Пушкина с отцом становились все напряженнее. Он пришел к Сергею Львовичу и попросил разрешения объясниться откровенно. Такая просьба привела отца в негодование, он рассердился, заплакал, закричал. Пушкин молча поклонился, сел верхом и уехал. Отец призвал младшего сына Льва и запретил ему иметь какое-либо общение «с этим чудовищем, с этим сыном, поруганием природы».

Пушкин узнал об этом; голова его закипела. Он пошел к отцу, застал его вместе с матерью и высказал им все, что имел на сердце целых три месяца. Говорил горячо, волнуясь и размахивая руками. Отец выбежал из комнаты и стал кричать, что сын его бил, хотел прибить, замахнулся, мог прибить! Пушкин утверждал, что ничего такого не было. Сергей Львович, узнав об этом, презрительно усмехнулся:

— Экой дурак, в чем оправдывается! Да он бы еще осмелился меня бить! Да я бы связать его велел!.. Да как он осмелился, говоря с отцом, непристойно размахивать руками? Он убил отца словами!

Пушкин сел и написал прошение псковскому губернатору:

«Важные обвинения правительства сильно подействовали на сердце моего отца и раздражили его мнительность, простительную старости и нежной любви его к прочим детям. Решаюсь для его спокойствия и своего собственного просить его императорское величество, да соизволит меня перевести в одну из своих крепостей».

Петербургские друзья, узнав об этом прошении, разволновались. Им удалось остановить подачу прошения. Дело кончилось тем, что в половине ноября 1824 года Сергей Львович отказался от взятого им на себя полицейского надзора за сыном и со всей семьей уехал в Петербург.

Пушкин остался в Михайловском один.

Почти два года он провел в деревне в полном уединении со своей старой няней Ариной Родионовной. Утром вставал и брал ледяную ванну, летом купался в речке и потом садился писать. Письменного стола у Пушкина не было, он писал на ободранном ломберном столе, чернильницей служила помадная банка. Вооб-

еще обстановка была убогая, у деревянной кровати одной ножки нехватало, ее заменяло полено. Обедал Пушкин поздно, после обеда ездил верхом или стрелял из пистолета в цель: он не забывал об Американце-Толстом и продолжал готовиться к дуэли с ним. Вечером Пушкин играл от скуки сам с собою на биллиарде или слушал сказки няни — «и вознаграждаю тем, — писал он друзьям, — недостатки проклятого своего воспитания. Что за прелесть эти сказки! Каждая есть поэма... Няня — оригинал няни Татьяны; она единственная моя подруга, и с нею только мне не скучно».

Няня нежно любила Пушкина, болела за него душою, ухаживала за ним, как за ребенком, журила, утешала в горе. Пушкин вспоминает:

Бывало,
Ее простые речи и советы,
И укоризны, полные любовью,
Усталое мне сердце ободряли
Отрадой тихой, — я тогда еще
Был молод и ожесточен...

Никогда не знавший материнской любви и ласки, Пушкин очень ценил заботливость о нем няни и относился к ней с чисто сыновней нежностью.

В Михайловском няня Арина Родионовна заведовала домашним хозяйством. Была она с полным лицом, вся седая, медлительная в движениях. При случае не отказывалась выпить.

Зимний вечер, за окнами воеет вьюга, горит сальная свеча. Сидят они вдвоем — Пушкин на лежанке, няня за прялкой. На душе у Пушкина грустно.

Лев Сергеевич Пушкин, брат поэта.

С портрета А. Орловского.

Наша ветхая лачужка
И печальна, и темна.
Что же ты, моя старушка,
Приумолкла у окна?
Или бури завываньем
Ты, мой друг, утомлена,
Или дремлешь под жужжаньем
Своего веретена?

Выпьем, добрая подружка
Бедной юности моей,
Выпьем с горя; где же кружка?
Сердцу будет веселей.

В праздники Пушкин иногда надевал русскую красную рубаху, подпоясывался ремнем и отправлялся в соседний Святогорский монастырь на ярмарку; сидел с нищими-слепцами, слушал и записывал их песни о Лазаре, об Алексее, человеке божием.

С помещиками-соседями Пушкин не знался и вел знакомство только с Прасковьей Александровной Осиповой, помещицей соседнего села Тригорского. Она была женщина уже немолодая, образованная и неглупая. Пушкин очень ее любил и до конца жизни поддерживал с нею дружественные отношения. У Осиповой от первого брака был сын Алексей Вульф, тогда дерптский студент, и две дочери — Анна Николаевна, ровесница Пушкина, и Евпраксия (Зизи); при приезде Пушкина она была четырнадцатилетним подростком и на его глазах расцвела в прелестную девушку. Жили в Тригорском или наезжали туда и другие родственницы. Целый цветник молодых девушек. Пушкин впоследствии так вспоминал их:

...вы, любимицы златой моей зари,
Вы, барышни мои, с открытыми плечами,
С висками гладкими и томными очами...

Веселый смех, песни, музыка. Пушкин среди этих девушек, влюбленный во всех сразу и сам всеми обожаемый; он сыпал им направо и налево сверкающие стихи, полные хмеля минутной влюбленности.

...по прежню следу
В ваши мирные края
Через год опять заеду
И влюблюсь до ноября.

Святогорский монастырь близ Михайловского.

С литографии Александрова. 1837 г.

Так впоследствии писал он одной из этих барышень.

Однако увлечения эти были поверхностные, больше забава от безделья, и не рассеивали тоски и скуки, которыми томился Пушкин. Он всегда любил шум, движение, большое общество, напряженную умственную атмосферу. Письма его из Михайловского пестрят такими признаниями: «у меня хандра и нет ни одной мысли в голове», «Михайловское душно для меня», «у нас очень дождик шумит, ветер шумит, лес шумит, шумно, а скучно» и т. п. В душе была злоба за непрекращающиеся гонения правительства, перебрасывавшего его с места на место. Он писал своему другу, князю П. А. Вяземскому:

«Грех гонителям моим! И я, как Андрей Шенье¹, могу уда-

¹ Андрей Шенье (Андре Шенье) — французский поэт, казненный во время французской революции, в 1794 году.

рить себя в голову и сказать: «кое-что было тут!» Извини эту поэтическую похвальбу и прозаическую хандру».

И поэту Языкову он писал:

...злобно мной играет счастье:
Давно без крова я пошусь,
Куда подует самовластье;
Уснув, не знаю, где проснусь.

Условия жизни, созданные Пушкину властью, становились для него все более невыносимыми.

И опять перед Пушкиным, как единственный выход из положения, стало вырисовываться бегство за границу. «Что мне в России делать?» писал он Плетневу. И Вяземскому писал: «Ты, который не на привязи, — как можешь ты оставаться в России? Мы живем в печальном веке. Мое глухое Михайловское наводит на меня тоску и бешенство. Когда-нибудь спросишь с милою улыбкою: где же мой поэт? В нем дарование приметно. Услышишь, милая, в ответ: он удрал в Париж и никогда в проклятую Русь не воротится, — ай да умница!»

Пушкин энергично взялся за организацию побега. Ему согласился помогать Алексей Вульф, дерптский студент. У Пушкина была на ноге «аневризма» (расширение вен); он подал прошение о разрешении ему поехать лечиться за границу или, в случае невозможности, — в Дерпт, к знаменитому хирургу Мойеру; оттуда Пушкин рассчитывал пробраться за границу под видом слуги, сопровождающего Алексея Вульфа. Но про болезнь Пушкина узнали его петербургские друзья, узнали родители и поспешили вмешаться. Мать Пушкина подала императору патетическое прошение с просьбой не дать погибнуть ее нежно любимому сыну. Пушкину было разрешено приехать для лечения в Псков, а Мойер, по просьбе Жуковского, согласился приехать в Псков, чтобы сделать Пушкину операцию. Пушкину с трудом удалось отделаться от этого визита. Надежды на побег рухнули.

Иван Пущин, лицейский друг Пушкина, по предписанию тайного общества переехал для революционной работы из Петербурга в Москву. В Москве он служил, как в последнее время и в Петербурге, советником гражданской палаты. В конце 1824 года

Пушкин собрался на рождение в Петербург и Псков для свидания с родными и решил проведать также Пушкина в его псковской ссылке. На вечере у московского военного генерал-губернатора он сообщил о своем намерении Александру Ивановичу Тургеневу, незадолго до того приехавшему в Москву. Тургенев изумился:

— Как! Вы хотите ехать к Пушкину? Разве не знаете, что он под двойным надзором — и политическим и духовным?

— Знаю. Но знаю также, что не могу не навестить друга после пятилетней разлуки в теперешнем его положении. Не пустят — уеду назад.

— Не советовал бы. Впрочем, делайте, как знаете.

Дядя Пушкина, Василий Львович, пришел в ужас, когда узнал, что Пушкин едет к Пушкину. Он тоже всячески старался отговорить его от поездки, со слезами на глазах просил расцеловать племянника, но послать ему с Пушциным письмо воздержался.

В середине января 1825 года Пушкин был разбужен утром звоном колокольчика на дворе и храпением лошадей. Бросился к окну. Мимо во весь дух пронеслась испуганная тройка, ямщика на облучке не было, двое людей в санях изо всей силы натягивали вожжи, стараясь удержать взбесившихся лошадей. В одном из этих людей Пушкин, не веря глазам, узнал Пуштина. Он все забыл; босой, в одной рубашке выскочил на крыльцо. Лошади врезались в огромный сугроб на дворе и стояли, тяжело дыша. От саней к крыльцу бежал Пуштин в шубе, осыпанной снегом; следом за ним шел его служитель Алексей. Друзья бросились друг другу в объятия. Пуштин схватил Пушкина в охапку и внес

Алексей Николаевич Вульф.

С акварели. 1828 г.

в дом. Смотрели друг на друга, целовались, молчали. Пушкин забыл, что он почти голый, Пуцин — что весь в снегу. Было около восьми часов утра. Прибежала няня Арина Родионовна. Удивилась, в каком они виде, но сразу поняла, что приехал близкий друг Пушкина, и бросилась обнимать приезжего.

Принесли таз, кувшин. Пуцин умывался. Друзья засыпали друг друга вопросами без связи и толка. Наконец понемножку успокоились. Подали кофе. Закурили трубки. Беседа пошла более связанная. Пуцин рассказал, что когда они, недалеко уже от усадьбы, спускались с горы, сани в ухабе так наклонились набок, что ямщик вылетел из саней. Лошади испугались и понесли в гору, смаху вломились в притворенные ворота, пронеслись через нерасчищенный двор, и только огромный сугроб остановил их.

Пуцин приглядывался к Пушкину. Наружно он мало изменился, только щеки обросли густыми бакенбардами, но стал серьезнее. С восторгом слушал Пушкин рассказ Пуцина о его работе в качестве надворного судьи, об изумлении, которое вызывает у всех его служба в такой всеми презираемой должности. Осенью этого года, в стихотворении «19 октября», Пушкин так отозвался на рассказ Пуцина:

Ты, освятив тобой избранный сан,
Ему в очах общественного мненья
Завоевал почтение граждан.

Незаметно разговор перешел на тайное общество. До этого времени Пуцин скрывал от Пушкина свое участие в нем. Теперь неявно намекнул, что состоит его членом. Пушкин взволнованно вскочил со стула. Он вспомнил своего кишиневского друга, майора Владимира Раевского: его арестовали еще при Пушкине, пятый год держали в Тираспольской крепости и ничего не могли выпытать.

— Верно, все это в связи с майором Раевским! — воскликнул Пушкин. Потом, успокоившись, прибавил: — Впрочем, я не заставляю тебя, любезный Пуцин, говорить. Может быть, ты и прав, что мне не доверяешь. Верно, я этого доверия не стою — по многим моим глупостям.

Подали обедать. Пуцин привез с собою три бутылки шампанского. Начались тосты за Русь, за лицей, за отсутствующих дру-

зей. Выпили одну бутылку, откупорили вторую. Попотчевали няню.

Пушкин привез Пушкину в подарок комедию Грибоедова «Горе от ума», тогда еще не разрешенную к печати и ходившую в списках. После обеда, за чашкою кофе, Пушкин стал читать ее вслух.

Вдруг он выглянул в окно, смутился и торопливо раскрыл толстый том житий святых. В комнату вошел низенький рыжеватый монах и отрекомендовался игуменом Поной, настоятелем соседнего Святогорского монастыря. Пушкин попросил его сесть. Монах извинился, что помешал их беседе, потом обратился к Пушкину:

— Узнал я ненароком, что приехал к Александру Сергеевичу Пушкин. Думаю, не его ли превосходительство, генерал Павел Сергеевич Пушкин, уроженец великолупцкий? Хорошо знаком, имею сию честь. А это вы...

Ясно было, что настоятелю донесли о приезде Пушкина и что монах хитрит. Разговор завязался о том, о сем. Подали чай. Пушкин велел принести рому. Святой отец, видимо, был большой охотник до этого напитка. Выпил два стакана чаю, не забывая о роме, встал, опять начал извиняться, что прервал их товарищескую беседу, и ушел.

Пушкину было больно за Пушкина: он, как школьник, присмел при появлении настоятеля. Пушкин высказал свою досаду, что накликал это посещение. Пушкин пожал плечами:

— Перестань, любезный друг! Ведь он и без того бывает у меня. Я поручен его наблюдению. Что говорить об этом вздоре!

Иван Иванович Пушкин.

С акварели Д. Соболевского. 1825 г.

И стал продолжать читать «Горе от ума». Вдруг запахло угаром. Пуцин, не выносивший угара, вышел узнать, откуда эта беда. Оказалось, няня, думая, что гость останется ночевать, велела протопить внутренние комнаты, которые не отапливались с самого начала зимы. Пуцин распорядился открыть трубы, запер дверь в натопленные комнаты, открыл форточку в комнате Пушкина. И тут заметил, какая его комната маленькая, как убого обставлена, и сообразил, что все свое время Пушкин вынужден проводить в одной этой тесной комнатке. Пуцину стало очень горько за друга: как хоть в таких пустяках не успокоить его, как не устроить так, чтобы ему было где подвигаться в зимнее ненастье! В зале был биллиард; это могло бы служить для него развлечением. Пуцин с досадою упрекнул няню, зачем она не велит отапливать всего дома. Заступничество Пуцина оказало действие: после его посещения перестали экономничать дровами.

Время было за полночь. Подали закусить. На прощание хлопнула третья бутылка шампанского. Ямщик уже запряг лошадей, колокольчик брякал у крыльца. На часах ударило три. Друзья чокнулись стаканами, но грустно пилось, как будто оба чувствовали, что пьют вместе в последний раз. Пуцин молча набросил шубу и убежал в сани. Пушкин еще что-то говорил ему вслед. Пуцин глядел на него, ничего не слыша. Кони рванули. Пушкин стоял на крыльце со свечою в руке. Пуцину слышалось:

— Прощай, друг!

Это была их последняя встреча. В конце этого же 1825 года, после восстания 14 декабря, Пуцин был арестован и сослан на каторгу. Там в начале 1827 года он получил от Пушкина следующее приветствие:

Мой первый друг, мой друг бесценный!
И я судьбу благословил,
Когда мой двор уединенный,
Печальным снегом занесенный,
Твой колокольчик огласил.
Молю святое провиденье,
Да голос мой душе твоей
Дарует то же утешенье!
Да озарит он заточенье
Лучом лицейских ясных дней!

Годы одинокой, скудной впечатлениями жизни в деревне оказались очень благоприятными для творчества Пушкина. Он писал много. Бессознательная подражательность исчезала; требования к себе росли; дарование быстро крепло и углублялось. «Я чувствую, — писал Пушкин, — что мои духовные силы достигли полной зрелости, я могу творить».

Совершенно изменилось его отношение к искусству. Раньше творчество было для Пушкина беззаботно-веселой, часто озорной игрой. В посвящении к «Руслану и Людмиле» он называет свою поэму «игривым трудом» и тешит себя надеждой, что девушка с трепетом любви посмотрит украдкой на его «грешные песни». В «Онегине» он вспоминает:

И я, в закон себе вменяя
Страстей единый произвол,
С толпою чувства разделяя,
Я Музу резвую привел
На шум пиров и буйных споров,
Грозы полуночных дозоров:
И к ним в безумные пиры
Она несла свои дары
И как вакханочка резвилась,
За чашей пела для гостей,
И молодежь минувших дней
За нею буйно волочилась —
А я гордился меж друзей
Подругой ветреной моей.

Теперь — теперь он перестает гордиться. Он с болью вспоминает, как неразборчив был в выборе тем и воспеваемых лиц:

Когда на память мне неволью
Придет внушенный ими стих,
Я так и вспыхну, сердцу больно;
Мне стыдно идолов моих.
К чему, несчастный, я стремился?
Пред кем унизил гордый ум?
Кого восторгом чистых дум
Боготворить не устыдился?

Искусство встает теперь перед ним во всей своей глубокой серьезности и во всей силе ответственности, налагаемой на художника:

Служенье муз не терпит суеты;
Прекрасное должно быть величаво...

Полное выражение этот новый взгляд Пушкина на искусство нашел в стихотворении «Пророк», написанном в Михайловском в 1826 году. Под видом библейского пророка Пушкин рисует поэта и глубокое преобразование его во время творчества. Отверзаются «вещие» глаза поэта, чутким ухом он улавливает сокровеннейшие звуки жизни, грешный язык, празднословный и лукавый, сменяется мудрым жалом змеи, сердце превращается в пылающий уголь. И бог-искусство приказывает поэту итти и «глаголом жечь сердца людей».

Стихотворение это обычно толкуют в смысле призыва поэта к нравственному учительству. Но Пушкин считал учительство совершенно не входящим в круг истинной поэзии. «Цель поэзии — поэзия», заявлял он Жуковскому. И через два-три года писал: «Поэзия выше нравственности, или, по крайней мере, совсем иное дело. Господи Иисусе! Какое дело поэту до добродетели и порока? Разве — их одна поэтическая сторона». Для Пушкина искусство само по себе, в светлом своем величии и проникновении в глубочайшие тайны мира, представлялось высшею, ни с чем не сравнимою ценностью жизни.

В октябре 1824 года Пушкин окончил в Михайловском поэму «Цыганы», начатую на юге. В это время байронизм был у нас в полном разгаре, и царствованию его предстояло тянуться еще долго. Разочарованный, сильный душою одиночка, презирающий жизнь и человечество, томящийся желанием великой свободы, способный не дрогнуть перед самым ужасным злодейством, испепеленный пламенными страстями, стоял поэтическим героем перед тогдашним читателем.

Нужно ясно представить себе тогдашнее поголовное увлечение подобными карикатурами байроновских героев, чтоб оценить все значение того беспощадного развенчания, которое совершил Пушкин над героем «Цыган» — загадочным, разочарованным, ищущим свободы, а в сущности эгоистическим и мелко мстительным Алеко. Отец зарезанной им жены-цыганки говорит ему:

«Оставь нас, гордый человек!
Мы дики, нет у нас законов,
Мы не терзаем, не казим,
Не нужно крови нам и стонов;
Но жить с убийцей не хотим.

Ты не рожден для дикой доли,
Ты для себя лишь хочешь воли;
Ужасен нам твой будет глас:
Мы робки и добры душою,
Ты зол и смел; — оставь же нас,
Прости! да будет мир с тобою».

В Михайловском же Пушкин написал большую вещь, над которой работал долго и любовно, — историческую трагедию «Борис Годунов». Наша литература до того времени не имела трагедий. Театр пробавлялся изделиями «российских Расинов» — ходульными подражаниями ложноклассическим французским образцам, не имевшими никакого художественного значения. Пушкин задался целью повернуть театр на путь, проложенный Шекспиром.

«Твердо уверенный, — пишет он, — что устарелые формы нашего театра требуют преобразования, я расположил свою трагедию по системе отца нашего Шекспира». «Шекспиру я подражал в его вольном и широком изображении характеров, в небрежном и простом составлении типов и в простоте...» «Я твердо уверен, что нашему театру приличны народные законы драмы Шекспировой, а не придворный обычай трагедий Расина». «Дух века требует великих перемен и на сцене драматической».

Осенью 1825 года Пушкин окончил «Бориса». Пе-

Титульный лист «Бориса Годунова».

речитал его самому себе вслух, бил в ладоши и кричал в восторге:

— Ай да Пушкин! Ай да сукин сын!

«Жуковский говорит, — писал он Вяземскому, — что царь меня простит за трагедию, — навряд, мой милый. Хоть она и в хорошем духе писана, да никак не мог упрятать всех моих ушей под колпаком юродивого. Торчат!»

И правда, в трагедии Пушкина было много такого, что при внимательном чтении должно было заставить правительство насторожиться. Прежде всего Борис, взшедший на престол через труп законного наследника, должен был напомнить об Александре I, вступившем на трон через труп убитого с его согласия императора-отца. Но и помимо этого, самодержавие — и притом не только Бориса, но и его вполне «законных» предшественников — рисовалось Пушкиным как форма правления, держащаяся насиллием.

Борис говорит:

Лишь строгостью мы можем неусыпной
Сдержать народ. Так думал Иоанн,
Смиритель бурь, разумный самодержец,
Так думал и его свирепый внук.

И против Бориса — самозванец. Его посланец Гаврила Пушкин, предок поэта, говорит гогуновскому воеводе Басманову:

Перед тобой не стану я лукавить;
Но знаешь ли, чем сильны мы, Басманов?
Не войском, нет, не польскою помощью,
А мнением — да, мнением народным.
Димитрия ты помнишь торжество
И мирные его завоеванья,
Когда везде без выстрела ему
Послушные сдавались города,
А воевод упрямых чернь вязала?

В Михайловском Пушкин продолжал писать «Онегина», начатого в Одессе. Закончил третью главу, написал четвертую и пятую. В середине декабря 1825 года в два утра написал поэму «Граф Нулин». Пустенький анекдот, не имеющий серьезного значения, — так и теперь скажет иной. Между тем поэмка эта имела в свое время очень важное значение, — это был первый

решительный шаг Пушкина в сторону реализма — изображения жизни в ее подлинном, не приукрашенном виде: «русский француз», вертопрах Нулин, «добродетельная» помещица Наталья Павловна, ее муж, степной собачник, и яркое, лишенное романтических прикрас описание быта. Старозаветная критика встретила поэму яростным воем и насмешками. Пушкин, например, описывает, как Наталья Павловна сидит у окна с романом в руках:

Наталья Павловна сначала
Его внимательно читала,
Но скоро как-то развлеклась
Перед окном возникшей дракой
Козла с дворовою собакой
И ею тихо занялась.
Кругом мальчишки хохотали;
Меж тем печально под окном
Индейки с криком выступали
Вослед за мокрым петухом;
Три утки полоскались в луже;
Шла баба через грязный двор
Белье повесить на забор;
Погода становилась хуже:
Казалось, снег итти хотел...

Каким художественно-революционным явлением были для того времени такого рода описания, показывает негодующий и насмешливый отзыв Надеждина в «Вестнике Европы» по поводу приведенного отрывка. «Здесь, — писал Надеждин, — изображена природа во всей наготе своей. Жаль только, что сия мастерская картина не дописана. Неужели в широкой раме черного барского двора не уместились бы две-три хавроньи, кои, разметавшись по-султански на пышных диванах топучей грязи, могли бы даже сообщить нечто занимательное изображенному зрелищу?.. Почему поэт, представляя бабу, идущую развешивать белье через грязный двор, уклонился несколько от верности, позабыв изобразить, как она приподнимала подол своей пестрой понявы? Это едва извинительно в живописце великом и всеобъемлющем!»

19 ноября (по старому стилю) 1825 года неожиданно умер император Александр I. Наследником считался брат его Кон-

стантин, но он давно уже отрекся от прав на престол. Однако это почему-то хранилось в тайне. Царем должен был сделаться следующий по возрасту брат, Николай. Войска сначала были приведены к присяге Константину, и Николай сам присягнул ему; потом стали приводить к присяге Николаю. Члены тайного общества решили воспользоваться получившимся замешательством и путем военного переворота достичь ограничения или даже свержения самодержавия. Они внушили войскам, что Константин устранен насильно, и 14 декабря вывели их на Сенатскую площадь против Николая.

На победу они не рассчитывали. Большинство их шло на восстание с настроением, незадолго до того выраженным одним из главных заговорщиков, поэтом К. Ф. Рылевым. В «Исповеди Наливайки» он писал:

Известно мне: погибель ждет
Того, кто первый восстает
На утеснителей народа;
Судьба меня уж обрекла,
Но где, скажи, когда была
Без жертв искуплена свобода?
Погибну я за край родной, —
Я это чувствую, я знаю,
И радостно, отец святой,
Свой жребий я благословляю.

Только таким настроением заговорщиков можно объяснить иначе совершенно непонятное их поведение на Сенатской площади. Построенные в каре (квадратом) мятежные войска бездейственно стояли с ружьем к ноге до самых сумерек и дали время Николаю подвести верные войска, установить пушки и картечью разгромить мятежников.

«Чем же объясняется нецелесообразное поведение заговорщиков в день четырнадцатого декабря? — пишет Плеханов. — На этот вопрос можно правильно ответить только указанием на то, что они сознательно шли на мученичество. Если смотреть на события 14 декабря, как на военную манифестацию, предпринятую людьми, не успевшими приготовиться к серьезной битве и решившимися погибнуть для того, чтобы своею гибелью указать путь будущим поколениям, то мнимая непоследователь-

На Сенатской площади 14 декабря 1825 года.

ность и нецелесообразность их действий очень просто объяснится нежеланием усиливать кровопролитие и увеличивать число жертв. Если же, взглянув на дело с этой точки зрения, мы спросим себя, достигнута ли была главная цель восставших, то мы не колеблясь ответим утвердительно, потому что, — как очень хорошо сказал Герцен, — пушечный гром, раздавшийся на Сенатской площади, разбудил целое поколение».

Начались аресты заговорщиков. Учреждена была следственная комиссия, и в ней самое деятельное участие принял сам новый царь.

Пушкин не был привлечен к следствию. Правда, он и не был членом тайного общества. Но почти у всех арестованных находили его революционные стихи, все в один голос показывали, что на формирование их революционных настроений большое влияние оказали стихи Пушкина. На одном собрании южных заговорщиков, где обсуждался вопрос о цареубийстве, чтение пушкин-

Вильгельм Карлович Кюхельбекер, друг Пушкина, приговоренный к каторжным работам по делу декабристов.

ского «Кинжала» вызвало такой энтузиазм, что целый ряд лиц заявил готовность взять на себя убийство царя. На основании всех данных для правительства совершенно ясно вырисовывалась огромная агитационная роль Пушкина в подготовке восстания. Можно удивляться только одному: почему не тронули Пушкина, почему не подвергли его жестокой каре как одного из самых опасных вдохновителей движения? Высказывается предположение, что Карамзин и Жуковский, стараясь спасти Пушкина, подали Николаю мысль — не лучше ли попытаться привлечь Пушкина на свою сторону и использовать его перо на пользу пра-

вительству? Николай имел возможность убедиться, какую грозную силу представляет собой Пушкин.

Окончилось следствие. Пятерых главных заговорщиков, в их числе Пестеля и Рылеева, повесили, более сотни сослали в Сибирь на каторгу. Пушкин был знаком с большинством из повешенных, знал многих из сосланных. Расправа с ними произвела на него впечатление потрясающее. «Повешенные повешены, — писал он, — но каторга ста двадцати друзей, братьев, товарищей ужасна».

Еще долго впоследствии Пушкин рисовал в своих черновиках виселицу с пятью трупами и задумчиво приписывал: «И я бы мог...» «И я бы мог...»

3 сентября 1826 года Пушкин проводил вечер у соседок в Тригорском. Стояла чудесная погода. Пушкин был очень весел,

гуляя с барышнями; в одиннадцатом часу вечера они проводили его по дороге в Михайловское.

А на рассвете в Тригорское прибежала старая няня Пушкина Арина Родионовна, растрепанная, испуганная и рыдающая. Она сообщила, что этой ночью прискакал в Михайловское какой-то не то офицер, не то солдат, забрал Пушкина и куда-то увез с собою. Няню стали расспрашивать, был ли обыск, взяли ли какие-нибудь бумаги.

— Нет, родные, никаких бумаг не взяли и ничего в доме не ворошили. После только я сама кой-что поуничтожила.

— Что же именно?

— Да сыр этот проклятый, что Александр Сергеевич кушать любил, а я так терпеть его не могу; и дух-то от него, от сыра этого немецкого, до того скверный...

Пушкин тем временем мчался в тележке с фельдьегерем в Москву. Ехали день и ночь. 8 сентября приехали.

Царь со всем двором по случаю коронавания находился в это время в Москве. Пушкину не дали ни отдохнуть, ни переодеться и побриться; продрогшего, забрызганного грязью, его доставили прямо во дворец и ввели в кабинет к Николаю.

Николай встретил Пушкина очень милостиво. Между ними произошел длинный разговор. Царь спросил:

— Пушкин, принял бы ты участие в 14 декабря, если бы был в Петербурге?

Пушкин смело ответил:

— Непременно, государь. Все друзья мои были в заговоре, и я не мог бы не участвовать в нем. Одно лишь отсутствие спасло меня.

Николай спросил, переменился ли его образ мыслей и дает ли он ему слово думать и действовать иначе, если ему дана будет свобода. Пушкин долго молчал, но наконец дал обещание сделаться другим.

Потом царь спросил:

— Что ты теперь пишешь?

— Почти ничего, ваше величество, цензура очень строга.

— Зачем же ты пишешь такое, чего не пропускает цензура?

— Цензура не пропускает и самых невинных вещей.

— Ну, хорошо, так я сам буду твоим цензором. Присылай мне все, что напишешь.

Николай вывел за руку взволнованного Пушкина из кабинета и сказал толпившимся в приемной царедворцам:

— Господа! Вот вам новый Пушкин. О старом забудем.

Но это были со стороны Николая только слова. Все поведение Пушкина ясно показало царю, что он вовсе не стал «новым»: не унижается, не отрекается от прошлого, не клеймит проклятиями сообщников, не бросается в благодарном порыве навстречу прощению, а колеблется, раздумывает... Было ясно, что из него никогда не выйдет Державин, Карамзин или Жуковский, никогда с искренним обожанием он не преклонится перед «священной особою» государя-императора и никогда нельзя будет спокойно положиться на него.

Нева.

Рисунок А. Бенда.

ПОД ЦАРСКОЙ ОЦЕКОЙ

Пушкин получил свободу и остался жить в Москве.

Немедленно по приезде он поручил своему приятелю Соболевскому отправиться к Американцу-Толстому, к дуэли с которым готовился так долго и тщательно, Соболевский должен был передать Толстому от Пушкина вызов на дуэль. К счастью, Толстого в то время в Москве не оказалось. А затем приятелям удалось помирить врагов.

Москва встретила Пушкина восторженно. Когда он в первый раз появился в театре, по всем рядам пронесся гул, повторявший его имя; все взоры, все бинокли были обращены на него, никто

не смотрел на сцену. На собраниях и балах всеобщее внимание устремлялось на Пушкина, дамы кольцом окружали его, без перерыва выбирали в котильоне и мазурке. По утрам приемная Пушкина была полна посетителей. Его знал весь город, все им интересовались. Самые выдающиеся люди считали за честь познакомиться с ним.

12 октября, днем, Пушкин читал у Веневитиновых, в Кривоколенном переулке близ Мясницкой, свою трагедию «Борис Годунов». Слушать его собрались молодые московские писатели и журналисты. Один из них, профессор истории М. П. Погодин, так вспоминает про это чтение: «Какое действие произвело оно на всех нас, передать невозможно. Мы собрались слушать Пушкина, воспитанные на стихах Ломоносова, Державина, Хераскова, Озерова, которых все мы знали наизусть. Надо припомнить и образ чтения стихов, господствовавший в то время. Это был распев, завещанный французскою декламацией. Наконец, надо себе представить саму фигуру Пушкина. Ожидавшийся нами величавый жрец высокого искусства, — это был среднего роста, почти низенький человечек, вертлявый, с длинными, несколько курчавыми по концам волосами, без всяких притязаний, с живыми, быстрыми глазами, с тихим, приятным голосом, в черном сюртуке, в черном жилете, застегнутом наглухо, небрежно повязанном галстухе. Вместо высокопарного языка богов мы услышали простую, ясную, обыкновенную и между тем поэтическую, увлекательную речь!

Первые явления выслушали тихо и спокойно или, лучше сказать, в каком-то недоумении. Но чем дальше, тем ощущения усиливались. Сцена летописателя с Григорием всех ошеломила... А когда Пушкин дошел до рассказа Пимена о посещении Кирилова монастыря Иоанном Грозным, о молитве иноков,

Да ниспошлет господь любовь и мир
Его душе страдающей и бурной...

мы просто все как будто обеспамятели. Кого бросало в жар, кого в озноб. Волосы поднимались дыбом. Не стало сил воздерживаться. Кто вдруг вскочит с места, кто вскрикнет. То молчание, то взрыв восклицаний, например, при стихах самозванца:

Тень Грозного меня усыновила,
Димитрием из гроба нарекла,
Вокруг меня народы возмутила
И в жертву мне Бориса обрекла...

Кончилось чтение. Мы смотрели друг на друга долго, потом бросились к Пушкину. Начались объятия, поднялся шум, раздался смех, полились слезы, поздравления. Явилось шампанское, и Пушкин одушевился, видя такое свое действие на избранную молодежь. Ему было приятно наше волнение. Он начал нам, поддавая жару, читать песни о Стеньке Разине, как он выплывал ночью на Волге на востроносой своей лодке, предисловие к «Руслану и Людмиле»: «У лукоморья дуб зеленый»... О, какое удивительное то было утро, оставившее следы на всю жизнь! Не помню, как мы разошлись, как dokonчили день, как улеглись спать. Да едва кто и спал из нас в эту ночь. Так был потрясен весь наш организм».

Последующие годы Пушкин жил то в Москве, то в Петербурге. Он с упоением отдавался удовольствиям большого города. Везустали танцевал на балах, участвовал в кутежах.

Это, однако, не мешало ему работать очень много. Одна за другою писались главы «Евгения Онегина». В слякотную осень 1828 года Пушкин в две-три недели написал всю «Полтаву». Писал он ее, действительно, «и звуков, и смятенья полн». Писал дни напролет. Стихи грезились ему даже во сне, так что он ночью вскакивал с постели и записывал их впотьмах. Когда его прохватывал голод, он бежал в ближайший трактир, стихи преследовали его и там, он ел наскоро, что попало, и убегал домой записать то, что набралось у него на бегу и за обедом. Таким образом слагались у него сотни стихов в сутки. Мысли, которые не успевали укладываться в стихи, он записывал прозой. Но потом тщательно все отделывал, зачеркивал, снова писал, снова зачеркивал. Вообще над произведениями своими Пушкин работал очень много.

Наружно Пушкин производил в это время впечатление человека, беспечно наслаждающегося жизнью. В обществе он попрежнему был веселым, озорным шалуном с звонким, заразительным хохотом и поражал всех неожиданными выходками. Но в стихах его звучали глубоко пессимистические ноты. «Дар напрасный,

дар случайный, жизнь, зачем ты мне дана? Иль зачем судьбою тайной ты на казнь осуждена?» «Холодный ключ забвенья, — он слаще всех жар сердца утолит» и т. п. В письмах его прорывались признания в глубокой тоске, владеющей им. Один из друзей Пушкина рассказывает: «Среди всех светских развлечений Пушкин порой бывал мрачен; в нем было заметно какое-то грустное беспокойство, какое-то неравенство духа; казалось, он чем-то томился, куда-то порывался. По многим признакам я мог убедиться, что покровительство и опека императора Николая тяготили и душили его».

После возвращения своего из ссылки Пушкин держался по отношению к царю и правительству так, что ни в чем не мог бы вызвать упрека. Все донесения о нем секретных агентов были в таком роде: «Поэт Пушкин ведет себя отлично хорошо в политическом отношении. Он непритворно любит государя и даже говорит, что ему обязан жизнью, ибо жизнь так ему наскучила в изгнании и вечных привязках, что он хотел умереть». Начальник жандармов Бенкендорф доносил императору: «Пушкин говорил в Английском клубе с восторгом о вашем величестве и заставил лиц, обедавших с ним, пить здоровье вашего величества».

И все донесения в таком роде.

До сих пор исследователи затрудняются определить, был ли в то время искренен переход Пушкина на сторону самодержавия, или у него была тут тонкая политическая игра.

Пушкин очень болезненно переживал перелом, происшедший в это время в его общественно-политических взглядах. Душа разрывалась в противоречиях. Он благоговейно преклонялся перед подвигом декабристов, горько болел за сосланных на каторгу, слал им в Сибирь ободряющий привет:

Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье,
Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремленье.

Несчастью верная сестра,
Надежда в мрачном подземелье
Разбудит бодрость и веселье,
Придет желанная пора:

Любовь и дружество до вас
Дойдут сквозь мрачные затворы,
Как в ваши каторжные норы
Доходит мой свободный глас.

Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут — и свобода
Вас примет радостно у входа,
И братья меч ваш отдадут.

Рисовал себя в виде певца Ариона¹, спасшегося от общего кораблекрушения:

Погиб и кормщик, и пловец —
Лишь я, таинственный певец,
На берег выброшен грозою,
Я гимны прежние пою
И ризу влажную мою
Сушу на солнце под скалою.

Но для прежних гимнов у него теперь не было веры. Дело декабристов он считал безнадежно проигранным и самодержавие непоколебимо прочным. Приходилось принять самодержавие как факт; говоря словами Пушкина, «понять необходимость и простить оный в душе своей». И он старался уверить себя, что развертывавшиеся на его глазах проявления черной деятельности самодержавия — только случайные уклонения, что самодержавие способно сыграть в жизни страны некоторую культурную и организующую роль. В стихотворении «Стансы» он обращался к Николаю, не боясь прогневить его заступничеством за «бунтовщиков», и как бы намечал программу, осуществления которой он ждет от самодержавия:

В надежде славы и добра
Гляжу вперед я без боязни:
Начало славных дней Петра
Мрачили мятежи и казни.

Но правдой он привлек сердца,
Но нравы укротил наукой,
И был от буйного стрельца
Пред ним отличен Долгорукой.

¹ Арион — древнегреческий поэт и музыкант. Мотив этого стихотворения взят из легенды об Арионе.

Самодержавною рукой
Он смело сеял просвещение,
Не презирал страны родной:
Он знал ее предназначенье.

То академик, то герой,
То мореплаватель, то плотник,
Он всеобъемлющей душой
На троне вечный был работник.

Семейным сходством будь же горд;
Во всем будь пращурю подобен:
Как он, неутомим и твёрд,
И памятью, как он, незлобен.

Как бы то ни было, но Пушкин держался по отношению к самодержавию в то время терпимо. Однако Николай относился к нему с глубочайшим недоверием. Во втором стихотворении «Стансы» Пушкин писал о царе:

Во мне почтил он вдохновенье,
Освободил он мысль мою...

Очень скоро Пушкину пришлось убедиться в совершенной призрачности тех «милостей», которые ему наобещал Николай. Милости эти, оказывалось, отнимали у Пушкина даже те права, которыми пользовался любой обыватель.

Посредником между Пушкиным и царем был жандармский генерал Бенкендорф, начальник знаменитого Третьего отделения¹ собственной его величества канцелярии — самый приближенный к царю человек. В Москве Пушкин прочел в кругу друзей своего «Бориса Годунова». От Бенкендорфа немедленно пришло указание, что без предварительного просмотра царем Пушкин не имеет права каким бы то ни было путем «распространять» свои произведения. Выходило, что Пушкин, будто бы поставленный в привилегированное сравнительно с другими положение, не мог даже прочесть своего произведения друзьям без предварительного разрешения!

Не желая затруднять царя, Пушкин несколько мелких

¹ Третье отделение императорской канцелярии заведовало государственной полицией и корпусом жандармов. Во главе его стоял шеф жандармов Бенкендорф.

своих стихотворений представил в общую цензуру. Бенкендорф поспешил уведомить его, что все произведения «блистательного пера вашего» должны раньше представляться ему на просмотр. Решив приступить к печатанию «Бориса Годунова», Пушкин послал свою пьесу на цензуру императору. Вскоре он получил от Бенкендорфа извещение, что император с большим удовольствием прочитал пьесу и на докладной записке о ней изволил написать:

«Я считаю, что цель г. Пушкина была бы выполнена, если бы с нужным очищением переделал комедию свою в историческую повесть или роман, на подобие Вальтера Скотта».

Невежественный царь рекомендовал поэту в корне переработать гениальное произведение по его указаниям. Весь комизм этой дурацкой рекомендации мы оценим, когда вспомним, что главной целью Пушкина при писании «Бориса Годунова» была как раз реформа нашего театра. В недавнее время выяснилось, что Николай даже не прочел пьесы, Бенкендорф дал ее на отзыв в свою канцелярию; судя по всем данным, отзыв написал доносчик-журналист Булгарин, состоявший на службе в Третьем отделении. Этот-то отзыв, с рекомендацией переделать трагедию в роман, Николай и повторил в своей резолюции. Пушкин с горькой иронией ответил Бенкендорфу: «Согласен, что моя драматическая поэма более сбивается на исторический роман, нежели на трагедию, как государь-император изволил заметить. Жалею, что я не в силах уже переделать мною однажды написанное».

Николай I.

Совет самодержца есть приказание: напечатание пьесы пришлось отложить.

Пушкин готов был серьезно думать, что Николай почтил в нем вдохновение и хотел освободить его мысль. В действительности же Николай хорошо помнил, что у каждого декабриста находили революционные стихи Пушкина, и единственная его цель была наложить на мысль Пушкина самые крепкие путы. Бенкендорф в одном письме к царю цинично выразил общую их мысль: «Пушкин — порядочный шалопай, но если удастся направить его перо и его речи, то это будет выгодно».

Так началась опека жандарма и его злобного повелителя над гениальным поэтом, длившаяся всю жизнь Пушкина. Опекалась не только его литературная деятельность, но и каждый шаг его жизни. Официально Пушкин был совершенно свободен; но оказывалось, что даже из города в город он не имел права переехать без разрешения Бенкендорфа. Попросился Пушкин приехать из Москвы в Петербург. Бенкендорф разрешил, но предостерегающе прибавил: «Его величество не сомневается в том, что данное русским дворянином государю своему честное слово вести себя благородно и пристойно будет в полном смысле сдержано». Из Петербурга Пушкин поехал в Москву. Новый грозный запрос Бенкендорфа: «Поступок ваш принуждает меня просить вас уведомить меня, какие причины могли вас заставить изменить данному мне слову». И все время в таком роде. Получаешь как будто личное оскорбление, читая эти высокомерные запросы тупого жандарма гениальному поэту, словно озорному мальчишке.

Одно за другим возникали секретные следствия над Пушкиным. В его стихотворении «Андрей Шенье», описывавшем казнь поэта Шенье во время французской революции, цензурою не был пропущен один отрывок; кто-то этому отрывку дал заглавие «На 14 декабря». Два офицера, у которых найдены были списки, были привлечены к следствию. Привлечен был к делу и Пушкин, ему был учинен целый ряд допросов. Дело тянулось около двух лет. Пушкину наконец удалось доказать, что отрывок не имеет никакого отношения к декабрьским событиям и написан задолго до 14 декабря. В результате ему было строжайше запрещено «выпускать в публику» свои сочинения без предварительного

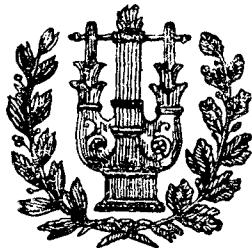
разрешения цензуры, а сам он был отдан под секретный надзор полиции.

Не успело закончиться это дело, как новое дело было поднято против Пушкина, еще более серьезное. До правительства дошла наконец написанная Пушкиным в Кишиневе поэма «Гавриляда», высмеивавшая евангельскую легенду о происхождении Христа. За такое богохульство Пушкину могло грозить вечное заточение в какой-нибудь из самых страшных монастырских тюрем. На многочисленных допросах Пушкин упорно отрицал свое авторство, но на душе его было очень беспокойно. Из стихотворения «Предчувствие» можно видеть, как устал в это время Пушкин от непрерывных преследований:

Снова тучи надо мною
Собралися в тишине;
Рок завистливой бедою
Угрожает снова мне...
Сохраню ль к судьбе презренье?
Понесу ль навстречу ей
Непреклонность и терпенье
Гордой юности моей?

Бурной жизнью утомленный,
Равнодушно бури жду...

Однако в конце концов по причинам, не вполне выясненным, дело было прекращено.

Аул на Кавказе.

П О Е З Д К А Н А К А В К А З

К концу двадцатых годов близкие стали замечать в характере Пушкина некоторую перемену. Он менее охотно выезжал в свет, начал чувствовать потребность в своем угле, в семейной жизни.

В 1828 году на одном из московских балов он познакомился с шестнадцатилетней девушкой Натальей Николаевной Гончаровой. Это была московская барышня, все образование которой заключалось только в умении хорошо говорить по-французски и прекрасно танцевать. Но была она красоты изумительной. Пушкин страстно влюбился в нее, был представлен ее родителям,

Автопортрет Пушкина с надписью: «А. П., писанный им самим во время горестного его заключения в карантине Гумрянском 1829 года, 28 июня». В Гумрах в карантине, Пушкин был при возвращении из Арзерума.

стал бывать у Гончаровых. Рассказывают, что в это время Наталья Николаевна даже не читала Пушкина, вообще же всю жизнь была к поэзии глубоко равнодушна. Никакого духовного общения с нею у Пушкина не могло быть. Он созерцал ее, «благоговейя богомольно перед святыней красоты», горел любовью, но чувствовал, что девушка к нему равнодушна, что ему нечем ее заинтересовать и увлечь, и был с нею застенчив, робок, как в первый раз влюбленный мальчик.

И вообще в семье Гончаровых он ощущал холод и стеснение. Матери, Наталье Ивановне, Пушкин не нравился. Ему не раз случалось проявлять вольнодумное отношение к религии и к умершему императору Александру I, а Наталья Ивановна была очень религиозна и к Александру относилась с благоговением. Несмотря на все это, Пушкин в конце апреля 1829 года посватался за Наталью Николаевну. Напрямик ему не отказали, но ответили, что надо подождать и посмотреть, что Наташа еще очень молода и т. п.

В ту же ночь Пушкин уехал на Кавказ в действующую армию.

В это время шла война России с Турцией. На кавказском фронте главнокомандующий Паскевич вторгся в пределы Турции и наступал на крепость Арзерум. В его армии служил командиром Нижегородского драгунского полка старинный друг Пушкина Николай Николаевич Раевский-младший, а адъютантом при Раевском состоял брат Пушкина, Лев. В конце мая Пушкин приехал в Тифлис, пожил там две недели и отправился нагонять армию. Догнал, представился Паскевичу и поселился в палатке Раевского.

Пушкин рвался принять участие в сражении. Очень скоро случай представился. Турецкая кавалерия напала на русские аванпосты. Услышав про это, Пушкин выбежал из палатки, вскочил на коня и умчался. Обеспокоенный Раевский послал двух своих офицеров отыскать Пушкина. Шла схватка казаков с турецкими наездниками, во фланг туркам скакали драгуны. Посланные офицеры увидели, что Пушкин отделился от драгун и, с пикой в руке, один, бешено мчится навстречу скачущим на него турецким всадникам. Подоспевший резерв из уланов заставил турок отступить. Посланные офицеры насильно выве-

Автопортрет Пушкина.

ли Пушкина из передовой цепи. Он остался этим очень недоволен.

Больше видеть сражение Пушкину не удалось. Турки при первом натиске обращались в бегство.

Пушкин из себя выходил, что турки не хотят принимать сражение.

Лагерная жизнь очень понравилась Пушкину. «Пушка, — рассказывает он, — подымала нас на заре. Сон в палатке удивительно здоров. За обедом запивали мы азиатский пашлык английским пивом и шампанским, застывшим в снегах таврийских».

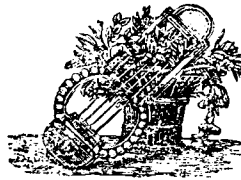
Разъезжал Пушкин на казацкой лошади, с нагайкой в руке.

В черном сюртуке и с цилиндром на голове Пушкин представлял среди военных очень необычное зрелище. Солдаты считали его иноземным попом.

Армия дошла до Арзерума и 27 июня 1829 года взяла его без всякого сопротивления. Пушкин прожил в Арзеруме больше трех недель.

В городе появилась чума. Он решил уехать.

Паскевич удерживал Пушкина, предлагал быть свидетелем дальнейших предприятий. Но, видимо, Пушкину был уже совершенно ясен характер этих предприятий, и он распрощался с Паскевичем.

Петербург у Крюкова канала в начале XIX века.

В О З В Р А Щ Е Н И Е

Было утро. У Гончаровых дети сидели в столовой за чаем, мать еще спала. Вдруг стук на крыльце, и вслед за тем в самую столовую влетела из прихожей калоша. Это Пушкин так торопливо раздевался. Он вошел и тотчас же спросил Наталью Николаевну. Но она не посмела выйти без разрешения матери. Разбудили Наталью Ивановну. Она приняла Пушкина в постели, — приняла молчаливо и очень холодно. С Наташей Пушкину удалось увидеться, но она отнеслась к нему тоже холодно и невнимательно. Пушкин оробел. У него нехватило решимости объясниться. И он уехал в Петербург со смертью в душе.

Порывался уехать куда-нибудь подальше, просился во Фран-

цию, в Италию. Если туда нельзя, то в Китай, — как раз в это время туда отправлялась русская миссия. И писал:

Поедем, я готов; куда бы вы, друзья,
Куда б ни вздумали, готов за вами я
Повсюду следовать, надменной убегая:
К подножию ль стены далекого Китая,
В кипящий ли Париж, туда ли, наконец,
Где Тасса¹ не поет уже ночной гребец,
Где древних городов под пеплом дремлют мощи,
Где кипарисные благоухают рощи,
Повсюду я готов. Поедем... но, друзья,
Скажите: в странствиях умрет ли страсть моя?
Забуду ль гордую, мучительную деву,
Или к ее ногам, ее младому гневу,
Как дань привычную, любовь я принесу?

В выезде из России Пушкину было отказано. Бенкендорф ему писал: «Государь-император не удостоил снизойти на вашу просьбу, полагая, что это слишком расстроит ваши денежные дела и в то же время отвлечет вас от ваших занятий».

Еще пятнадцатилетним мальчиком Пушкин писал, обращаясь к своей музе: «Что было бы со мною, богиня, без тебя?» И теперь, как всегда, от непрерывных тягот и дрызг жизни Пушкин спасался в поэтическом творчестве, в нем обретал он подлинную жизнь и подлинное счастье, которых у него так мало было в обыденной действительности. Он описывает, как венецианский гондольер плывет в вечерних сумерках по взморью и поет:

Он любит песнь свою, поет он для забавы,
Без дальних умыслов; не ведает ни славы,
Ни страха, ни надежд, и тихой музы полн,
Умеет услаждать свой путь над бездной волн.
На море жизненном, где бури так жестоко
Преследуют во мгле мой парус одинокой,
Как он, без отзыва, утешно я пою
И тайные стихи обдумывать люблю.

Впоследствии в повести «Египетские ночи» Пушкин вывел великосветского поэта Чарского, под именем которого изобразил самого себя. Он рассказывает про Чарского:

¹ Тассо — итальянский поэт.

«Чарский признавался искренним своим друзьям, что только во время писания он и знал истинное счастье. Остальное время он гулял, чинясь и притворяясь».

Творчество давало Пушкину самое полное удовлетворение; творчество было для него самым нужным и самым ценным, что только могла дать жизнь. Есть оно, — и все остальное так неважно: признание людское, слава!

В связи с этим понятна та страстность, с какою Пушкин отстаивал право поэта на полную свободу творчества, не подчиняющегося никаким законам, никаким указаниям и требованиям.

...ветру и орлу
И сердцу девы нет закона —
Гордись, таков и ты, поэт,
И для тебя закона нет.

Исполнен мыслями златыми,
Непонимаемый никем,
Перед распутиями земными
Проходишь ты, уныл и нем.
С толпой не делишь ты ни гнева,
Ни нужд, ни хохота, ни рева,
Ни удивленья, ни труда.
Глупец кричит: «куда? куда?
Дорога здесь». Но ты не слышишь;
Идешь, куда тебя влекут
Мечтанья тайные; твой труд
Тебе награда; им ты дышишь,
А плод его бросаешь ты
Толпе, рабыне суеты.

И с вызовом Пушкин провозглашает свою формулу призвания поэта, очень характерную для тогдашних его настроений:

Не для житейского волненья,
Не для корысти, не для битв,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуков сладких и молитв.

Этой формулой он, как двойным щитом, одинаково защищал себя от требований как слева, так и справа: слева от него продолжали ждать революционных песен, — но для этого теперь у Пушкина не было ни веры, ни огня; справа от него требовали

воспевания царя и всякого рода официальных торжеств, — для этого у Пушкина не было никакой охоты.

Было еще одно обстоятельство, которое побуждало Пушкина уходить от «толпы» и замыкаться в себе.

Чем больше мужало и углублялось его творчество, чем дальше уходил он вперед, тем меньше начинала его понимать критика, тем холоднее начинали относиться читатели.

Началось это уже с «Цыган» — с первого же произведения, в котором Пушкин выступил вполне оригинальным творцом. Оно было еще встречено общими похвалами, но в этих похвалах было что-то робкое, нерешительное.

«Мы хорошо помним это время, — рассказывает Белинский, — помним, как многие были неприятно разочарованы «Цыганами» и спорили, что «Кавказский пленник» и «Бахчисарайский фонтан» гораздо выше новой поэмы. Это значило, что поэт вдруг перерос свою публику и одним орлиным взмахом очутился на высоте, недоступной для большинства».

Теперь каждый шаг Пушкина вперед в области художественного творчества был новым падением его славы.

«Полтава», эта грандиозная картина борьбы России со Швецией:

...Когда Россия молодая,
В бореньях силы напрягая,
Мужала с гением Петра...

«Полтава» была встречена публикою холодно, и «Северная пчела», орган Булгарина, злорадно писала: «Холодный прием, оказанный публикою «Полтаве», служит ясным доказательством, что очарование имен исчезло».

Равнодушно был встречен «Борис Годунов», в 1830 году наконец вышедший в свет.

О нем писали: «Поэзия есть творчество; а здесь нет ни одного оригинального создания. Борис и Шуйский переложены только в стихи из певучей прозы Карамзина». О седьмой главе «Онегина», одной из лучших глав романа, заявляли: «полное падение!» О «Графе Нулине»: «это есть прыщик на лице вдовствующей русской литературы» и т. п.

Здесь, может быть, была еще доля личного или группового пристрастия.

Но и ближайшие друзья Пушкина, горячо его любившие и ценившие, стали отставать от него в такой мере, что нам сейчас это совершенно невозможно понять.

Жуковский, например, писал Пушкину по поводу «Цыган»: «Я ничего не знаю совершеннее по слогу твоих «Цыган». Но, милый друг, какая цель? Скажи, чего ты хочешь от своего гения? Какую память хочешь о себе оставить отечеству?»

А два близких друга Пушкина, Соболевский и Вульф, видели пустенькие альбомные стишки, свидетельствующие о падении таланта Пушкина, в одном из перлов пушкинской лирики — в стихотворении «Я вас любил; любовь еще, быть может...»

Накрепко замкнувшись в холодном и молчаливом одиночестве, Пушкин писал:

Поэт! не дорожи любовью народной.
Восторженных похвал пройдет минутный шум;
Услышишь суд глупца и смех толпы холодной,
Но ты останься тверд, спокоен и угрюм.

Ты царь: живи один. Дорогою свободной
Иди, куда влечет тебя свободный ум,
Усовершенствуя плоды любимых дум,
Не требуя наград за подвиг благородной.

Обложка поэмы Пушкина «Полтава».

Наталья Николаевна Пушкина, жена поэта.

С акварели А. Брюллова.

Они в самом тебе. Ты сам свой высший суд;
Всех строже оценить умеешь ты свой труд.
Ты им доволен ли, взыскательный художник?

Доволен? Так пускай толпа его бранит
И плюет на алтарь, где твой огонь горит,
И в детской резвости колеблет твой треножник.

И около этого же времени, в проекте предисловия к «Борису Годунову», Пушкин писал: «Теперь уже не благосклонной улыбки моды я ищу. Я добровольно выхожу из ряда ее любимцев, принося ей глубокую мою благодарность за все то расположение, с которым она принимала мои слабые опыты в течение десяти лет моей жизни».

Раннею весной 1830 года один из московских знакомых Пушкина заговорил на балу с Натальей Николаевной Гончаровой и ее матерью о Пушкине. Мать и дочь отозвались о Пушкине благосклонно и просили ему кланяться. Пушкин ожил духом, мигом собрался и покатил в Москву. Он посетил Гончаровых. Его приняли ласково. Он снова стал бывать у них и 6 апреля вторично сделал предложение. Почему изменилось у Гончаровых отношение к Пушкину, почему так торопились выдать замуж семнадцатилетнюю красавицу с самыми заманчивыми возможностями впереди, — мы не знаем. Но предложение Пушкина было принято.

Совершилось то, чего с такою пылкостью и тоскою добивался Пушкин целых полтора года. Но на душе у него было смутно и нерадостно. Прежде всего он ясно сознавал, что невеста его не любит. «Я могу надеяться, — писал он, — со временем привязать ее к себе, но во мне нет ничего, что могло бы ей нравиться. В ее согласии отдать мне свою руку я могу видеть только свидетельство спокойного равнодушия». И Пушкин с тревогою задавал себе вопросы: сохранит ли его жена свое «спокойное равнодушие» среди окружающих красавицу удивления, поклонения, искушений? Не явится ли у нее сожаление, что она пошла за него? Порою Пушкина охватывал страх перед тем, на что он идет, и у многих друзей было впечатление, что он был бы рад, если бы свадьба расстроилась.

Рисунок Пушкина на рукописи стихотворения «Осень».

В БОЛДНЕ

6 мая 1830 года произошла официальная помолвка Пушкина с Натальей Николаевной Гончаровой. Отец Пушкина по случаю его женитьбы выделил ему из своих нижегородских поместий двести незаложенных крестьянских «душ» села Кистенева. В начале осени Пушкин поехал в Нижегородскую губернию, чтобы ввестись во владение имением и устроить имущественные свои дела. Он рассчитывал пробыть там совсем недолго. Ехал он со смутным чувством: отношения его с будущей тещей не ладились, она устраивала ему бешеные сцены. Пушкин уезжал, даже не

зная, не расстроилась ли и сама свадьба. Он писал другу своему Плетневу: «Милый мой, расскажу тебе все, что у меня на душе: грустно, тоска, тоска... Дела будущей тещи моей расстроены. Свадьба моя отлагается день ото дня далее. Между тем, я хладею, думаю о заботах женатого человека, о прелесть холостой жизни. К тому же московские сплетни доходят до ушей невесты и ее матери, — отселе размолвки, колкие обиняки, ненадежные примирения, — словом, если я не несчастлив, по крайней мере не счастлив. Осень подходит. Еду в деревню. Бог весть, буду ли там иметь время заниматься и душевное спокойствие... Так-то, душа моя. От добра добра не ищут. Чорт меня догадал бредить о счастье, как будто я для него создан. Должно было мне довольствоваться независимостью».

Между тем вверх по Волге поднималась холера. Когда он приехал в Болдино, главное село отцовских нижегородских поместий, окрестные деревни оцеплялись караулами, повсюду учреждались карантинные пункты. Народ роптал, там и тут вспыхивали бунты. 16 сентября Пушкин был введен во владение подаренной ему отцом частью Кистенева.

Шли неделя за неделей, месяц за месяцем, а Пушкин все сидел в Болдине. Холера распространялась, подходила к Москве, карантинные пункты преграждали все дороги, сама Москва была оцеплена военными кордонами, говорили, что холера уже в Москве. Пушкин сильно беспокоился за невесту, за ее здоровье и безопасность; к тому же до него доходили слухи, будто свадьба расстраивается, будто Наталья Николаевна выходит замуж за другого. Он рвался в Москву, два раза выезжал из Болдина, надеясь пробраться через карантинные пункты, но оба раза пришлось воротиться.

Стояла ненастная осень — слякоть, грязь, из окладных туч сеял холодный дождь, выл по ночам ветер. Станным образом осень всегда действовала на Пушкина оживляюще и бодряще, она была самым любимым его временем года.

И с каждой осенью я расцветаю вновь;
Здоровью моему полезен русский холод;
К привычкам бытия вновь чувствую любовь.
Чредой слетает сон, чредой находит голод;
Легко и радостно играет в сердце кровь,
Желания кипят — я снова счастлив, молод,
Я снова жизни полн — таков мой организм...

Осенью ему также всего лучше и всего легче писалось. Зна-чительнейшие произведения Пушкина почти все написаны осенью. И чем хуже, чем ненастнее была осень, тем для Пушкина было лучше. Он писал из Болдина Плетневу: «Осень чудная: и дождь, и снег, и по колено грязь». В эту болдинскую осень прилив творчества у Пушкина был совершенно необыкновенный — творчество било из него неиссякающим фонтаном. За три месяца пребывания в Болдине Пушкин написал «маленькие трагедии»: «Скупой рыцарь», «Моцарт и Сальери», «Пир во время чумы», «Каменный гость»; написал все «Повести Белкина», «Домик в Коломне», около тридцати мелких стихотворений. Не веришь глазам, когда просматриваешь хронологию написания этих произведений: 5 октября написан «Домик в Коломне», 12—14-го — «Выстрел», 20-го окончена «Метель», 23-го окончен «Скупой рыцарь», 26-го окончен «Моцарт и Сальери» и т. д. Правда, многие из этих вещей существовали уже раньше в замыслах или в первоначальных набросках, но это не уменьшает исключительности творческой энергии, проявленной Пушкиным в эту, как он сам назвал ее, «детородную осень».

Изумительны не только количество и высокое качество написанного в это время Пушкиным, но и та легкость, с какою он переключался из одного настроения в совершенно другое. Прозрачно-веселые рассказы, как «Барышня-крестьянка» или «Домик в Коломне», чередовались с глубоко серьезными драмами, как «Скупой рыцарь» или «Моцарт и Сальери», с жутким «Пиром во время чумы».

Когда же он думал об ожидающей его в будущем жизни, на душе у него становилось нерадостно. Он писал в «Элегии»:

Безумных лет угасшее веселье
Мне тяжело, как смутное похмелье.
Но, как вино — печаль минувших дней
В моей душе чем старе, тем сильней.
Мой путь уныл. Сулит мне труд и горе
Грядущего волнуемое море.

Но не хочу, о други, умирать;
Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать,
И ведаю, мне будут наслажденья
Меж горестей, забот и треволненья:

Порой опять гармонией упьюсь,
Над вымыслом слезами обольюсь,
И, может быть — на мой закат печальной
Блеснет любовь улыбкою прощальной.

В Болдине же Пушкиным написаны две последние, заключительные главы «Евгения Онегина». По подсчету Пушкина, роман этот писался больше семи лет. Выходил он в свет отдельными главами, по мере написания.

«Онегин» — крупнейшее произведение Пушкина, наиболее широкое по охвату жизни и по выявлению чувств, дум и настроений самого поэта. Нигде так полно и всесторонне не отразилась душа Пушкина, как в тех высоколирических отступлениях романа, которые многими простодушными читателями воспринимаются, как «болтовня», только задерживающая рассказ.

В романе дана широкая картина эпохи конца десятых и начала двадцатых годов; в ней отображены и Петербург, и Москва, и провинция.

Сам Онегин является первым в той галлерее образов, в которых вставшая на ноги русская литература стала отображать настроения, переживания и стремления своего времени (Печорин, Рудин, Базаров и т. д.). В первых главах романа Пушкин сам находился под обаянием образа Онегина, рисовал его с видимым сочувствием и готов был видеть в нем чуть ли не лучшего представителя своего времени. Такое отношение автора к Онегину вызвало решительный протест со стороны действительно лучших людей того времени — декабристов. Бестужев-Марлинский писал Пушкину: «Я вижу франта, который душою и телом предан моде; вижу человека, которых тысячи встречаю наяву, ибо самая холодность и мизантропия и странность теперь в числе туалетных приборов». В дальнейших главах Пушкин все более отрицательно начинает относиться к своему герою и кончает полным его развенчанием. Он отмечает полнейшую неорганичность, наносность всех настроений Онегина, его готовность менять свое обличье в соответствии с модой, именно так же, как «туалетные приборы»: он одинаково способен стать и космополитом¹, и патриотом, и ни во что не верующим Гарольдом, и фана-

¹ Космополит — человек, считающий своим отечеством весь мир.

тически верующим квакером¹, и даже просто ханжою. Что ж он? — спрашивает Пушкин устами Татьяны, начинающей отрезвляться от слепого увлечения своим романтическим героем.

Что ж он? Ужели подражанье,
Ничтожный призрак, иль еще
Москвич в Гарольдовом плаще,
Чужих причуд истолкованье,
Слов модных полный лексикон?..
Уж не пародия ли он?

Пушкиным в Болдине была написана еще десятая глава «Онегина», которую он тогда же сжег. В этой главе описывалось декабристское движение, и к нему какую-то прикосновенность должен был иметь Онегин. Какую, мы не знаем.

В оценке своего героя Пушкин оказался гораздо трезвее, нежели некоторые позднейшие критики, которые в этом человеке, неспособном ни к упорному труду, ни к порыву, ни к подвигу, хотели видеть сильную натуру, которую только условия времени лишили возможности приложить свои богатые силы к делу. Сверстники Онегина — Пестель, Владимир Раевский, Охотников, Якушкин, Пущин, Рылеев — знали, к чему приложить свои силы².

Онегину в романе противопоставлена Татьяна. Пушкин любит ее всею душою. «Татьяны милый идеал», говорит он о ней. В этой большой своей любви к Татьяне Пушкин так же разошелся с позднейшими критиками, как и в резко отрицательном отношении к Евгению. В последнем объяснении Татьяны с Онегиным критики центральное место видели в словах Татьяны:

Но я другому отдана;
Я буду век ему верна.

В действительности Татьяна отвергает любовь Онегина вовсе не по этой причине.

Онегин, я тогда моложе,
Я лучше, кажется, была,
И я любила вас; и что же?
Что в сердце вашем я нашла?

¹ Квакеры — религиозная секта в Англии и Америке.

² Характеристика Евгения Онегина вызывает споры литературоведов и критиков. Здесь высказана одна из точек зрения. Многие литературоведы считают Онегина передовым человеком и положительным героем. (Ред.)

Взвешив Онтарио. № 1. К.

1 22.

Вь тьмъ коза и садаръ луцер
 Бегуръ тьмъ фазубъ тьмъ
 'етнаръ отомно Ешмъ Кашит
 А Цуцурона прокисмъ вьдъ
 Вь онъмъ коза ~~Кашитъ~~ ^{Кашитъ} ~~Кашитъ~~ ^{Кашитъ}
 Предпоромъ ~~и~~ ^и ~~и~~ ^и ~~и~~ ^и
 Кашитъ ~~и~~ ^и ~~и~~ ^и ~~и~~ ^и
 И прьмъ вь садъ прьмъ заводъ
 Коза тьмъ Бьбелъ. Кашитъ
 Тьмъ Кашитъ тьмъ у прьмъ
 Тьмъ Кашитъ, тьмъ Кашитъ
 Тьмъ Кашитъ, тьмъ Кашитъ
 Тьмъ Кашитъ, тьмъ Кашитъ
 Тьмъ Кашитъ, тьмъ Кашитъ

Тогда — не правда ли? — в пустыне,
Вдали от суетной Молвы,
Я вам не нравилась... Что ж ныне
Меня преследуете вы?
Зачем у вас я на примете?
Не потому ль, что в высшем свете
Теперь являться я должна,
Что я богата и знатна,
Что муж в сраженьях изувечен,
Что нас за то ласкает двор?
Не потому ль, что мой позор
Теперь бы всеми был замечен,
И мог бы в обществе принести
Вам соблазнительную честь?

Я плачу... Если вашей Тани
Вы не забыли до сих пор,
То знайте: колкость вашей брани,
Холодный, строгий разговор,
Когда б в моей лишь было власти,
Я предпочла б обидной страсти
И этим письмам и слезам.
К моим младенческим мечтам
Тогда имели вы хоть жалость,
Хоть уважение к летам...
А нынче! — что к моим ногам
Вас привело? какая малость!
Как с вашим сердцем и умом
Быть чувства мелкого рабом?

Она плачет, — отчего? От обиды. Все ее женское достоинство возмущено не любовью Онегина, а характером этой любви, мелкостью ее. Она понимает, что стала теперь нравиться Онегину не потому, что сделалась лучше, а потому что вправлена в блестящую раму, что теперь связь с нею могла бы принести ему в обществе соблазнительную честь. И понимает, что у него и в мыслях нет звать ее уйти к нему, как к любимому и другу; ему нужна тайная связь, нужна блестящая любовница. А на это Татьяна не хочет идти. И, чтобы оборвать все дальнейшие разговоры, она решительно заявляет:

Но я другому отдана;
Я буду век ему верна.

Правильно говорит Достоевский: «если бы Татьяна даже стала свободною, если бы умер ее муж и она овдовела, то и тогда бы она не пошла за Онегиным. Надобно же понимать всю суть этого характера. Ведь она же видит, кто он такой?»

Образ Татьяны — первый образ в галлее образов хорошей русской женщины, которые впоследствии дали в своих романах Тургенев, Лев Толстой, Гончаров и др.

В это же время окончательно закрепляется переход Пушкина к реалистическому описанию жизни. Теперь ему не нужны избранные красоты, даваемые жизнью в редких, исключительных случаях, он теперь умеет находить красоту и значительность в родной, обыденной действительности, повседневно окружающей человека. В «Путешествии Онегина» Пушкин вспоминает:

В ту пору мне казались нужны
Пустыни, волн края жемчужны,
И моря шум, и груды скал,
И гордой девы идеал,
И безыменные страданья...

.....
Иные нужны мне картины:
Люблю песчаный косогор,
Перед избушкой две рябины,
Калитку, сломанный забор,
На небе серенькие тучи,
Перед гумном соломы кучи —
Да пруд под сенью ив густых,
Раздолье уток молодых;
Теперь мила мне балалайка
Да пьяный топот трепака
Перед порогом кабака.
Мой идеал теперь — хозяйка,
Мои желанья — покой,
Да щей горшок, да сам большой.

Урал.

С литографии 30-х годов XIX столетия.

ПОСЛЕ ЖЕНИТЬ БЫ

Только к декабрю месяцу Пушкину наконец удалось выбраться из Болдина. 5 декабря он был в Москве. Будущую тещу свою он нашел опять за что-то на него озлобленной. «Насилу с нею сладил, — писал Пушкин Плетневу, — но, слава богу, сладил». Но стычки и взаимные колкости продолжались.

18 января 1831 года Пушкина поразили жестокий удар: он узнал, что в Петербурге умер поэт А. А. Дельвиг, лучший его друг еще с лицейской скамьи.

«Грустно, тоска, — писал Пушкин Плетневу. — Вот первая смерть, мною оплаканная. Никто на свете не был мне ближе Дельвига. Около него собиралась наша бедная кучка. Без него

мы точно осиротели. Вчера провел я день с Нащокиным (московский друг Пушкина), — говорили о нем, называя его покойник Дельви́г, и этот эпитет был столь же странен, как и страшен. Нечего делать! Согласимся. Покойник Дельви́г. Быть так. Баратынский болен с огорчения. Меня не так-то легко с ног свалить. Будь здоров — и постараемся быть живы».

Чем ближе была свадьба, тем грустнее становилось у Пушкина на душе. За неделю до свадьбы он писал одному из старых своих друзей:

«Все, что бы ты мог сказать мне в пользу холостой жизни и противу женитьбы, все уже мною передумано. Я хладнокровно взвесил выгоды и невыгоды состояния, мною избираемого. Молодость моя прошла шумно и бесплодно. До сих пор я жил иначе, как обыкновенно живут. «Счастье — только на избитых тропах». В тридцать лет люди обыкновенно женятся, я поступаю, как люди, и вероятно не буду в том раскаиваться. К тому же я женюсь без упоения, без ребяческого очарования. Будущность является мне не в розах, но в строгой наготе своей. Горести не удивят меня: они входили в мои домашние расчеты. Всякая радость будет мне неожиданностью».

Рассказывают, что было еще одно письмо Пушкина, до нас не дошедшее, написанное почти накануне свадьбы. Там Пушкин прямо писал, что ему, вероятно, придется погибнуть на поединке.

Однажды у пушкинского друга Нащокина собрались цыганки. Пушкин попросил цыганку Таню спеть ему что-нибудь на счастье. Но у той было свое сердечное горе, она не подумала и спела хоть и подблюдную, но грустную песню и в пение вложила

Антон Антонович Дельви́г.

С портрета В. Лангера. 1830 г.

всю свою печаль. Пушкин схватился рукою за голову и зарыдал. И сказал:

— Ах, эта ее песня все во мне перевернула, она мне не радость, а большую потерю предвещает!

И поспешно уехал, ни с кем не простившись.

Накануне свадьбы Пушкин устроил у себя «мальчишник» для ближайших друзей — прощание с холостой жизнью. Он был на этой пирушке так грустен, что всем стало неловко: прощание с молодостью больше походило на похороны.

Свадьба произошла 18 февраля 1831 года в церкви Большого Вознесения на Большой Никитской (теперь — улица Герцена). Пушкин, в противоположность последним дням, был весел, радостен, любезен с друзьями, смеялся. Но во время обряда, при обмене колец, кольцо Пушкина упало на пол. Потом у него погасла свечка. Суеверный Пушкин побледнел и прошептал:

— Все — плохие предзнаменования!

Пушкин рассчитывал остаться жить с женою в Москве. Они занимали уютно меблированную квартиру на Арбате. Дом этот сохранился и до настоящего времени; его номер — 53. К дому прибита мемориальная доска.

«Я женат — и счастлив, — писал Пушкин Плетневу. — Одно желание мое — чтоб ничего в жизни моей не изменилось: лучшего не дождусь. Это состояние для меня так ново, что, кажется, я переродился».

Но стычки с тещей все усиливались. Наталья Ивановна наговаривала дочери на Пушкина, всячески чернила его. Такие начались дразги, что Пушкину стало невмочь.

Он ликвидировал свою московскую квартиру и в середине мая уехал с женою в Петербург. Там он и решил поселиться. На лето же нанял дачу в Царском Селе под Петербургом.

Из Царского Села он писал Нащокину: «Мы здесь живем тихо и весело, будто в глуши деревенской; насилу до нас и вести доходят».

Каждое утро Пушкин ходил купаться, потом, напившись чаю, ложился у себя в комнате и писал. Вечером катался с женою на дрожках или гулял с нею по царскосельскому парку. Пушкин любил жену. Но никакого духовного общения у них не было и не могло быть. Наталью Николаевну по-настоящему

интересовали только наряды и успехи в свете. В напряженной творческой и умственной жизни мужа она неспособна была принимать никакого участия. Полный еще творческого волнения, он приходил к ней прочесть новые свои стихи, а она восклицала:

— Господи, до чего ты мне надоел со своими стихами, Пушкин!

К поэзии и литературе она вообще была глубоко равнодушна. Однажды — это было уже позднее — поэт Баратынский спросил, не помешает ли он ей, если в ее присутствии прочтет Пушкину новые свои стихи. Наталья Николаевна любезно ответила:

— Читайте, пожалуйста! Я не слушаю.

Холера, замершая было к зиме, с наступлением весны стала свирепствовать с новой силой и надвинулась на Петербург. Император Николай с дворцом переехал в Царское Село. «Царское Село закипело и превратилось в столицу», писал Пушкин Плетневу.

Однажды в царскосельском парке Пушкин повстречался с Николаем. Николай обошелся с Пушкиным очень милостиво, расспрашивал об его делах и между прочим задал вопрос: почему он не служит? Пушкин ответил, что готов, но что, кроме литературной службы, никакой не знает. Тогда царь предложил ему заняться писанием истории Петра I. Пушкин радостно писал Плетневу:

«Царь взял меня на службу, но не канцелярскую, или придворную, или военную, — нет, он дал мне жалование, открыл мне архивы с тем, чтобы я рылся там и ничего не делал. Это очень мило с его стороны, не правда ли? Он сказал: «так как он женат и небогат, то нужно позаботиться, чтоб у него была каша в горшке». Ей-богу, он очень со мною мил».

Красавица-жена Пушкина очень понравилась царице; Николай уже раньше, в бытность свою в Москве, встречал на празднествах Наталью Николаевну, когда она была еще девушкой, и находил ее очень милой и интересной. Императрица выразила желание, чтоб Наталья Николаевна бывала при дворе.

Осенью 1831 года Пушкин переселился из Царского Села в Петербург. Он был официально зачислен в Государственную коллегию иностранных дел, произведен вскоре в следующий чин, и

ему было назначено жалование — пять тысяч рублей в год. Но для теперешних потребностей Пушкина этого было слишком мало. Женьясь, он думал издерживать втрое против прежнего, вышло вдесятеро. Теперешний характер его жизни сравнительно с прежним значительно изменился. Двор был в восторге от красоты его жены; Наталья Николаевна стала вскоре самой модной женщиной петербургского высшего света. А светской женщине-красавице необходимы элегантные наряды, приличный выезд, поместительная квартира, дача на модных островах. Бюджет получился совершенно фантастический: Пушкину было необходимо иметь в год двадцать пять — тридцать тысяч рублей...

Жизнь Натальи Николаевны проходила в непрерывных увеселениях, празднествах и балах. Она возвращалась домой в четыре-пять часов утра, вставала поздно; обедали в восемь вечера; после обеда Наталья Николаевна переодевалась и опять уезжала. Ее сопровождал муж. Давно уже для Пушкина отошла пора, когда он сам увлекался танцами. Но нельзя же было жене выезжать одной. И все вечера Пушкин проводил на балах: стоял у стены, вяло глядел на танцующих, ел мороженое и зевал. Однажды он со вздохом сказал своей знакомой:

Неволя, неволя, боярский двор!
Стоя наешься, сидя наспишься!

Друзья с растущей горестью наблюдали, в каких ужасных для творчества условиях жил теперь Пушкин. Гоголь писал: «Его нигде не встретишь, как только на балах. Так он протранжирует всю жизнь свою». И сам Пушкин с грустью писал своему московскому другу Нащокину:

«Заботы о жизни мешают мне скучать. Но нет у меня досуга вольной холостой жизни, необходимой для писания. Кружусь в свете, жена моя в большой моде, — все это требует денег, деньги достаются мне через труды, а труды требуют уединения».

Для новых трудов не было уединения; для напечатания трудов, уже написанных, то и дело вставали препятствия, вытекавшие из высочайшей «милости», оказанной Пушкину, — права представлять свои произведения на цензуру царю. Весною 1832 года Пушкин вдруг получил запрос от Бенкендорфа с требованием объяснения, по какому случаю помещено в альманахе

А. С. Пушкин, И. А. Крылов, В. А. Жуковский, Н. И. Гнедич в 1832 году. Деталь картины Г. Чернецова «Парад на Марсовом поле в 1832 году».

«Северные цветы» несколько его стихотворений «без предварительного испрошения на напечатание оных высочайшего дозволения». Стихи были напечатаны с разрешения цензуры. Пушкин ответил: «я всегда твердо был уверен, что высочайшая милость, коей неожиданно был я удостоен, не лишает меня и права, данного государем всем его подданным: печатать с дозволения цензуры». В черновике прошения Пушкина к Бенкендорфу находим такое ходатайство: «Осмеливаюсь просить об одной милости: вперед иметь право с мелкими сочинениями своими относиться к обыкновенной цензуре». Вот уже о какой милости приходилось ходатайствовать Пушкину!

Вследствие трудности творческой работы в условиях петербургской жизни Пушкин усиленно работал в архивах, собирая материалы для порученной ему царем истории Петра I. Но от подготовительной работы к истории Петра его отвлекла другая историческая работа. Пушкина заинтересовал Пугачев, вождь казацко-крестьянского восстания в восемнадцатом веке. В то же время явилась мысль написать и роман из времен пугачевщины. Для этого Пушкину нужно было посетить местности восточной России, где действовал Пугачев.

Пушкин обратился к Бенкендорфу с просьбой разрешить ему отпуск для поездки. Последовал запрос от имени императора: «что побуждает вас к поездке и по какой причине хотите вы оставить занятия, здесь на вас возложенные?» Упомянуть о Пугачеве Пушкин, конечно, поостерегся. Вот что он ответил, вот как принужден был мотивировать великий поэт свое желание делать настоящее свое дело, мотивировать перед императором, который будто бы «почтил в нем вдохновенье». «В продолжение двух последних лет, — писал Пушкин, — занимался я одними историческими изысканиями, не написав ни одной строчки литературной. Мне необходимо месяца два провести в совершенном уединении, дабы отдохнуть от важнейших занятий и кончить книгу, давно мною начатую, и которая доставит мне деньги, в коих имею нужду. Мне самому совестно тратить время на суетные занятия (!!), но что делать? Они одни доставляют мне независимость и способ проживать с моим семейством в Петербурге, где труды мои, благодаря государя, имеют цель более важную и полезную (!). Может быть, государю угодно будет знать, какую

именно книгу хочу я дописать в деревне: это роман, коего большая часть действия происходит в Оренбурге и Казани, и вот почему хотелось бы мне посетить обе сии губернии».

Пушкин получил отпуск на четыре месяца и 17 июля 1833 года выехал из Петербурга. А вслед за ним поплыли к начальникам губерний, которые должен был посетить Пушкин, секретные предписания «учинить надлежащее распоряжение в учреждении за титулярным советником Пушкиным во время его пребывания секретного полицейского надзора за образом жизни и поведением его».

Пушкин посетил Казань, Оренбург, Уральск. Расспрашивал старожилов о Пугачеве, осматривал места военных действий. Из Оренбурга он съездил в станицу Берды, бывшую столицу Пугачева. Пушкина сопровождал молодой доктор В. И. Даль, будущий писатель и автор «Толкового русского словаря». Он, между прочим, рассказал Пушкину, что, овладев станицей, Пугачев при большом стечении народа посетил церковь, вошел в алтарь, сел на церковный престол и важно сказал:

— Давно я не сидел на престоле!

(Пугачев, как известно, выдавал себя за императора Петра III.)

Он думал, что церковный престол — это тот «престол», на котором сидят цари.

Пушкин много этому смеялся.

В дороге он хорошо и задушевно разговаривал с Далем. Между прочим, сказал ему:

— О, вы увидите: я еще много сделаю! Ведь даром, что товарищи мои все поседели да оплели, а я только что перебежился; вы не знали меня в молодости, каков я был; я не так жил, как жить бы должно; бурный небосклон позади меня, как оглянусь я.

В Бердах Пушкин отыскал старуху, семидесятипятилетнюю казачку, которая лично знала Пугачева. Он просидел с нею целое утро, расспрашивал ее, слушал ее песни и на прощание дал ей золотой червонец.

Гости уехали. Бердинские обыватели пребывали в недоумении: для чего приезжий человек с таким жаром расспрашивал о разбойнике, за что дал старухе червонец? Дело подозрительное,

как бы не нажить беды! Снарядили подводу в Оренбург, представили по начальству старуху с червонцем и доложили:

«Вчера приезжал какой-то чужой господин. Приметами: собой невелик, волос черный, кудрявый, лицом смуглый, подбивал под пугачевщину и дарил золотом; должно быть, антихрист, потому что вместо ногтей на пальцах когти».

Как всегда во время путешествия, Пушкин чувствовал себя хорошо и бодро. Он писал жене: «Уже чувствую, что дурь на меня находит, я и в коляске сочиняю: что же будет в постели?» 1 октября 1833 года он приехал к себе в Болдино и засел писать. Просыпался в семь часов утра, пил кофе и, лежа в постели, писал до трех часов. Потом ездил верхом, в пять часов брал ванну, обедал картофелем и гречневой кашей, до девяти часов читал и ложился спать. Сложилась чуть-чуть подходящая обстановка, и творчество снова забило ключом. «Расписался и уже написал пропасть», довольный, писал он жене.

За полтора месяца пребывания в Болдине Пушкин написал: «Сказку о рыбаке и рыбке», «Сказку о мертвой царевне», «Анджело», перевел из Мицкевича две баллады, закончил историю Пугачева и написал два самых выдающихся своих произведения за последние годы жизни: поэму «Медный всадник» и повесть «Пиковая дама». По исполнению оба эти творения представляют высочайшие вершины пушкинского мастерства. Сильный, кованный, звукописующий стих «Медного всадника» изумителен даже при сравнении с прежним стихом самого Пушкина. Изысканная, без единого лишнего слова проза «Пиковой дамы» выше всего, что до тех пор было у нас писано прозой. Столь же значительны обе вещи и по содержанию. В поэме «Медный всадник» Пушкин касается темы о праве при осуществлении широких государственных задач не считаться с интересами каждой отдельной личности. В «Пиковой даме», на основе фантастической фабулы, дана яркая картина петербургского великосветского общества с центральной фигурой бедного офицера Германа, о котором Достоевский писал: «Колоссальное лицо, необычайный, совершенно петербургский тип, — тип из петербургского периода!»

Из Болдина Пушкин писал жене: «Женка, женка! Я езжу по большим дорогам, живу по три месяца в степной глуши, —

Балда

Генюк

Рисунок Пушкина к «Сказке о попе и о работнике его Балде».

для чего? — Для тебя, женка: чтоб ты была спокойна и блистала себе на здоровье, как прилично в твои лета и с твоею красотою. Побереги же и ты меня. К хлопотам, неразлучным с жизнью мужчины, не прибавляй беспокойств семейственных, ревности и т. п.». Здесь Пушкин имел в виду обстоятельство, последние годы сильно его мучившее: император Николай все усиленнее начинал ухаживать за Натальей Николаевной; танцевал с нею на балах, за ужином садился возле нее. Обычные царедворцы считали за великую честь для своих жен и дочерей благосклонность императора, — за честь для них и за столь же великую выгоду для себя. Пушкин был другого склада и ничего в этом не мог видеть, кроме величайшего позора для себя и жены. И настойчиво просил жену «не кокетничать» с царем и держаться от него подалше.

В ноябре 1833 года Пушкин воротился в Петербург.

Петербург. Невский проспект.

С литографии по рисунку Садовникова. 1835 г.

В П Р И Д В О Р Н О М П Л Е Н У

В Аничковом дворце устраивались интимные царские вечера, куда принято было приглашать только лиц с придворным званием. Желая открыть Наталье Николаевне доступ на эти вечера, Николай под новый 1834 год подписал указ: «Служащего в министерстве иностранных дел титулярного советника Александра Пушкина всемилостивейше пожаловали мы в звание камер-юнкера двора нашего». Пожалованием Пушкина в камер-юнкеры Николай сразу достиг двух целей: сделал для себя возможными частые встречи с Натальей Николаевной и глубоко унизил Пушкина, которого в душе ненавидел: в камер-юнкеры жаловались обыкновенно очень молодые люди, и тридцатипятилетний, уже седеющий Пушкин должен был производить в их толпе очень смешное впечатление.

Пушкин, узнав о пожаловании, пришел в бешенство. Друзьям пришлось отливать его холодной водой. Вне себя, с пылающим лицом и пеной у рта, он хотел идти во дворец и наговорить грубостей самому царю. Причину своего пожалования он понимал очень хорошо и осторожно записал в дневнике: «Я пожалован в камер-юнкеры, что довольно неприлично моим летам. Но двору (разумей: императору) хотелось, чтоб Наталья Николаевна тан-

цовала в Аничковом». Наталья Николаевна была в восхищении, что ей открылся доступ ко двору.

Новое звание доставляло Пушкину много неприятностей. Он не знал и не хотел знать тонкостей придворного этикета и постоянно навлекал на себя неудовольствие царя: то придет на придворный бал в мундире, когда все гости во фраках, то — в треугольной шляпе, тогда как в Аничков дворец полагалось приезжать в круглых. Не ходил к обеду в придворную церковь и за это получал головомойки от обер-камергера, начальствовавшего над камер-юнкерами.

Расходы еще увеличились. А тут еще новое осложнение: родители Пушкина своей расточительностью и бесхозяйственностью довели себя до крайнего стеснения; ему пришлось взять на себя управление разоренными поместьями отца и назначить родителям содержание.

Невесело и смутно было на душе у Пушкина. Он никому не жаловался на свою тяжелую жизнь, но на лице его друзья часто читали мрачное беспокойство. Придет, печально ходит по комнате, надув губы и опустив руки в карманы широких панталон, и уныло повторяет:

— Грустно! Тоска!

Шутка, острое слово, веселый анекдот на минуту рассмешат его, он громко захохочет, сверкая белоснежными зубами. Вдруг замолчит, остановится у камина и, шевеля руками в карманах, опять запоем протяжно:

— Грустно! Тоска!

Теперь почти никогда его не видели веселым и беззаботным.

Редко-редко просыпался в нем прежний шутник и озорник. Однажды в Петербурге зашел он к друзьям, никого не застал дома.

— Высочайшими Указами, данными Придворной Конторъ 31-го Декабря, Всемилостивѣйше пожалованы: во Фрейлины къ Ея Императорскому Величеству Княжна Катерина Лобанова-Ростовская; въ званіе Камеръ-Юнкеровъ состоящіе въ вѣдомствѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, Коллежскій Ассессоръ Н. Ремеръ, и Титулярный Совѣтникъ Александръ Пушкинъ.

Сообщение о пожаловании Пушкина
в званіе камер-юнкера.

В зале был большой камин, а на столе стояла тарелка с орехами. Возвращаются хозяева и видят: Пушкин, скорчившись обезьяной, сидит в камине и щелкает орехи.

Писательское одиночество Пушкина все увеличивалось. Строгая и сдержанная простота его поэзии, сжатая чеканность прозы не удовлетворяли большинства тогдашних читателей. Публика с упоением зачитывалась эффектно трескучими стихами Бенедиктова, цветистой прозой Марлинского и равнодушно проходила мимо Пушкина. Критика учла это отношение публики и с еще большей несдержанностью стала нападать на Пушкина.

В настоящее время просто не веришь глазам, перечитывая тогдашние отзывы о гениальном поэте в самом расцвете его творчества. «Евгений Онегин», — писал один журнал, — есть собрание отдельных, бессвязных заметок и мыслей о том, о сем, вставленных в одну раму, из которых автор не составит ничего, имеющего свое отдельное значение». Другой журнал писал: «Те, кои думали видеть в мыльных пузырьках, пускаемых затейливым воображением Пушкина, роскошные огни высокой поэтической фантазмагии, наконец должны признать себя жалко обманувшимися». «Блестящее изображение Пушкина, — замечал третий журнал, — еще не увяло, но осыпается цветами, лишаящимися постепенно более и более своей прежней благовоной свежести».

А Пушкин рос вверх и вширь, с каждым годом становился к себе строже и взыскательнее. Это был человек глубоко оригинальный, «сам» до мозга костей, воплощавший в себе русскую национальную стихию, как никто другой. Гоголь писал: «Никто из поэтов наших не может более Пушкина назваться национальным; это право решительно принадлежит ему. В нем заключилось все богатство, сила и гибкость нашего языка. Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа. В нем русская природа, русская душа, русский язык, русский характер отразились в такой же чистоте, в такой очищенной красоте, в какой отражается ландшафт на выпуклой поверхности оптического стекла. Истинная национальность состоит не в описании сарафана, но в самом духе народа. Поэт даже может быть и тогда национален, когда описывает совершен-

но сторонний мир, но глядит на него глазами всего своего народа, когда чувствует и говорит так, что соотечественникам его кажется, будто это чувствуют и говорят они сами».

Глубоко одинок был Пушкин и в «свете». Граф В. А. Сологуб рассказывает:

«Главное несчастье Пушкина заключалось в том, что он жил в Петербурге и жил светскою жизнью, его убившей. Пушкин находился в среде, над которой не мог не чувствовать своего превосходства, а между тем в то же время чувствовал себя почти постоянно униженным и по достатку и по значению

в этой аристократической сфере, к которой он имел какое-то непостижимое пристрастие. Когда при разъездах кричали: «Карету Пушкина! — Какого Пушкина? — Сочинителя!» — Пушкин обижался, конечно не за название, а за то пренебрежение, которое оказывалось к названию... В свете его не любили, потому что боялись его эпитграмм, на которые он не скупился, и за них он нажил себе в целых семействах, в целых партиях врагов непримиримых».

Эпитграммы были жесткие, и простить их было нелегко.

Не торговал мой дед блинами,
Не ваксил царских сапогов,
Не пел с придворными дьячками,
В князя не прыгал из хохлов...

Здесь Пушкин высмеивал темное происхождение знатнейших современных ему фамилий — светлейших князей Меншиковых,

Наталия Николаевна Пушкина.

С акварельного портрета работы Гац

князей Безбородко, графов Разумовских, графов Кутайсовых. Таких обид в свете не забывают.

Еще более жестокою обиду нанес Пушкин министру народного просвещения С. С. Уварову. Это был человек подлый, иска-
тельный и жадный. Опасно заболел его родственник граф
Д. Н. Шереметев, один из богатейших людей России. Решив, что
Шереметеву не поправиться, Уваров как один из наследников
поспешил опечатать имущество умирающего, а Шереметев взял
да и выздоровел. Происшествие это вызвало в Петербурге боль-
шой шум. Пушкин напечатал в московском журнале стихотворе-
ние — «подражание латинскому» — «На выздоровление Лукул-
ла»¹. В нем он очень прозрачно рассказал случай с Шеремете-
вым и Уваровым, и все их узнали.

...наследник твой.

Как ворон к мертвечине падкой,
Бледнел и трясся над тобой,
Знобим стяжанья лихорадкой.
Уже скупой его сургуч
Пятнал замки твоей конторы;
И мнил загресть он злата горы
В пыли бумажных куч.

Он мнил: «теперь уж у вельмож
Не стану нянчить ребятишек;
Я сам вельможа буду тож,
В подвалах, благо, есть излишек.
Теперь мне честность — трын-трава!
Жену обсчитывать не буду
И воровать уже забуду
Казенные дрова!»

Но ты воскрес. Твои друзья,
В ладони хлопая, ликуют;
Рабы, как добрая семья,
Друг друга в радости целуют;
Бодрится врач, подняв очки;
Гробовый мастер взоры клонит;
А вместе с ним приказчик гонит
Наследника в толчки.

Понятно, что после этого Уваров стал ярым врагом Пушкина.

¹ Лукулл — римский патриций. Богатства его и пиршества вошли в пословицу.

На масляной неделе 1834 года жена Пушкина заболела и, поправившись, уехала до осени со всеми детьми в Калужскую губернию, к своему брату. Пушкин остался в Петербурге один наблюдать за печатанием «Истории пугачевского бунта». Вдруг он получил встревоженное письмо от Жуковского из Царского Села, что какое-то письмо Пушкина стало известно императору и тот очень сердился. Оказалось, что московская почта распечатала письмо Пушкина к жене и переслала его в Третье отделение. В письме этом Пушкин писал, что не намерен являться на торжественное празднование совершеннолетия наследника престола, и довольно непочтительно отзывался о своем камер-юнкерстве. Жуковскому удалось уладить дело.

Пушкин записал в дневнике: «Все успокоилось. Государю неугодно было, что о своем камер-юнкерстве отзывался я не с умилением и благодарностью, — но я могу быть подданным, даже рабом, — но холопом и шутом не буду и у царя небесного. Однако, какая глубокая безнравственность в привычках нашего правительства! — простодушно прибавлял Пушкин. — Полиция распечатывает письма мужа к жене и приносит их читать к царю (человеку благовоспитанному и честному), и царь не стыдится в том признаться! Что ни говори, мудрено быть самодержавным».

Пушкин начинал подумывать об отставке. Он писал жене: «С твоего позволения надобно будет, кажется, выйти мне в отставку и со вздохом сложить камер-юнкерский мундир, который так приятно льстил моему честолюбию... Неприятна зависимость; особенно, когда лет двадцать человек был независим. Это не упрек тебе, а ропот на самого себя. Я не должен был вступать на службу и, что хуже еще, опутать себя денежными обязательствами. Теперь они смотрят на меня, как на холопа, с которым можно им поступать, как им угодно. Опала легче презрения... Петербург пуст, все на дачах, а я сижу дома до четырех часов и пишу. Обедаю у Дюме (ресторан). Вечером в клубе. Вот и весь мой день. Для развлечения вздумал было я в клубе играть, но принужден был остановиться. Игра волнует меня, а желчь не унимается».

25 июня Пушкин подал Бенкендорфу прошение: «В виду того, что семейные обстоятельства требуют моего присутствия то

в Москве, то в провинции, я вынужден выйти в отставку и умоляю ваше превосходительство получить для меня разрешение на это. Как последней милости, я просил бы, чтобы я не был лишен всемилостивейше данного мне права посещать архивы». В ответ Пушкин получил от Бенкендорфа ледяное извещение, что его императорское величество, не желая никого удерживать против воли, повелел удовлетворить просьбу Пушкина об отставке, в праве же посещать архивы отказал, «так как право сие может принадлежать единственно людям, пользующимся особенною доверенностью начальства».

Царь сообщил о просьбе Пушкина Жуковскому. Жуковский всполошился. Он ничего не знал о письме Пушкина и только спросил царя, нельзя ли это как-нибудь поправить. Царь ответил:

— Почему же нельзя? Я никогда не удерживаю никого и дам ему отставку. Но в таком случае все между нами кончено. Он может, однако, еще возвратить письмо свое.

Жуковский был прекрасный поэт и человек добрейшей души, очень отзывчивый. Но он давно уже целиком погряз в тине придворной жизни, на царя смотрел с обожанием и царское благоволение считал чуть не самой важной ценностью жизни. Место он занимал высокое — был воспитателем наследника престола, жил во дворце, получал сорок тысяч жалованья. Царь его любил, хотя морщился от постоянных его ходатайств за опальных писателей и друзей. Жуковский стал бомбардировать Пушкина из Царского Села письмами, где убеждал его взять назад свою просьбу. «Глупость досадная, эгоистическая, неизглаголанная глупость! Вот что бы я теперь на твоём месте сделал (ибо слова государя крепко бы расшевелили и повернули мое сердце): я написал бы к нему письмо, в котором бы обвинил себя за сделанную глупость; и все это сказал бы с тем чувством благодарности, которое государь вполне заслуживает. Если не воспользуешься этою возможностью, то будешь то щетинистое животное, которое своим хрюканьем оскорбляет слух всякого благовоспитанного человека».

Пушкин написал Бенкендорфу, что берет свою просьбу обратно, и выразил сожаление, что «необдуманное письмо мое могло показаться безумной неблагодарностью и супротивлением

воле того, кто доныне был более моим благодетелем, нежели государем».

Бенкендорф показал письмо Жуковскому. Жуковский опять пришел в ужас, попросил Бенкендорфа подождать с передачей письма царю, а Пушкину написал: «Я, право, не понимаю, что с тобою сделалось: ты точно поглупел; надобно тебе или пожить в желтом доме или велеть себя хорошенько высечь, чтобы привести кровь в движение. Письмо твое так сухо, что оно может показаться государю новою неприличностью. Разве ты разучился писать? Разве считаешь ниже себя выразить какое-нибудь чувство к государю? Зачем ты мудришь? Действуй

Василий Андреевич Жуковский.

просто. Государь огорчен твоим поступком; он считает его с твоей стороны неблагодарностью. Он тебя до сих пор любил и искренно хотел тебе добра. По всему видно, что ему больно тебя оттолкнуть от себя. Что ж тут думать? Напиши то, что скажет сердце. А тут, право, есть о чем разговориться».

Пушкин в горьком недоумении ответил Жуковскому: «Я, право, сам не понимаю, что со мною делается. Итти в отставку, когда того требуют обстоятельства, будущая судьба всего моего семейства, собственное мое спокойствие, — какое тут преступление, какая неблагодарность? Но государь может видеть в этом что-то похожее на то, чего понять все-таки не могу. В таком случае я не подаю в отставку и прошу оставить меня на службе. Теперь, отчего письма мои сухи? Да зачем же быть им сопливыми? В глубине сердца моего я чувствую себя правым перед государем; гнев его меня огорчает, но чем хуже положение мое, тем

язык мой становится связаннее и холоднее. Что мне делать? Просить прощения? Хорошо; да в чем?.. Не знаю, почему письма мои неприличны. Попробую написать третье».

И написал третье.

Наконец царь положил гнев на милость и написал Бенкендорфу: «Я ему прощаю, но позовите его, чтобы еще раз объяснить ему всю бессмысленность его поведения и чем все это может кончиться; то, что может быть простительно двадцатилетнему безумцу, не может применяться к человеку тридцати пяти лет, мужу и отцу семейства».

Само по себе совершенно невозможно понять, в чем же состояло преступление Пушкина, за что царь грозил ему какими-то карами. Как и в области цензуры, царское благоволение лишало Пушкина права, которым в то время пользовался всякий самый мелкий чиновник, — права выйти в отставку. Причину подобного отношения к Пушкину ясно выразил Бенкендорф в письме к царю: «Лучше, чтоб он был на службе, нежели предоставлен самому себе». Нужно было держать Пушкина у себя на виду, под занесенной лапой, из которой при малейшем движении Пушкина высовывались бы угрожающие когти.

В отчаянии Пушкин писал жене: «Чорт догадал меня родиться в России с душою и талантом!»

Почему отношение правительства к Пушкину было таким враждебным и подозрительным? Пушкин по самому существу своему был совершенно неприемлем для самодержавия. Самодержавие умело ценить шедшие ему на службу культурные силы. Сумароков, Державин, Карамзин, Дмитриев, Жуковский усердно работали над созданием лучезарного поэтического ореола вокруг самодержавия и поэтому пользовались вниманием и почетом со стороны правительства, получали чины, ордена, пенсии. А что до того, что Пушкин «признавал» самодержавие? Нужно было не признавать его, а восторженно любить и восхвалять — без критики, без сдержанности и без оглядки. А для чего нужен был Николаю «просто» гениальный поэт, творящий «просто» гениальные произведения? Пушкин не умещался в рамках николаевского самодержавия не как враг его, не как революционер, а как огромное культурное явление, переросшее его рамки. Также и в рамках придворно-светской жизни Пушкин не умещал-

ся — опять-таки не как отрицатель ее, не как революционер, а как глубоко культурный, полный достоинства человек, органически неспособный стать царедворцем-холопом. Царь это видел и чувствовал Пушкина «чужим».

И правда: можно ли было считать Пушкина «своим», можно ли было вполне доверять ему? В «Стансах» к императору заявляет о своих верноподданнических чувствах, а рядом с этим пишет стихотворение «Анчар»; отвратительная картина владычества человека над людьми слишком легко наводила мысль на самодержавие:

Но человека человек
Послал к анчару властным взглядом,
И тот послушно в путь потек...

Могли ли бы такую вещь написать «ангел» Карамзин (так называл его Николай) или действительно всей душою верноподданный Жуковский? Пушкин пишет патриотические оды, а рядом с этим в убийственнейших памфлетах шельмует таких усердных царских слуг, как министр Уваров. Пишет Пушкин историю Пугачева, выводит его же и в повести «Капитанская дочка». Все как будто по-должному: называет Пугачева злодеем, сочувственно рисует дворян, не изменяющих воинскому долгу и за это принимающих от Пугачева смерть. Однако по поводу «Истории пугачевского бунта» полуказенный журнал «Сын отечества» разочарованно писал:

«Многие надеялись и были в том уверены, что знаменитый наш поэт нарисует нам сей кровавый эпизод царствования Екатерины Великой кистью Байрона, подарит нас картиною ужасною, от которой, как от взгляда пугачевского, не одна дама упадет в обморок... Г-ну Пушкину не угодно было взглянуть на свое творение с надлежащей точки зрения и покрыть его колоритом пугачевщины и всех ужасов сего страшного периода времени».

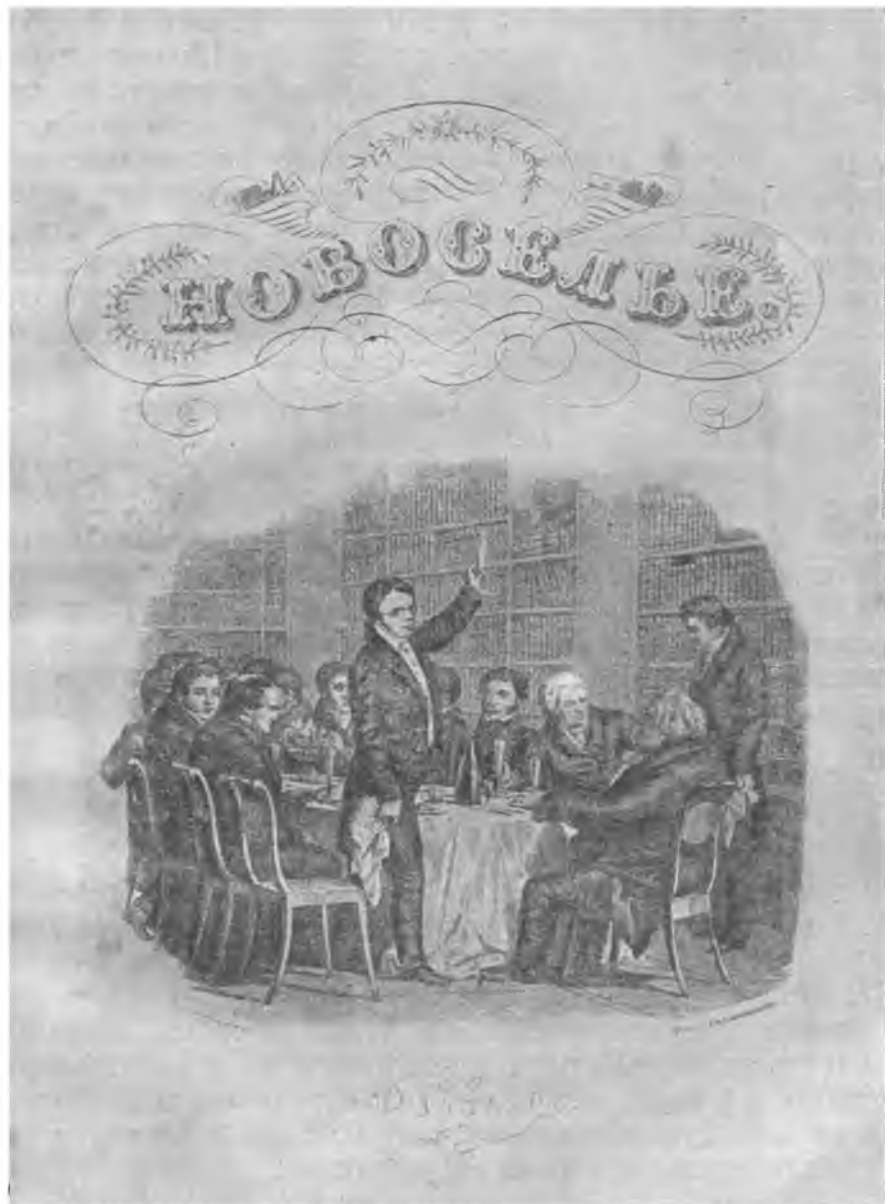
В «Капитанской дочке» же Пушкин изображал Пугачева бесстрашным и великодушным, крепко помнящим сделанное ему добро, окружал его романтическим ореолом ярко и сильно живущего человека.

«— Слушай, — сказал Пугачев с каким-то диким вдохновением: — Расскажу тебе сказку, которую в ребячестве мне расска-

зывала старая калмычка. Однажды орел спрашивал у ворона: «скажи, ворон-птица, отчего живешь ты на белом свете триста лет, а я всего-на-все только тридцать три года?» — Оттого, батюшка, — отвечал ему ворон, — что ты пьешь живую кровь, а я питаюсь мертвечиной. — Орел подумал: давай попробуем и мы питаться тем же. Хорошо. Полетели орел да ворон. Вот завидели палую лошадь; спустились и сели. Ворон стал клевать да похваливать. Орел клюнул раз, клюнул другой, махнул крылом и сказал ворону: нет, брат ворон: чем триста лет питаться падалью, лучше раз напиться живую кровью, а там что бог даст!»

В Пушкине крепко жили два свойства, определявших основное направление его пути сквозь временные зигзаги и повороты. Эти свойства были: неукротимая мятежность и глубокая честность искания. Мятежность эта даже в период наиболее консервативных политических установок Пушкина неодолимо тянула его к людям протеста везде, где он их находил, — к Степану Разину, к Пугачеву, к Дубровскому, к Кирджали. Честность же искания не давала Пушкину остановиться на месте и непрерывно заставляла его идти дальше. Это искание привело Пушкина в последние два-три года жизни к так мало еще отмеченному глубочайшему перевороту в некоторых самых основных взглядах его на задачи искусства и на жизненное призвание поэта. В 1827 году Пушкин с презрением отворачивался от «черни» и находил для нее недостаточными «бичи, темницы, топоры»; он убежденно провозглашал право поэта стоять выше всяких «житейских волнений и битв». Но в то еще время в одном неотделанном черновике он в раздумье набрасывал такие строки:

Блажен в златом кругу вельмож
Пиит, внимаемый царями.
Владея смехом и слезами,
Приправя горькой правдой ложь,
Он вкус притупленный щекотит
И к славе спесь бояр охотит.
Он украшает их пиры
И внемлет умные хвалы.
Меж тем, за тяжкими дверями,
Теснясь у черного крыльца,
Народ, толкаемый слугами,
Поодаль слушает певца.

Пушкин среди писателей на обеде у книгопродавца Смирдина.

Фронтиспис альманаха «Новоселье». 1833 г.

Теперь этот толкаемый слугами народ, почтительно слушающий поэта у черного крыльца, встает перед Пушкиным новым, самым желанным слушателем. За полгода до смерти он пипшет свой «Памятник» — изумительный по совершенно новому для Пушкина подходу к задачам поэзии и по оценке собственных своих поэтических заслуг. По форме стихотворение является подчеркнутым подражанием одноименному стихотворению Державина. Державин в своем «Памятнике» перечисляет заслуги, которые, по его мнению, дают ему право на память в потомстве. Заслуги эти певец «богоподобной Фелицы» — Екатерины II — видел в том,

Что первый я дерзнул в забавном русском слоге
О добродетелях Фелицы возгласить,
В сердечной простоте беседовать о боге
И истину царям с улыбкой говорить.

Так обосновывал свои права на посмертную славу крупнейший поэт времен Екатерины. Подчеркнуто противопоставляя себя ему, вот как обосновывал свои права на славу Пушкин. Он гордится, что к памятнику его не зарастет народная тропа и что памятник этот непокорною главою вознесся выше всяких царских памятников. И за что ждет он признания от народа?

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я Свободу
И милость к падшим призывал.

Строки эти вызывают справедливое недоумение исследователей. Они заявляют: всего Пушкина мы тут не можем видеть, он неизмеримо шире и глубже того образа и тех второстепенных заслуг, которые он себе приписывает в «Памятнике». Как мог он из всех своих многочисленных художественных достижений выдвинуть на первый план оду «Вольность» с «Кинжалом» да «Стансы», в которых призывает Николая оказать милость сосланному на каторгу декабристам? Еще большее недоумение вызывает заключительная строфа «Памятника»:

Веленью божию, о Муза, будь послушна,
Обиды не страшась, не требуя венца,
Хвалу и клевету приемля равнодушно,
И не оспаривай глупца.

Поэт в гордом сознании заслуг говорит о своей посмертной славе в народе, и вдруг: «хвалу и клевету приемля равнодушно». При чем тут клевета? О ней ведь и речи не было. Зачем было с удовлетворением говорить о своей будущей всенародной славе, если поэт хочет относиться к хвалам равнодушно? «Не оспаривай глушца».

В чем? Откуда вдруг глупец?

Заключительная строфа «Памятника» делается понятною и вполне уместною, если в стихотворении мы будем видеть не только подведение Пушкиным итогов прежней своей поэтической деятельности, а и решительное заявление о переходе его на совершенно новые поэтические позиции. Пробуждение добрых чувств, восславление свободы, призыв милости к падшим — вот что всего более начинает теперь ценить Пушкин в своей прошлой деятельности и вот в чем он усматривает «божие веление» для деятельности будущей. Ступая на этот новый путь, он готов к насмешкам глушца, к обиде и клевете, ему не нужны на этом пути ни хвалы, ни венец.

Пушкин ищет теперь сближения с Белинским; тайно от своих аристократических друзей посылает ему свой журнал «Современник», собирается пригласить его сотрудничать у него в журнале.

В поэзии Пушкина начинают звучать давно им забытые звуки. В каком-то публичном месте была выставлена картина, изображавшая распятие. Картина вызвала большой наплыв публики. К ней для охраны порядка были приставлены часовые.

Виссарион Григорьевич Белинский.

С литографии К. Горбунова.

В стихотворении, вызывающе озаглавленном «Мирская власть», Пушкин с негодованием спрашивает:

К чему, скажите мне, хранительная стража? —
Или распятие казенная поклажа,
И вы боитесь воров или мышей? —
Иль мните важности придать царю царей?
Иль покровительством спасаете могучим
Владыку, тернием венчанного колючим,
Христа, предавшего послушно плоть свою
Бичам мучителей, гвоздям и копию?
Иль опасаетесь, чтоб чернь не оскорбила
Того, чья казнь весь род Адамов искупила,
И, чтоб не потеснить гуляющих господ,
Пускать не велено сюда простой народ?

Совершенно некрасовские звуки.

Пушкин начинает писать драму из времен феодального рыцарства с грандиозным замыслом — показать разгром рыцарского дворянства тогдашней демократией — крестьянством и растущим городским мещанством. Написаны были только начальные сцены, но до нас дошел конспект с планом всей трагедии. Горожанин Франц, сын суконщика, поднимает среди крестьян восстание против рыцарей, крестьяне разбиты, раненый Франц попадает в плен. Рыцари пируют. Узнают, что Франц, которого они решили повесить, — певец-миннезингер. Приказывают привести его. Франц поет. Песня его трогает красавицу Клотильду, невесту владельца замка Ротенфельда. Она просит Ротенфельда исполнить ее просьбу. Рыцарь галантно соглашается. Клотильда просит помиловать Франца. Приходится исполнить ее просьбу. «Так и быть, — говорит Ротенфельд, — мы его не повесим, но запрем его в тюрьму, и даю мое честное слово, что он до тех пор из нее не выйдет, пока стены замка моего не подымутся на воздух и не разлетятся». Здесь оканчиваются написанные сцены. В дальнейшем действие должно было разворачиваться так. Монах-алхимик Бертольд Шварц, посаженный в тюрьму по обвинению в колдовстве, изобретает в тюрьме порох. Восстание крестьян, осада замка. Владелец замка, неуязвимый в своих стальных латах, убит пулей; несокрушимые стены замка поднимаются на воздух и разлетаются, взорванные Бертольдом. Франц освобожден. На хвосте дьявола является Фауст. «Изобретение

книгопечатания — своего рода артиллерия». Этой фразой кончается конспект драмы.

На старый привилегированный мир, закованный в сталь, огороженный крепкими стенами, буйно встают новые силы — энтузиазм угнетенных, усовершенствованная техника, широкое просвещение. И сталь пробита, неприступные стены рушатся, и все старое гибнет.

Материальное положение Пушкина запутывалось все больше. Пребывание в Петербурге, требования, которые предъявляли придворная жизнь и светские успехи его жены, были ему совершенно не по средствам. Пушкин должен был направо и налево, брал займы у приятелей и мало знакомых. Он был должен в книжные магазины, каретнику, модисткам, даже в мелочную лавку, даже собственному камердинеру. Кредиторы осаждали его квартиру, засыпали оскорбительными письмами с требованием уплаты.

Летом 1835 года Пушкин опять сделал попытку вырваться из Петербурга. Он писал Бенкендорфу: «Я вижу себя вынужденным положить конец тратам, которые ведут только к долгам

Пушкин среди писателей в книжной лавке
Смирдина.

Фронтиспис альманаха «Новоселье». 1834 г.

и которые готовят мне будущее, полное беспокойства и затруднений, если не нищеты и отчаяния. Три или четыре года пребывания в деревне мне доставят снова возможность возвратиться в Петербург и взяться за занятия, которыми я обязан доброте его величества».

Царь снова отказал и только разрешил выдать Пушкину займы тридцать тысяч рублей, а в погашение их удерживать его жалование. Деньги пошли на уплату самых насущных долгов, жалование Пушкин перестал получать, и единственным источником дохода остался для него литературный труд. Но вечные заботы и неприятности, среди которых теперь жил Пушкин, работать ему не давали. «Здесь, в Петербурге, — писал он отцу, — я ничего не делаю, как только раздражаюсь до желчи».

Перестало писаться и в деревне, куда обычно Пушкин уезжал осенью для работы. Поехал он было в 1835 году на осень в Михайловское, прожил месяц — и писал жене:

«Такой бесплодной осени отроду мне не выдавалось. Пишу — через пень-колоду валю. Для вдохновения нужно сердечное спокойствие, а я совсем не спокоен».

В другом письме к жене он писал:

«О чем я думаю? Вот о чем: чем нам жить будет? Отец не оставит мне имения, он его уже с половины промотал; ваше имение на волоске от гибели. Писать книги для денег, видит бог, не могу. У нас ни гроша верного дохода, а верного расхода тридцать тысяч... Государь заставляет меня жить в Петербурге, а не дает мне способов жить моими трудами. Я теряю время и силы душевные, и не вижу ничего в будущем... Что из этого будет? Господь ведает!»

И страстно, сосредоточенно, как узник в тюрьме, он мечтал о свободе, о родных полях. И писал, обращаясь к жене:

Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит,
Летят за днями дни, и каждый час уносит
Частичку бытия, а мы с тобой вдвоем
Предполагаем жить, и глядь, как раз умрем.
На свете счастья нет, но есть покой и воля.
Давно завидная мечтается мне доля —
Давно, усталый раб, замыслил я побег
В обитель дальнюю трудов и чистых нег.

Но Наталья Николаевна этому «побегу» совершенно не чувствовала. Она терпеть не могла деревни, за всю жизнь с Пушкиным ни разу даже не побывала ни в Михайловском, ни в Болдине. На лето они нанимали дорогую дачу на каком-нибудь из модных петербургских островов, где можно было жить той же шумной и веселой светской жизнью, как зимою. Успехи Натальи Николаевны в свете непрерывно шли в гору. Теперь уже не Пушкин освещал ее своею славою, а она — первейшая, всех собою восхищавшая красавица — его, скромного титулярного советника и «сочинителя».

Гостившая в Петербурге одна деревенская знакомая Пушкина писала в провинцию сестре: «Я здесь меньше о Пушкине слышу, чем в Тригорском даже; об жене его гораздо больше говорят еще, чем об нем; от времени до времени постоянно слышу, как кто-нибудь кричит об ее красоте».

Домашним хозяйством Наталья Николаевна совершенно не занималась, также и детьми. Балы, обеды, портнихи и модные магазины занимали все ее время. Пушкин жил дома беспризорно, без заботливого женского глаза. Один современник рассказывает, как резало ему глаза во время прогулки по Невскому проспекту, что на старенькой бекеше Пушкина сзади на талии не доставало пуговики. «Отсутствие этой пуговики, — пишет он, — меня каждый раз смущало, когда я встречал Пушкина и видел это. Ясно, что около него не было ухода». А художник Карл Брюллов вспоминал, как однажды вечером Пушкин затащил его к себе. Жены, по обыкновению, не было дома. Дети уже спали. Пушкин их будил и выносил к Брюллову поодиночке на руках. Это не шло к нему, было грустно и рисовало картину натянутого семейного счастья. С обычной своей грубоватостью Брюллов воскликнул:

— На кой чорт ты женился!

В 1834 году в Петербург приехал молодой француз, барон Жорж Дантес, приверженец бурбонской династии. После июльской революции 1830 года, свергнувшей Бурбонов, он не пожелал остаться служить во Франции. В Петербурге Дантес благодаря своим связям был принят прямо офицером в первый из всех гвардейских кавалерийских полков — кавалергардский. В выс-

шем свете он сразу занял очень заметное положение. Высокого роста, красавец с дерзкими выпуклыми глазами, самоуверенный, веселый, остроумный, он везде был желанным гостем.

Пушкин познакомился с Дантесом вскоре после приезда его в Петербург. Французская живость, веселость и остроумие Дантеса понравились Пушкину. Дантес стал бывать у него в доме. Был он радушно принят и в семействах, близких к Пушкину, — у Карамзиных, Вяземских.

Встречались часто. Дантес влюбился в жену Пушкина. Ей он тоже очень понравился. Дантес умел разговаривать так, что ей с ним было весело; ему, как и ей, не было решительно никакого дела до всяких этих стихов, литератур, журналов, политик, которые так занимали ее мужа. Обоих подхватил горячий вихрь, головы затуманились влюбленностью.

Дантес неотступно следовал за Натальей Николаевной, являлся всюду, где бывала она, на балах танцевал только с нею. Летом 1836 года, после одного или двух общественных балов на модных минеральных водах на Елагином острове, весь светский Петербург определенно заговорил об ухаживаниях Дантеса за женою Пушкина. У Пушкина было объяснение с Натальей Николаевной, он отказал Дантесу от дома. Но влюбленные продолжали видаться у общих знакомых и на великосветских балах.

Княгиня В. Ф. Вяземская, жена поэта, предупреждала Наталью Николаевну о последствиях, к каким может повести ее поведение с Дантесом.

— Я люблю вас, как дочь. Подумайте, чем это может кончиться.

Наталья Николаевна беззаботно отвечала:

— Мне с ним весело. Он мне просто нравится. Будет то же, что было два года сряду.

Над головою Пушкина, как влипчивая осенняя муха, все настойливее начинало летать ужасное слово «рогоносец».

На одном балу молодой негодяй, косолапый князь Долгоруков, подмигивая приятелям на Дантеса, поднимал сзади головы Пушкина пальцы, расставленные как рога.

Драма назревала быстро. Однажды студент Павел Вяземский, сын поэта, шел по Невскому с Натальей Николаевной, ее сестрой

Екатериной и Дантесом. (С 1834 года с Пушкиными жили две старшие незамужние сестры Натальи Николаевны, Екатерина и Александрина Гончаровы.) «В это время, — рассказывает Вяземский, — Пушкин промчался мимо нас, как вихрь, не оглядываясь, и мгновенно исчез в толпе гуляющих. Выражение лица его было страшно. Для меня это был первый признак разразившейся драмы».

Пушкин доверял жене и не сомневался в ее верности. Но его приводила в бешенство та роль «рогоносца», которую ему злорадно стали приписывать в свете. А говорили там не об одном Дантесе. Царь Николай попрежнему настойчиво, у всех на глазах продолжал ухаживать за Натальей Николаевной. Пушкин рассказывал другу своему Нащокину, что Николай, как офицер-ришка, ухаживает за его женою, нарочно по утрам по нескольку раз проезжает мимо ее окон, а ввечеру, на балах, спрашивает, отчего у нее всегда шторы опущены.

Утром 4 ноября 1836 года Пушкин получил по городской почте написанный на французском языке измененным почерком безымянный пасквиль такого содержания:

«Великие кавалеры, командоры и рыцари светлейшего Ордена Рогоносцев в полном собрании своем, под председательством великого магистра Ордена, его превосходительства Д. Н. Нарышкина, единогласно избрали Александра Пушкина заместителем великого магистра Ордена Рогоносцев и историографом Ордена».

Такие же письма были разосланы и многим знакомым Пушкина. Д. Н. Нарышкин был муж красавицы Марии Антоновны, находившейся в долголетней связи с императором Александром I.

Жорж Дантес.

С рисунка неизвестного художника.

Жалую Пушкина в заместители Нарышкина, пасквиль совершенно ясно намекал, что считает положение Пушкина по отношению к Николаю таким же, как положение Нарышкина по отношению к Александру. Теперь выяснено, что пасквиль был написан князем Долгоруковым; но за его спиною стояла целая шайка великосветских врагов Пушкина, в том числе, повидимому, и Уваров, министр народного просвещения, высмеянный Пушкиным в сатире «На выздоровление Лукулла». Но Пушкин почему-то заподозрил в посылке пасквиля голландского посланника Геккерена. Геккерен был развратник и злой сплетник. Он страстно любил Дантеса и полгода назад усыновил его, так что Дантес звался теперь бароном Геккереном. Вызвать на дуэль посланника Пушкин считал неудобным и послал вызов Дантесу.

Старый Геккерен очень испугался последствий, которые могла иметь для карьеры его и его приемного сына предстоящая дуэль. В Дантеса давно уже была влюблена старшая сестра Натальи Николаевны, Екатерина Гончарова. Теперь, чтобы выпутаться из неприятного положения, в которое их поставил вызов Пушкина, Геккерены заявили, что Дантес ухаживал не за Натальей Николаевной, а за ее сестрою и готов на ней жениться. Пушкин взял свой вызов обратно.

10 января 1837 года произошла свадьба Дантеса с Гончаровой. Таким образом Дантес сделался родственником Пушкина. Он явился к нему со свадебным визитом, но Пушкин его не принял и велел передать, что не желает иметь с ним никаких отношений.

Однако они постоянно встречались на великосветских балах и у общих знакомых. Дантес продолжал ухаживать за Натальей Николаевной еще с большей настойчивостью, доходившей до наглости. Бешенство Пушкина его забавляло, и он в его присутствии ухаживал за Натальей Николаевной с особенным усердием. На ужинах громогласно пил за ее здоровье. Отпускал шуточки. Поведение Дантеса было прямо вызывающее.

Получалось впечатление, как будто он хочет показать, что женился не из боязни дуэли и что если его поведение не нравится Пушкину, то он готов принять все последствия этого.

Пушкин дошел почти до сумасшествия. Постоянно получались новые безыменные письма. Пушкин целыми днями разъезжал по городу, загонял несколько месячных парных извозчиков, либо, запершись в кабинете, бегал из угла в угол и кусал ногти. При звонке в прихожей выбегал и кричал прислуге:

— Если письмо по городской почте, не принимать!

А сам вырывал письмо из рук слуги, бросался опять в кабинет и там громко кричал что-то по-французски. Дочь Карамзина, княгиня Е. Н. Мещерская, приехав из-за границы в Петербург, была поражена лихорадочным состоянием Пушкина и судорожными движениями, которые начинались на его лице и во всем теле при появлении будущего его убийцы. Близкие, дальние, прислуга — все видели, что с Пушкиным творится что-то чудовищное. Одна Наталья Николаевна ничего не замечала и продолжала держаться с Дантесом попрежнему.

А он все больше наглед и делался все назойливее. Однажды приятельница Натальи Николаевны, Идалия Полетика, пригласила ее к себе. Хозяйки не оказалось дома, Наталью Николаевну встретил Дантес. Он умолял ее ответить на его любовь, грозил тут же на ее глазах застрелиться. Наталье Николаевне еле удалось вырваться.

Старый Геккерен, оставшись наедине с Натальей Николаевной, изображал на лице отчаяние и шептал ей:

— Возвратите мне моего сына. Когда же вы склонитесь на его любовь?

Мера переполнилась. 26 января 1837 года Пушкин отправил старшему Геккерену письмо, полное самых ужасных оскорблений. «Я принужден сознаться, господин барон, — писал Пушкин, — что роль ваша была не особенно прилична. Вы, представитель коронованной главы, — вы отечески служили сводником вашему сыну. Подобно старой развратнице, вы подстерегали мою жену во всех углах, чтобы говорить ей о любви вашего незаконнорожденного или так называемого сына; вы ей бормотали: «возвратите мне моего сына!» Я не желаю, чтобы моя жена продолжала слушать ваши родительские увещания. Я не могу позволить, чтобы ваш сын осмеливался разговаривать с моею женою и разыгрывать перед ней самоотвержение и любовь, тогда как он только подлец и шалопаи...»

После такого письма дуэль сделалась неизбежной. Этого-то и добивался Пушкин: другого выхода из запутавшегося положения он не видел. По соглашению Геккерена с Дантесом, вызов Пушкину послал Дантес. Получив вызов, Пушкин сразу успокоился. Дуэль была назначена на следующий же день. Секундант Дантеса, атташе при французском посольстве виконт д'Аршиак, известил Пушкина, что он будет ждать у себя до одиннадцати часов вечера, а после этого — на балу у графини Разумовской «лицо, которому поручено будет вести дело, долженствующее окончиться завтра», то есть секунданта Пушкина.

Но тут для деликатного Пушкина возникло большое затруднение: по русским законам, суровому наказанию подвергались не только непосредственные участники дуэли, но и секунданты. Пушкину не хотелось подвергать неприятностям кого-либо из своих друзей.

Вечером он приехал на бал к Разумовской очень веселый, без признака задумчивости. Танцевал, шутил с друзьями, — никому, глядя на него, и в голову бы не пришло, что завтра его ждет кровавый поединок, на котором один из участников должен пасть. Пушкин переговорил с д'Аршиаком, обещал свести его со своим секундантом. Тут же на балу он обратился к советнику английского посольства Мегенесу, очень им уважаемому за честный нрав, и попросил его быть секундантом: иностранцу Мегенесу не грозила такая кара, как русскому. Мегенес пожелал знать причину дуэли. Пушкин не захотел ее сообщить, и англичанин отказался.

Пушкин уехал с бала, так и не раздобыв секунданта.

Дуэль Пушкина.

С картины А. Наумова.

ДУЭЛЬ И СМЕРТЬ

Наутро Пушкин встал рано. Был по-вчерашнему весел и облегченно спокоен. Напился чаю и сел писать. Пришло письмо от д'Аршиака. Он просил Пушкина прислать своего секунданта для переговоров. Но Пушкин все еще никого не нашел. Он ответил, что пусть сам Дантес выберет ему секунданта, если видит в том надобность, — «я заранее принимаю его, если бы даже это был его егерь». Д'Аршиак решительно отверг это действительно неслыханное предложение и заявил, что всякое дальнейшее промедление будет им рассматриваться как попытка Пушкина уклониться от дуэли. Делать нечего — Пушкин скрепя сердце отправился искать секунданта.

На Пантелеймоновской улице он случайно встретил своего

лицейского товарища, подполковника инженерных войск К. К. Данзаса, и попросил его быть секундантом. Данзас с готовностью согласился. Он поехал к д'Аршиаку, они вдвоем выработали условия дуэли: стреляться на пистолетах, расстояние между барьерами десять шагов, противники становятся от барьеров за пять шагов назад; по данному сигналу, идя один на другого, но ни в коем случае не переступая барьера, они могут пустить в дело свое оружие.

Данзас привез Пушкину письменные условия дуэли. Пушкин не стал их читать, согласился на все и послал Данзаса купить пистолеты. А сам весело сел заниматься делами своего журнала «Современник». Открыл книжку Ишимовой «История России в рассказах для детей» и зачитался ею.

К условленному часу он сошелся с Данзасом в кондитерской Вольфа на углу Невского проспекта. Они сели в сани и поехали к назначенному месту встречи — к Комендантской даче на Черной речке.

Приехали одновременно с противниками. Пошли в рощу, выбрали полянку. Она была покрыта сугробами снега. Оба секунданта и Дантес стали протоптывать в снегу широкую тропинку, по которой должны были сходитья противники. Пушкин, закутавшись в медвежью шубу, сидел на сугробе и нетерпеливо ждал. Секунданты отмерили на тропинке шаги, в качестве барьеров положили на снег свои шубы и начали заряжать пистолеты. Пушкин нетерпеливо спросил:

— Ну, что же? Кончили?

Все было готово. Противников расставили по местам, вручили им пистолеты. Данзас подал сигнал, махнув шляпой.

Пушкин быстро подошел к барьеру, остановился и стал наводить пистолет. Но в это время Дантес, не дойдя одного шага до барьера, выстрелил. Пушкин упал на шинель, служившую барьером. Он лежал неподвижно, лицом вниз. Секунданты и Дантес кинулись к нему. Пушкин очнулся, поднял голову и сказал:

— Подождите. Я чувствую в себе достаточно силы, чтобы сделать выстрел.

Дантес возвратился на свое место, стал боком и прикрыл грудь правой рукой. Пушкин приподнялся на коленях и, полулежа, опершись левой рукой о лежавшую жердь, стал целиться.

Место дуэли Пушкина.

Рис. Д. Лобанова.

Целился долго. Раздался выстрел. Дантес упал. Пушкин бросил вверх пистолет и закричал:

— Браво!

И опять без чувств упал на снег. Однако Дантеса сбила с ног только сильная контузия: пуля пробила мясистые части руки и попала в пуговицу брюк; эта пуговица спасла его.

Придя в себя, Пушкин спросил д'Аршнака:

— Убил я его?

— Нет, вы его ранили.

— Странно, — сказал Пушкин. — Я думал, мне доставит удовольствие его убить, но я чувствую теперь, что нет... Впрочем, все равно. Как только мы поправимся, снова начнем.

Общими усилиями секунданты усадили Пушкина в сани. У Комендантской дачи они нашли карету, присланную на всякий случай Геккереном. Дантес и д'Аршнак предложили Данзае воспользоваться каретой для Пушкина. Данзае принял предложение. Не сказав Пушкину, чья карета, он усадил в нее Пушкина и поехал с ним в город.

Наталья Николаевна недавно воротилась с прогулки вместе с сестрою Александриною и ждала Пушкина к обеду. Вдруг вошел без доклада Данзае и, стараясь быть спокойным, сообщил, что Пушкин сейчас стрелялся с Дантесом и ранен, но очень легко.

Наталья Николаевна бросилась в переднюю, куда уже вносили на руках Пушкина. Она упала в обморок.

Пушкина уложили на диван в его кабинете. Очнувшаяся жена хотела войти, но Пушкин громким голосом закричал:

— Не входи!

Он не хотел, чтобы она увидела его рану, и позвал ее только тогда, когда уже был раздет и уложен.

Кинулись за докторами. Известных врачей никого не застали дома, привезли двух первых попавшихся. Пушкин пожал им руки и сказал:

— Плохо со мною! — И спросил: — Что вы думаете о моей ране? Я чувствовал при выстреле сильный удар в бок, и горячо стрельнуло в поясницу, дорогою шло много крови.

Рана была в живот. Пуля ушибла кишки, раздробила крестец и засела в нем.

— Скажите мне откровенно, как вы наложите мою рану? — спросил Пушкин.

— Не могу скрывать, — ответил доктор, — что рана ваша опасна.

— Скажите мне — смертельная?

— Считаю долгом не скрывать от вас этого.

— Спасибо. Вы поступили со мною честно. — Он потер рукою лоб. — Нужно устроить свои домашние дела. — Взглянул на книги, длинными рядами стоявшие на полках, и сказал: — Прощайте, друзья!

Один за другим съезжались доктора, съезжались друзья Пушкина — Жуковский, Плетнев, Вяземский, А. И. Тургенев. Пушкин страдал сильно, но часто спрашивал про жену:

— Она, бедная, безвинно терпит и может еще потерпеть во мнении людском.

И ей самой он сказал:

— Не упрекай себя за мою смерть. Это — дело, которое казалось меня одного.

Лейб-хирурга Арендта он просил передать императору просьбу не преследовать Данзаса за участие в дуэли. Данзас от него не отходил. Он сказал Пушкину, что хочет вызвать Дантеса на дуэль, чтобы отомстить за него. Пушкин поморщился:

— Нет, нет! Мир, мир.

Злоба и бешенство, которыми он непрерывно кипел последние месяцы, теперь исчезли: он стал спокоен, кроток и умиротворен. У некоторых друзей было впечатление, что Пушкин искал смерти и был рад ей, как разрешению своего безвыходного положения.

В брюшной полости Пушкина были осколки кости, кишечник ушиблен. В таких случаях первое требование лечения — дать кишечнику полный покой, остановить движение его опшумом. Между тем, по совершенно непонятным причинам, лейб-хирург Арендт назначил больному клизму. Последствия получились ужасные. Глаза Пушкина стали дикими и, казалось, готовы были выскочить из орбит, лицо покрылось холодным потом, руки похолодели. Несмотря на все усилия воли, он кричал так, что всех привел в ужас. Испуганный камердинер сообщил Данзасу, что Пушкин велел ему подать ящик письменного стола и уйти,

а в ящике этом пистолеты. Данзас поспешил к Пушкину и отобрал у него пистолет, который тот успел спрятать под одеяло. Пушкин сознался, что хотел застрелиться, потому что страдания стали невыносимы.

К утру боли несколько уменьшились, и Пушкин овладел собою. И уж до самой смерти ни одним стоном, ни одним криком не выдал своих страданий. Доктор Арендт с изумлением говорил: «Я был в тридцати сражениях, я видел много умирающих, но мало видел подобного». А Плетнев рассказывает: «Он так переносил свои страдания, что я, видя смерть перед глазами, в первый раз в жизни находил ее чем-то обыкновенным, несколько не ужасающим».

У крыльца пушкинской квартиры была давка. Знакомые и незнакомые толпились у входа, непрерывно сыпались вопросы: «Что Пушкин? Легче ли ему? Есть ли надежда?» Какой-то старичок говорил с удивлением:

— Господи боже мой! Я помню, как умирал фельдмаршал, а этого не было!

Густые толпы загораживали всю улицу перед квартирой Пушкина, к крыльцу невозможно было протискаться. Но великосветских людей тут не было. Саксонский посланник в донесении своему правительству писал: «Только немногие из лиц высшего общества окружали смертный одр поэта, в то время как нидерландское посольство (где жил Дантес) атаковывалось обществом, выражавшим свою радость по поводу столь счастливого спасения эlegantного молодого человека».

Пушкин слабел с каждым часом. Смерть приближалась, и он ясно сознавал это. Друзья говорили ему:

— Все мы надеемся, не отчаивайся и ты.

Пушкин отвечал:

— Нет, мне здесь не житье. Я умру, да, видно, уж так и надо.

Около полудня 29 января Пушкин попросил дать зеркало, посмотрелся в него и махнул рукой. Пульс падал и вскоре совершенно исчез. Руки начали стыть. Вдруг Пушкин раскрыл глаза и попросил моченой моршки. Когда ее принесли, он сказал внятно:

— Позовите жену, пусть она меня покормит.

Наталья Николаевна опустила на колени у изголовья мужа, поднесла ему ложечку, другую и приникла лицом к его лбу. Он тихо погладил ее по голове и сказал:

— Ну, ну, ничего, слава богу, все хорошо!

Пушкин стал впадать в полузабытье. При нем все время находился В. И. Даль, врач и писатель, которого Пушкин любил. Умиравший несколько раз подавал ему руку, сжимал ее и говорил:

— Ну, подымай же меня. Пойдем, да выше, выше, — ну, пойдем!

Пришел в себя, сказал:

— Мне было пригрезилось, что я с тобою лезу вверх по этим книгам и полкам, высоко, — и голова закружилась.

Несколько раз пристально вematривался в Даля и спрашивал:

— Кто это? Ты?

— Я, друг мой.

— Что это я не мог тебя узнать.

Помолчал, закрыв глаза, опять стал искать руку Даля, потянул ее и сказал:

— Ну, пойдем же, пожалуйста, да вместе!

Начиналась агония. Пушкин попросил повернуть его на правый бок. Даль и Данзас осторожно подняли его подмышки и подложили за спину подушку. Вдруг, будто проснувшись, Пушкин быстро раскрыл глаза, лицо его прояснилось, и он сказал:

— Кончена жизнь!

Даль недослышал и ответил:

№ 117.

28го Января
1837го года
№ 231.

28. Января. 1837. 4-3
30

Полицейское донесение, что вчера во 5-
том по подвину, в четвертом Топода по
Виде Командантской Даме, пришедшей
на дуэль, между Кошара — Юнкерами —
Александром Пушкиным и Пору-
тиком Кавалермейстером Ея Вели-
чества Полка Барона Теккером,
первый из них ранен пулей в шею
глубоко глотом, а последний во-
травлен пулей на висок и получил
Контузию в бок. — Т. Пушкин
при смерти погиб, оказавшись ему
Его Превосходительства Г. Лейб-
Медику Ардтаму, находится во-
опасности жизни. — Осень Василью
Превосходительства и мною гостя у себя
Сироты брат Понжи Вушкин

Ник

Полицейское донесение о дуэли Пушкина.

— Да, конечно. Мы тебя поговорили.

Пушкин повторил внятно:

— Жизнь кончена.

Дыханье становилось все медленнее. Последний вздох. Жизнь отлетела. Присутствующие во всю жизнь не могли забыть величавого, блаженного спокойствия, которое разлилось по лицу умершего Пушкина.

На набережной Мойки, перед домом, где умер Пушкин, творилось что-то, для того времени совершенно необычайное. Как волны прилива, росли и росли толпы народа, желавшие поклониться праху Пушкина. По показаниям очевидцев, у гроба Пушкина перебивало от тридцати до пятидесяти тысяч человек. Со всех концов города тянулись к Мойке экипажи. Извозчиков нанимали, просто говоря: «К Пушкину». Дочь историка Карамзина, княгиня Е. Н. Мещерская, рассказывает: «Множество людей всех возрастов и всякого звания беспрерывно теснилось пестрою толпою вокруг гроба Пушкина. Женщины, старики, дети, ученики, простолюдины в тулупах, а иные даже в лохмотьях, приходили поклониться праху Пушкина. Нельзя было без умиления смотреть на эти плебейские почести, тогда как в наших позолоченных салонах и раздушенных будуарах едва ли кто-нибудь и сожалел о краткости его блестящего поприща».

Все очевидцы дружно указывают на то, что отмечает княгиня Мещерская: у гроба Пушкина отсутствовало высшее дворянство, воздававшееся ему почести были чисто «плебейские»; к гробу теснились студенты, люди свободных профессий, чиновники низшего разряда, купцы, «простонародье» — тот только еще возникший слой радикальной демократии, который вскоре получил название «разночинцы». На похоронах Пушкина этот слой впервые выступил на общественную арену и дал себя почувствовать как общественная сила.

Последние годы Пушкин жил в кольце ужасающего одиночества — общественного, морального, культурного, литературного, семейного. «Живи один!» горько говорил он себе. Он и не подозревал, сколько тысяч, сколько десятков тысяч у него было горячих, искренних друзей за пределами того кольца, в котором он томился и погибал.

Пушкин на смертном одре.

Рисунок Ф. А. Бруни.

Смерть дала всем им почувствовать великую, незаменимую ценность и нужность Пушкина. И они громко, решительно, не словами, а всеми своими действиями сказали:

— Пушкин — наш!

В толпе шли взволнованные разговоры об иностранцах, убивших великого поэта России; говорили, что один иностранец ранил Пушкина, а другим иностранцам поручили его лечить. Говорили и вообще об иностранцах, стоявших во главе правительства. Один из русских сановников получил анонимное письмо¹, в котором прямо говорилось об «умышленном, обдуманном убийстве Пушкина». «Дальнейшее пренебрежение царя к своим верным подданным, — писал автор, — увеличивающиеся злоупотребления во всех отраслях правления, неограниченная власть,

¹ Анонимное письмо — письмо без подписи.

врученная недостойным лицам, стая немцев — все, все порождает более и более ропот и неудовольствие в публике и в самом народе!.. Вас просят представить его величеству о необходимости поступить с желанием общим, иначе мы горько поплатимся за оскорбление народное, и вскоре!»

Появилось негодующее стихотворение тогда почти еще неизвестного поэта Лермонтова — огненная поэтическая прокламация. Стихи с необычайною быстротою распространялись в списках, и все повторяли за Лермонтовым:

Вы, жадною толпой стоящие у трона,
Свободы, гения и славы палачи!
Тайтесь вы под сению закона,
Пред вами суд и правда — все молчи!
Но есть и божий суд, наперсники разврата,
Есть грозный судия, он ждет,
Он недоступен звону злата,
И мысли и дела он знает наперед.
Тогда напрасно вы прибегнете к злословью:
Оно вам не поможет вновь,
И вы не смоете всей вашей черной кровью
Поэта праведную кровь!

Как видим, негодование не распространялось на самого императора. Но раскаты этого негодования гремели уже над головами ближайших его сотрудников, в самой непосредственной близости к императору. Дело принимало нешуточный оборот.

Бурный взрыв общественного негодования изумил и испугал Николая. Вначале он равнодушно отнесся к смерти Пушкина и вполне оправдывал поведение Дантеса. Напор снизу заставил императора понять, что дело шло не о ничтожном «сочинителе», нечиновном камер-юнкере его двора, а о человеке, высоко ценимом самыми широкими кругами страны. Волею-неволею пришлось перестроить свое отношение к случившемуся, пришлось притвориться, что и им самим смерть Пушкина расценивается как великая национальная потеря. Дантес был разжалован в солдаты и как иностранный подданный выслан из России, Геккерен, по требованию Николая, отозван нидерландским правительством с поста посланника.

С другой стороны, Николай поспешил преградить все пути к проявлению бурно закипавшего общественного негодования.

Газетам строжайше было приказано при сообщении о смерти Пушкина «соблюдать надлежащую умеренность и тон приличия». Одна газета получила выговор за замечку, в которой писалось, что «солнце нашей поэзии закатилось» и что Пушкин «скончался в середине своего великого поприща». В соседних с квартирой Пушкина домах были расставлены военные пикеты, у подъезда и в самой квартире сновали шпионы.

В ночь перед выносом тела, с 30 на 31 января, когда толпа разошлась и в квартире сидело только несколько ближайших друзей Пушкина, явились жандармы во главе с генералом Дубельтом, начальником штаба корпуса жандармов. Они перенесли гроб не в Исаакиевский собор, где на завтра было назначено отпевание, а в Конюшенную церковь. В день отпевания подступы к церкви были оцеплены полицией и пропускались только приглашенные. Отпели, поставили гроб в церковный подвал.

В полночь со 2 на 3 февраля к церкви подъехали дроги и две кибитки. В одной кибитке сидел жандармский офицер, в другой — друг Пушкина А. И. Тургенев, которому было поручено проводить тело в Псковскую губернию до места погребения в Святогорском монастыре, недалеко от пушкинской деревни Михайловское. Поставили гроб на дроги и помчались во весь опор из города. Псковскому губернатору заранее было послано высочайшее приказание при проезде гроба «воспретить всякое особенное изъявление, всякую встречу, одним словом, всякую церемонию».

Своеобразная похоронная процессия мчалась по снежным равнинам на курьерских, днем и ночью; как будто преступники спешили, тайно от всех, привести к концу свое черное дело.

НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА ПУШКИНА, съ душнымъ прискорбьемъ извѣщая о кончинѣ супруга ся, Двора Е. И. В. Камеръ - Юнкера Александра Сергѣевича Пушкина, послѣдовавшей въ 29-й день сего Января, покорнѣйше проситъ пожаловать къ отпѣванію тѣла сего въ Исаакіевскій Соборъ, состоящій въ Адмиралтействѣ, 1-го числа Февраля въ 11 часовъ до полудни.

Сообщение о смерти Пушкина в «Литературных прибавлениях» к газете «Русский инвалид».

Могила Пушкина в бывшем Святогорском монастыре.

ПОСЛЕ СМЕРТИ

Приложив все силы, чтобы затравить насмерть величайшего человека своего царствования, император Николай охотно пошел навстречу просьбе Жуковского обеспечить семью Пушкина. Этим он давал повод восхвалять его за великодушие, а Наталье Николаевне, конечно, очень охотно готов был притти на помощь. Одному приближенному император сказал:

— Какой чудак Жуковский! Пристает ко мне, чтобы я семье Пушкина назначил такую же пенсию, как семье Карамзина! Он не хочет сообразить, что Карамзин человек почти святой, а какова была жизнь Пушкина?

Однако семью Пушкина обеспечил щедро: велел заплатить

все долги (их оказалось около ста двадцати тысяч рублей), назначил крупную пенсию вдове и дочерям до замужества, сыновьям до поступления на службу; кроме того, велел одновременно выдать вдове десять тысяч рублей и издать на казенный счет в ее пользу сочинения мужа.

В большей или меньшей степени все винили Наталью Николаевну в смерти Пушкина. Ей тяжело было встречаться с людьми. И она поспешила уехать из Петербурга. Гроб Пушкина еще стоял в квартире, а уже шла спешная укладка посуды, платья и мебели. 16 февраля Наталья Николаевна уехала с детьми в Калужскую губернию, в имение старшего своего брата Д. Н. Гончарова «Полотняный Завод». С нею поехала ее незамужняя сестра Александрина, заведовавшая в их доме хозяйством и воспитанием детей. Александрина была единственная в семье Гончаровых, которая высоко ценила Пушкина и всем сердцем любила его.

О муже Наталья Николаевна печалилась недолго. Уже 8 апреля сын историка Карамзина писал матери: «То, что вы мне говорили о Наталье Николаевне, меня опечалило. Странно, я ей от всей души желал утешения, но не думал, что желания мои исполнятся так скоро». А отец Пушкина, посетив в начале осени свою невестку, нашел, что ее сестра Александрина гораздо больше огорчена смертью Пушкина, чем Наталья Николаевна.

Наталья Николаевна два года прожила в «Полотняном Заводе». После блестящей петербургской жизни деревенская жизнь казалась ей скучною и однообразною. Жена брата держалась с нею бестактно, постоянно подчеркивала, что хозяйка тут она, что гости должны ценить всякое ее одолжение. Наталья Николаевна грустила, нередко прихварывала и целыми неделями не выходила из своих комнат.

В 1839 году Наталья Николаевна с семьей и сестрой Александриной воротилась в Петербург. Она поселилась вдали от центра, на Аптекарском острове, и стала вести жизнь самую уединенную. Друзья Пушкина — Карамзины, Вяземские, Жуковский, Плетнев — проводывали ее. В сочельник рождества 1841 года Наталья Николаевна покупала в английском магазине игрушки на елку для своих детей. Там она неожиданно встрети-

лась с императором — он тоже заехал в магазин купить игрушек для елки своим детям. Николай сразу узнал Наталью Николаевну, очень милостиво беседовал с нею, а вслед за этим выразил фрейлине Е. И. Загряжской, тетке Натальи Николаевны, желание, чтобы Наталья Николаевна попрежнему служила украшением придворных балов.

Для Натальи Николаевны началась прежняя блестящая жизнь, непрерывные балы и увеселения, всеобщие восторги от ее красоты, всеобщая влюбленность. Летом 1844 года она вышла замуж за кавалерийского генерала П. П. Ланского. Он был красавец, в светском кругу утонченно вежливый человек, а на плац-параде — свирепый николаевский генерал, за малейшую провинность подвергавший солдат самым бесчеловечным истязаниям. Умерла Наталья Николаевна 26 ноября 1863 года.

Дело о дуэли Дантеса-Геккерена с Пушкиным рассматривалось военным судом. Постановлено было разжаловать Дантеса в солдаты, лишив чинов и дворянского достоинства. «Преступный же поступок самого камер-юнкера Пушкина, — добавлял приговор суда, — подлежавшего равному с подсудимым Геккереном наказанию, по случаю его смерти предать забвению». Император утвердил приговор, но приказал «рядового Геккерена, как не русского подданного, выслать с жандармом за границу, отобрав офицерские патенты».

В середине марта 1837 года Дантес в солдатской шинели был отвезен жандармами до границы. Вскоре вслед за ним, устроив свои дела, выехали беременная его жена Екатерина Николаевна и приемный его отец Геккерен. Старик Геккерен собирался поехать только в отпуск; в прощальной аудиенции император ему отказал и прислал в подарок табакерку. Табакерки дарились посланникам, только когда они окончательно покидали свой пост; присылкой табакерки Николай дал понять Геккерену, что больше не желает видеть его у себя посланником Голландии, и Геккерену пришлось уехать совсем.

Дальнейшая карьера Дантеса сложилась очень для него удачно. Он всегда умел великолепно устраивать свои дела. После февральской революции, когда президентом Французской республики стал Луи-Наполеон Бонапарт, племянник Наполеона,

Дом на Мойке, где умер Пушкин.

Дантес был в числе правых депутатов, способствовавших государственному перевороту 1851 года; в результате этого переворота Луи-Наполеон стал императором Наполеоном III. В награду за свои услуги Дантес получил от императора звание сенатора с жалованием в тридцать тысяч франков.

Дантес был ловкий делец, участвовал в разных промышленных и финансовых аферах, был одним из основателей парижского газового общества, нажил крупное состояние. После свержения Наполеона поселился в своем родовом имении Зульце в Эльзасе. Умер в глубокой старости, восьмидесяти трех лет, окруженный детьми, внуками и правнуками.

Романтически настроенным людям очень хотелось думать, что убийство Пушкина несмываемым черным пятном лежало на совести Дантеса, что он до конца жизни мучился сознанием совершенного им преступления. На известной картине Наумова «Дуэль Пушкина» подавленный Дантес, низко опустив голову, медленно уходит вдаль от раненного им Пушкина. Некоторые русские, встречавшиеся с Дантесом за границей, рассказывали, как горячо оправдывался перед ними Дантес, как уверял, что даже не подозревал, на кого он поднимал руку, что был вынужден к поединку, что целил Пушкину в ноги, что убийство Пушкина жестоко мучит его совесть и т. п. В действительности Дантес вспоминал о случившемся без всяких мучений; он заявлял, что иначе поступить не мог, что действовал вполне сообразно с долгом чести, что Пушкин сам был виноват и что если бы не он убил Пушкина, то Пушкин убил бы его.

Пушкин в Михайловском.

С картины Н. Ге.

ЧЕЛОВЕК И ХУДОЖНИК

Пушкин был некрасив. Наружность его на большинстве портретов сильно приукрашена. По поводу известного его портрета, писанного Кипренским, Пушкин писал Кипренскому:

Себя, как в зеркале, я вижу,
Но это зеркало мне льстит.

В одном юношеском стихотворении Пушкин характеризует себя: «потомок негров безобразный». И незадолго до смерти писал о своем «арапском безобразии». Прадед Пушкина по матери, как мы знаем, был абнегнец. В Пушкине его происхождение

сказывалось круто курчавыми волосами, оскалом ослепительно белых зубов, общим «африканским» видом лица и необычайной для европейца живостью движений.

Роста он был небольшого, но сложен крепко и соразмерно, любил много ходить, прекрасно фехтовал, хорошо стрелял в цель. Волосы были каштанового цвета, глаза синие — быстрые и пронзительные. Обыкновенно носил бакенбарды.

В обычном разговоре, особенно в мало знакомом обществе, Пушкин часто с трудом подыскивал слова, был вял и часто даже скучен. Но когда воодушевлялся, он весь преображался: лицо, озаренное внутренним светом, становилось прекрасно, глаза загорались, как звезды, разговор делался блестящим и увлекательным.

Эта изумительная внутренняя красота пушкинского лица лучше всего схвачена в портрете его, сделанном Томасом Райтом (1837 год).

Смех Пушкина, громкий, залихватый, заражал своей веселостью и был пленителен.

Писатель Хомяков утверждал, что смех Пушкина был не менее увлекателен, чем его стихи.

Этот веселый смех Пушкина так же, как и жизнерадостная поэзия его, многих, подобно Брюллову, вводил в заблуждение и заставлял думать, что Пушкин был очень жизнерадостный, веселый и счастливый человек. Это глубоко неверно. Драматург барон Е. Ф. Розен сообщает: «Пушкин был характера весьма серьезного и склонен, как Байрон, к мрачной душевной грусти; чтобы умерять, уравновешивать эту грусть, он чувствовал потребность смеха. В ярком смехе его почти всегда мне слышалось нечто насильственное, и как будто бы ему самому при этом невесело на душе». Сам Пушкин говорил журналисту Ксенофону Полевому, что в основании характер его грустный, меланхолический и если он иногда бывает в веселом расположении духа, то редко и недолго. Письма Пушкина были полны жалоб на хандру, скуку, тоску; только очень редко прорываются жизнерадостные нотки. «Я мнителен и хандрлив (каково словечко?)», пишет он. Свой нрав Пушкин характеризует как «неровный, ревнивый, обидчивый, раздражительный и, вместе с тем, слабый».

И нервная организация Пушкина и условия его жизни за-

ключали в себе очень мало данных для жизнерадостности. Мало для нее было данных и в классовом положении Пушкина — в его принадлежности к разорявшемуся среднепоместному дворянству. Сила Пушкина была не в органической жизнерадостности, а в том, что он не давал мрачным и упадочным настроениям овладеть его творчеством, что он умел силой творчества преобразовать жизнь в радость и светлую красоту.

Интересно наблюдать, как первоначальные грустные и темные настроения, вызывавшиеся жизнью, Пушкин переплавлял в своем творчестве в ясное приветствование жизни. В сентябре 1835 го-

да он писал жене из псковской деревни: «В Михайловском нашел я все по-старому, кроме того, что нет уже в нем няни моей и что около знакомых старых сосен поднялась, во время моего отсутствия, молодая сосновая семья, на которую досадно мне смотреть, как иногда досадно мне видеть молодых кавалергардов на балах, на которых уж не пляшу... Все кругом меня говорит, что я старею...»

Это эгоистическое, темное, как руда, живое чувство досады старости на молодую жизнь переплавляется огнем творчества в светлое, как золото, примиренное благословение идущей на смену молодой жизни:

Здравствуй, племя
Младое, незнакомое! не я
Увижу твой могучий поздний возраст,
Когда перерастешь моих знакомцев

Книги А. С. Пушкина.

И старую главу их заслонить
От глаз прохожего. Но пусть мой внук
Услышит ваш приветный шум, когда,
С приятельской беседы возвращаясь,
Веселых и приятных мыслей полон,
Пройдет он мимо вас во мраке ночи
И обо мне вспомянет.

Пушкин не любил Петербурга, находил его «душным для поэта», скучным, нагоняющим тоску. Но в «Медном всаднике» он сумел увидеть в том же Петербурге своеобразную, пленительную красоту и дал нам почувствовать эту красоту:

Люблю тебя, Петра творенье,
Люблю твой строгий, стройный вид,
Невы державное течение,
Береговой ее гранит,
Твоих оград узор чугунный,
Твоих задумчивых ночей
Прозрачный сумрак, блеск безлунный,
Когда я в комнате моей
Пишу, читаю без лампады,
И ясны спящие громады
Пустынных улиц, и светла
Адмиралтейская игла...

Кипящий страстями, безудержно отдающийся минутным настроениям в жизни, Пушкин в творчестве был глубоко человечен, мудр и спокоен, «выше мира и страстей».

Перед женитьбой он писал матери своей невесты: «Бог свидетель, я готов умереть ради нее, но умереть для того, чтобы оставить ее блестящей вдовой, свободной хоть завтра же выбрать себе нового мужа, эта мысль — мучение адское!» А в творчестве своем Пушкин, глядя на пленившую его девушку, от всей души готов

...благословлять ее на радость и на счастье,
И сердцем ей желать все блага жизни сей,
Веселья, мир души, беспечные досуги,
Всё — даже счастье того, кто избран ей,
Кто милой деве даст название супруги.

В жизни ревнивый до бешенства, Пушкин устами старого цыгана в «Цыганах» так описывает ревность:

...вольнее птицы младость.
Кто в силах удержать любовь?
Чредою всем дается радость;
Что было, то не будет вновь.

Гоголь пишет: «Даже и в те поры, когда Пушкин метался сам в чаду страстей, поэзия была для него святыней, — точно какой-то храм. Не входил он туда неопрятный и неприбранный; ничего не вносил он туда необдуманного, опрометчивого из собственной жизни своей. А между тем все там — история его самого. Но это ни для кого незримо. Читатель услышал одно только благоухание; но какие вещества перегорели в груди поэта затем, чтобы издать это благоухание, того никто не мог услышать».

Искусство действительно было для Пушкина святыней, храмом, в который он входил с глубочайшим благоговением.

Служенье муз не терпит суеты,
Прекрасное должно быть величаво.

Когда Пушкин говорит об искусстве, все время у него: «святая лира», «божественный глагол», «алтарь, где твой огонь горит»; вдохновение — это «приближение бога».

Расскажем, как работал Пушкин. Всего чаще писал он осенью. Чем ненастнее, чем слякотнее была осень, тем для него было лучше. Писал обыкновенно по утрам, лежа в постели, и опускал исписанные листки прямо на пол. Но иногда на него налетал такой бурный вихрь вдохновения, что он писал дни напролет, еле успевая поесть, что попадало под руку, и даже ночью грезил стихами. Так, например, была написана «Шолтава».

Состояние вдохновения, которое владело им в часы творчества, Пушкин описывает так:

...яркие виденья,
С неизъяснимою красой,
Вились, летали надо мной
В часы ночного вдохновенья.

Какой-то демон обладал
Моими играми, досугом;

За мной повсюду он летал,
Мне звуки дивные шептал,
И тяжким, пламенным недугом
Была полна моя глава;
В ней грезы чудные рождались;
В размеры стройные стекались
Мои послушные слова
И звонкой рифмой замыкались.

Процесс пробуждения вдохновения Пушкин с чисто научной точностью описывает в стихотворении «Осень» (1833):

И забываю мир, и в сладкой тишине
Я сладко усыплен моим воображеньем,
И пробуждается поэзия во мне:
Душа стесняется лирическим волненьем,
Трепещет, и звучит, и ищет, как во сне,
Излиться, наконец, свободным проявленьем,
И тут ко мне идет незримый рой гостей,
Знакомцы давние, плоды мечты моей.

И мысли в голове волнуются в отваге,
И рифмы легкие навстречу им бегут,
И пальцы просятся к перу, перо к бумаге,
Минута — и стихи свободно потекут.
Так дремлет недвижим корабль в недвижной влаге,
Но чу! — матросы вдруг кидаются, ползут
Вверх, вниз — и паруса надулись, ветра полны;
Громада двинулась и рассекает волны.

Пушкин обыкновенно творил с пером в руке. Черновики его хранят живые следы бурно клокочущего вдохновения. Он захлебывается под напором нахлынувших мыслей, образов, эпитетов. Напишет слово или фразу — сейчас же нервно-торопливо зачеркивает, пишет сверху новый вариант, опять зачеркивает; так опять и опять. Слов не дописывает, иногда набрасывает одни только заключительные рифмы стихов и пишет дальше. Вдруг волна вдохновения отхлынула. Пауза. Медленно накапливается творческая энергия для новой волны. Перо задумчиво набрасывает рядом с написанным рисунки, большею частью имеющие отношение к теме стихов. Нарастает новая волна. Набежала.

И опять, обгоняя друг друга, на бумагу ложатся новые слова и стихи.

Перо, забывшись, не рисует,
Близ неоконченных стихов,
Ни женских ножек, ни голов...

Однако не для всего, что Пушкин писал даже в художественных произведениях, он считал нужным дожидаться вдохновения. Вдохновение он берег для наиболее ответственных мест. По поводу «Бориса Годунова» он писал другу: «Я пишу и думаю. Большинство сцен требует только рассуждения; когда я дохожу до сцены, требующей вдохновения, я переживаю или перескакиваю через нее».

Иногда на Пушкина находило вдохновение, когда не было возможности сейчас же заносить сочиненное на бумагу, — например, в дороге или на прогулке. Сцену свидания Димитрия с Мариной у фонтана в «Борисе Годунове» Пушкин сочинил, возвращаясь верхом от соседей. Приехав домой, он не нашел пера, чернила высохли, это его раздосадовало, и он только через две-три недели собрался записать сцену, когда многое уже забыл. Другьям, восхищавшимся ею, Пушкин говорил, что первоначальная сцена, совершенно уже оконченная в уме, была несравненно прекраснее написанной.

Интересно, что содержание произведения Пушкин предварительно записывал иногда прозой, — не только план большого целого произведения, но и содержание отдельных кусков его в таких подробностях, каких, казалось бы, истинный поэт никак не мог бы предварительно набрасывать прозой. Вот, например, предварительный прозаический набросок письма Татьяны к Онегину:

«Я знаю, что вы презираете... я долго хотела молчать, и думала, что все увижу... Я ничего не хочу — хочу вас видеть, — у меня нет никого, придите... Вы должны быть и то, и то; если нет, меня бог обманул. Зачем я вас увидела, но теперь уже поздно. Я не перечитываю письма...»

Исчерканный и перечерканный черновик Пушкин тщательно переписывал набело и при этом его перерабатывал. И сейчас же опять начинал черкать и переправлять беловик, который вскоре превращался в новый черновик. Пушкин опять его пере-

писывал. Часто после этого откладывал написанное, иногда очень надолго; бывало, что он возвращался к нему только через несколько лет. После смерти Пушкина найдено было огромное количество стихотворений, казалось бы, безупречных. Но Пушкин не считал еще их законченными, не отдавал в печать — они ждали дальнейшей отделки.

Та легкость и простота, которой мы изумляемся в стихах Пушкина, была плодом огромнейшего, никому со стороны не видного труда. «Без труда нет истинно великого», говорил Пушкин.

С такой же строгой требовательностью, как к творчеству, Пушкин относился и к своему самообразованию. Он был одним из образованнейших людей своего времени и с порицанием отзывался о современных ему писателях:

— Мало у нас писателей, которые бы учились; большая часть только разучиваются.

Сам он часто последние деньги тратил на книги и сравнивал себя со стекольщиком, который разоряется на покупку нужных для его ремесла алмазов.

Про огромную работу Пушкина над своим развитием мало кто знал. Как и в лицейские времена, он не любил выказывать своих знаний, и многие, знавшие Пушкина не близко, считали его лентяем, неспособным ни на какой усидчивый труд. Между тем трудоспособность его была огромна. Уже взрослым, он хорошо изучил латинский язык, который в лицее знал очень плохо, изучил английский, итальянский языки; только немецкий почему-то ему не давался.

— Никак не могу с ним сладить, — говорил он. — Выучусь, и опять все забуду: это случалось уже не раз.

Многосторонности и глубине лингвистических¹ знаний Пушкина дивились специалисты. О разговорах Пушкина на исторические темы мало к нему расположенный журналист Ксенофонт Полевой замечает: «Если бы записан был хоть один такой разговор Пушкина, перед ним показались бы бледны профессорские речи Вильмена и Гизо». «Когда говорил он о политике внешней и отечественной, — рассказывает знаменитый польский поэт

¹ Лингвистика — наука о языке.

Пушкин в Болдине.

С картины В. А. Серова.

Мицкевич, — можно было думать, что слушаешь человека заматеревшего в государственных делах и пропитанного ежедневным чтением парламентских прений».

Был он очень умен. Рассказывают, будто после встречи с Пушкиным, возвращенным из ссылки, император Николай сказал одному из приближенных:

— Знаешь, что я нынче долго говорил с умнейшим человеком в России?

И на вопросительное недоумение собеседника царь назвал Пушкина. Анекдот мало достоверный. Да и не так уж компетентен был Николай в суждении об умственных способностях человека. Но и умнейшие друзья Пушкина пасовали перед его умом. «Бог всем дал орехи, а Пушкину ядра», писал в дневнике историк Погодин. Ни Жуковский, ни Вяземский спорить с Пушкиным не могли, — он забивал их совершенно. Вяземскому очень не хотелось, чтобы Пушкин был умнее его; он надуетея и молчит. А Жуковский смеется:

— Ты, брат Пушкин, чорт тебя знает, какой ты, — ведь вот я чувствую, что вздор говоришь, а переспорить тебя не умею, так ты нас обоих в дураках и записываешь.

Интересно, что при таком уме Пушкин был очень суверен.

Он боялся тринадцати человек за столом, трех горящих свечей, просыпанной соли, встречи со священником, перебежавшего дорогу зайца. В сентябре 1833 года, во время поездки своей на восток, он писал жене из Симбирска: «Третьего дня, выехав ночью, отправился я к Оренбургу. Только выехал на большую дорогу, заяц перебежал мне ее. Чорт его побери, дорого бы я дал, чтобы его затравить. На третьей станции стали мне закладывать лошадей, — гляжу: нет ямщиков, — один слеп, другой пьян и спрятался. Пошумев изо всей мочи, решил я возвратиться и ехать другой дорогой. Повезли меня обратно — я заснул — просыпаюсь утром — что же? не отъехал я и пяти верст. Гора — лошади не везут... наконец взъехали мы, и я воротился в Симбирск. Дорого бы дал я, чтобы быть борзой собакой: уж этого зайца я бы отыскал».

У Пушкина было отсутствие того, что французы называют «завистью мастера». Он так любил искусство, что всякая удача

товарища-писателя вызывала у него искреннейшую радость. Про стихи Баратынского при нем нельзя было говорить дурного, от Языкова он был в восхищении, Дельвига ставил незаслуженно высоко; горячо приветствовал выступление Гоголя; как известно, он ему даже уступил сюжеты «Ревизора» и «Мертвых душ». Молодые писатели встречали у него чисто товарищеский прием и энергичную поддержку. Поэт Кольцов с робостью явился к Пушкину и не встретил ни тени величавого благоволения, ни тени покровительственного тона. Пушкин крепко пожал ему руку и заговорил, как с давним знакомым, как с равным себе. Молодой поэт Губер перевел первую часть гётевского «Фауста». Цензура запретила перевод. Губер в отчаянии сжег его. Пушкин узнал про это, отыскал Губера, отправился к нему на квартиру и уговорил снова взяться за перевод.

Каждую переведенную сцену Губер приносил Пушкину, читал ему, Пушкин делал свои замечания и подбодрял Губера работать дальше.

Любовь Пушкина к искусству сказывалась и в том, что, в противоположность большинству новаторов, он с большим почтением относился к своим предшественникам, нисколько при этом не скрывая от себя их недостатков. О Державине, например, он в частном письме писал Дельвигу: «Этот чудак не знал ни русской грамоты, ни духа русского языка, — он не имел понятия ни о слоге, ни о гармонии, — ни даже о правилах стихосложения».

Однако, когда близкий Пушкину журнал получил статью одного из своих сотрудников, где о Державине говорилось недостаточно почтительно, Пушкин настоял, чтобы отзыв о Державине был выброшен из статьи. «Державин всё — Державин, — писал он редактору. — Имя его нам уже дорого... И вообще — не должно говорить о Державине таким тоном, каким говорят об N. N., об S. S.». А когда А. Бестужев неблагоприятно отозвался о поэзии Жуковского, Пушкин возмутился. «Зачем кусать нам груди кормилицы нашей, потому что зубки прорезались? — писал он. — Что ни говори, Жуковский имел решительное влияние на дух нашей словесности».

Пушкин питал непреодолимое отвращение ко всему показному.

Гавриил Романович Державин.

В декабре 1824 года произошло знаменитое наводнение в Петербурге. Пушкин по этому поводу писал из деревни брату: «Этот потоп мне с ума нейдет... Если тебе вздумается помочь какому-нибудь несчастному, помогай из Онегинских денег. Но прошу, без всякого шума, ни словесного, ни письменного. Ничуть не забавно стоять в «Инвалиде» нарядом с идилическим коллежским асессором Панавым». На чужое горе он вообще был отзывчив. Прочел в газетах объявление, что какой-то слепой поп перевел библейскую книгу Сираха и издает по подписке, — и, сам нуждаясь в деньгах, поручает брату подписаться на несколько экземпляров. Бедному не

подавал меньше двадцати пяти рублей.

Всю жизнь в Пушкине было очень много чего-то совершенно детского. «Славный муж по зрелости таланта и вместе мальчик по образу жизни и поступкам», характеризует его один современник. Уже женатым, приедет в Тригорское, сидят в гостиной. Пушкин шутит, смеется. На столе горят свечи. Вдруг Пушкин прыг с дивана через стол, свечи валяются. Барышни ему говорят:

— Пушкин, что вы шалите так, пора остепениться!

А он только смеется. В Тригорском часто влезал в открытое

окно. «Кажется, во все окна перелезая», вспоминает одна из тригорских обитательниц.

Дети его очень любили, он разговаривал и играл с ними не с снисходительностью взрослых, а сам становился с ними ребенком, всей душой участвовал в их играх, никакой не преследуя педагогики. Он, например, обучил боксу шестилетнего Павла Вяземского, сына поэта; мальчик так увлекся наукой, преподанной ему знаменитым другом, что на танцевальных детских вечерах вызывал всех драться с ним, а если отказывались, колотил по всем правилам. Однажды княгиня Вяземская, воротившись домой, застала Пушкина с Павлом; они барахтались и плевали друг в друга.

И, как ребенок, Пушкин совершенно не умел взвешивать последствий своих поступков. Еще в лицее, как мы видели, он изобидит насмешками товарища, а когда получит отпор, мучится и страдает. Так же и впоследствии. Стрельнет убийственной эпиграммой в Воронцова, Уварова или Дондукова-Корсакова, а потом возмущается, что могущественные враги преследуют его и притесняют.

Мицкевич рассказывает: «Я довольно близко и довольно долго знал Пушкина; находил я в нем характер слишком впечатлительный, а иногда легкомысленный, но всегда искренний и благородный. Погрешности его казались плодами обстоятельств, среди которых он жил; все, что было в нем хорошего, возникало из сердца».

Дворянско-крепостническая среда, в которой вырос Пушкин, ее нравы и предрассудки наложили на него глубокую печать. Он до конца жизни не мог отделаться от гордости своим древнедворянским родом, был очень чувствителен, когда ему казалось, что кто-нибудь задел его «честь», и вызывал иногда на дуэль по самым пустяковым поводам. Было приспособленчество, была детская неспособность отстанывать свои интересы.

Но исключительно благородная красота души Пушкина пламенными языками то и дело прорывалась в жизни сквозь наносную грязь, ярким огнем пылала в его творчестве и ослепительным светом вспыхнула в его смерти.

Конечно, жена его сильно была виновата в его смерти; послушайся она предостерегающих советов, почувствуй, что творится

в душе мужа, пойми, какой она давала повод высшему свету злорадно изливать на голову Пушкина поток грязнейших сплетен, — и Пушкин бы не погиб.

И так естественно было бы, если бы Пушкин на смертном одре попрекнул Наталью Николаевну за ее поведение, — «ведь говорил я тебе!» — или по крайней мере великодушно простил бы ее.

Но он все время настойчиво и убеждающе твердил ей одно — что ей не в чем винить себя, что во всем случившемся она ни при чем, — и жестоко волновался, чтобы кто не обвинил в случившемся жену.

«Право, это было больше чем благородство, — пишет сестра Пушкина, — это было величие души, это было лучше, чем простить».

Когда Пушкин выступил на литературное поприще, русская литература была подобна неуклюжему подростку, который часто говорит с чужого голоса и может возбуждать к себе интерес больше в собственном семействе.

Когда Пушкин ушел из жизни, русская литература была вполне сложившимся существом, со своим оригинальным лицом, с твердо звучащим голосом, с обещанием самого блестящего дальнейшего расцвета.

Одно за другим являлись яркие, оригинальные молодые дарования: Баратынский, Языков, Полежаев, Лермонтов, Тютчев, Гоголь. «Пушкин, — говорит Гоголь, — был для всех поэтов, ему современных, точно сброшенный с неба поэтический огонь, от которого, как свечки, зажглись другие самоцветные поэты».

Вся последующая литература шла от Пушкина как от своего основоположника и учителя. Крупнейший, непосредственный преемник Пушкина — Гоголь так отозвался на смерть Пушкина: «Моя жизнь, мое высшее наслаждение умерло с ним. Когда я творил, я видел перед собою только Пушкина. Ничего не предпринимал, ничего не писал я без его совета. Все, что у меня хорошего, всем этим я обязан ему... О, Пушкин, Пушкин! Какой прекрасный сон удалось мне видеть в жизни, и как печально было мое пробуждение!»

Пушкина как бесспорнейшего своего учителя благоговейно чтили Тургенев, Лев Толстой, Достоевский, Гончаров, Островский, Некрасов, Фет — вся наша литература вплоть до Чехова и символистов, Есенина и Маяковского.

Пушкин оказал огромное влияние не только на русскую, но и на мировую литературу.

Он не был таким учителем, у которого ученики взяли то, что им было нужно, и пошли дальше, не оглядываясь на оставленного сзади старика, — учителем, какими, например, для самого Пушкина были Державин, Батюшков, Жуковский. Пушкин был и остается учителем как непревзойденный мастер; над ним до сих пор ломают головы, тщетно стараясь открыть законы и тайны несравненного звучания его стиха.

Сердца неслись к ее престолу,
Но вдруг над чашей золотой
Она задумалась и долу
Поникла дивною главой...

Какой писарь, воспевая возлюбленную, не употребляет этого избитого выражения «дивный»? В приведенных же стихах Пушкина мы не знаем, что — ритм ли, расстановка ли слов, расстановка ли самих букв, еще ли что, — но что-то наполняет это опошленное слово «дивный» совершенно свежей, нетронутой красотой, и мы его читаем у Пушкина, как будто оно употреблено им первым в первый раз.

Пушкину не нужно изобретать лишних новых слов, чтобы изобразить самые тонкие оттенки мысли, — он умеет достигать этого простой комбинацией слов, давно известных:

Ты любишь горестно и трудно,
А сердце женское шутя.

Он двумя-тремя фразами умеет нарисовать исчерпывающий образ:

Лишь путешественник залетный,
Блестящий лондонский нахал
Полу-улыбку возбуждал
Своей осанкою заботной;
И быстро обмененный взор
Ему был общий приговор.

Сжатость его изумительна. Татьяна тайно через няню послала Онегину письмо.

Но день протек, и нет ответа,
Другой настал: всё нет, как нет.
Бледна как тень, с утра одета,
Татьяна ждет: когда ж ответ?

Татьяна ждет не самого Онегина, а ответа от него. Но — она «с утра одета»: этой одной короткой фразой Пушкин показывает, что в душе Таня ждет не ответа от Онегина, а приезда его самого.

Пушкин, начиная рассказ, сразу умеет ввести читателя в суть дела.

Льву Толстому случайно попался том прозы Пушкина, он машинально раскрыл его на отрывке начатой повести «Гости съезжались на дачу». Прочел первые строчки и невольно продолжал чтение.

— Вот прелесть-то! — воскликнул Толстой. — Вот как нам писать. Пушкин приступает прямо к делу. Другой бы начал описывать гостей, комнаты, а он вводит в действие сразу.

И в тот же вечер так начал «Анну Каренину»: «Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему. Все смешалось в доме Облонских. Жена узнала, что муж был в связи с бывшею в их доме француженкою-гувернанткой» и т. д.

По поводу пушкинских «Повестей Белкина» Толстой около того же времени писал: «Я с восторгом, мною давно уже не испытываемым, читал это последнее время повести Белкина, в седьмой раз в моей жизни. Писателю надо не переставая изучать это сокровище.

Я на-днях это сделал и не могу передать того благодетельного влияния, которое имело на меня это чтение».

Прошло более ста лет со смерти Пушкина. Пало самодержавие, затравившее и убившее его, пал весь строй, где одни люди работали и страдали, а другие ничего не делали и блаженствовали.

Всеобщая любовь к Пушкину с каждым годом растет, он всем стал нужен и незаменимо дорог. Нужен и дорог за свою

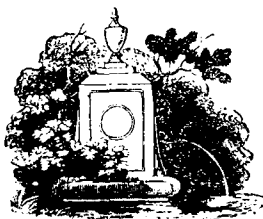
Памятник А. С. Пушкину в Москве.

неукротимую мятежность, за неослабевающее искание, за радость и красоту, которую он напивает жизнью, за глубокую человечность и культурность, за несравнимую музыку его слова, за благородную ясность и простоту речи.

Народная тропа, о которой мечтал Пушкин, превратилась в широкую, плотно утопанную дорогу.

Книги Пушкина выходят в миллионах экземпляров и моментально всасываются читательскими массами, как ведро воды сухими песками пустыни. Его знают все. Он переведен на языки самых отсталых когда-то народностей Советского Союза. Сбылось предсказание Пушкина:

Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой
Тунгуз, и друг степей калмык.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Дома	: 3
В лице	9
В Петербурге	33
На Юге	42
В Михайловском	66
Под царской опекой	87
Поездка на Кавказ	96
Возвращение	101
В Болдине	108
После женитьбы	116
В придворном плену	126
Дуэль и смерть	149
После смерти	160
Человек и художник	165

К ЧИТАТЕЛЯМ

Издательство просит читателей-школьников присылать свои отзывы об этой книге по адресу: Москва, М. Черкасский пер., д. 1, Детгиз.

Для неполной средней и средней школы

Ответственный редактор *Н. Максимова*. Художественный редактор
П. Суворов. Технический редактор *Р. Кравцова*.
Подписано к печати 5/XI 1945 г. 11,6 печ. л. (9,85 уч.-изд. л.).
37 696 зн. в печ. л. Тираж 30 000 экз. А24503. Заказ № 662.
Цена 7 руб.

Фабрика детской книги Детгиза Наркомпроса РСФСР.
Москва, Суцевский вал, 49.

Цена 7 руб.